ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 45-й

№ 39 (4429)

26 сентября 1973 г. СРЕДА

ТРИЖДЫ ОРДЕНОНОСНАЯ...

Камиль ЯШЕН,
Хамид ГУЛЯМ

В эти солнечные дни сердца всех тружеников нашей республики переполнены радостью — Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев вручил Узбекистану высокую награду Родины — орден Дружбы народов.

Приезжал к нам Леонид Ильич и в прошлом году, принимал участие в работе партийно-хозяйственного актива хлопкосеющих республик. Выступая тогда перед добытчиками «белого золота», Л. И. Брежнев поставил задачу коренного увеличения и улучшения машинной уборки хлопка. Собрать машинами не менее двух с половиной миллионов тонн «белого золота» — такую цель преследуют узбекские хлопкоробы. А это больше половины всего урожая... Мы только что вернулись с хлопковых полей Андижанской области. Андижанцы сдают ежедневно государству по 20—25 тысяч тонн хлопка... Это много! Очень много!

Высоких показателей добиваются и труженики Кашкадарьинской, Сырдарьинской, Наманганской, Ферганской и других областей. В результате — рекордная сдача «белого золота» по республике: 130—140 тысяч тонн в день!

На бескрайних полях ни днем, ни ночью не стихает гул тысяч и тысяч «голубых кораблей», капитаны которых добиваются рекордных выработок: они собирают по 15—20 и даже по 30 тонн хлопка за смену! Уже собрали по 300 с лишним тонн такие известные механики-водители, как А. Валиев из совхоза имени М. И. Кичанова и Т. Дададжанов из совхоза имени В. И. Ленина Сырдарьинской области, М. Джалалов из колхоза имени XX партсъезда и К. Иргашев из совхоза «50 лет Октября» Андижанской области, многие другие механизаторы. Вот оно, конкретное выполнение поставленной задачи!

Леонид Ильич осмотрел наши поля, встречался с людьми, беседовал с хлопкоробами, животноводами, рабочими, учеными, с руководителями республики. Товарищ Л. И. Брежнев участвовал также в работе партийно-хозяйственного актива шести хлопкосеющих республик страны: Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, Азербайджана, Казахстана, Киргизии, где были приняты повышенные социалистические обязательства — приняты после пересмотра каждой республикой своих возможностей. Узбекистан даст государству, например, 4 миллиона 850 тысяч тонн хлопка. Это на 100 тысяч больше, чем было указано в прежних обязательствах...

Трудящиеся Узбекистана восприняли приезд товарища Леонида Ильича Брежнева, его сердечное внимание к нашей жизни как яркое проявление огромной заботы Коммунистической партии и Советского правительства об узбекском народе. Незабываемые встречи Генерального секретаря ЦК КПСС с тружениками республики вылились в яркую демонстрацию единства партии и народа.

Здорово изменилась наша трижды орденоносная республика — Узбекистан раньше был награжден двумя орденами Ленина! — республика похорошела, жизнь в ней стала краше, лучше и богаче. Большой путь прошла она...

Выступая на торжественном заседании в Ташкенте, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев сказал, что в годы социалистического строительства всесторонний подъем Средней Азии стал общей заботой всей Советской страны. Здесь развертывались первые всесоюзные стройки — Турксиб, Большой Ферганский канал, Ташкентский текстильный комбинат и многие другие. Крупные финансовые средства, дефицитные машины и оборудование, целые предприятия направлялись сюда из центра.

Леонид Ильич Брежнев подчеркнул, что партия вложила в дело строительства социализма в Средней Азии свой самый ценный капитал — труд, талант, горение лучших своих работников.

...Хлопковая страда в разгаре. На хирманы идет «белое золото», все выше и выше поднимаются горы хлопка.

Хлопок — гордость нашей республики. Трудящиеся Узбекистана сердечно благодарны народам Советской Отчизны за все, что они дают республике, — автомашины и тракторы, турбины и лес, рельсы и минеральные удобрения, многое, многое другое, без чего немыслима теперешняя жизнь хлопкоробов.

Родина славит подвиг своих сыновей и дочерей, тружеников Узбекистана — подвиг, в котором, как в зеркале, отражается героический труд всего советского народа — труд во имя мира на земле, во имя торжества коммунизма!

ТАШКЕНТ

Сегодня праздник!
Идет хлопок 1973 года...
Новый Ташкент.
Метрострое[illegible] *столицы*
Узбекистана.

Фото Г. ДУБИНСКОГО и В. ЯКОБСОНА

2 октября начинается Декада советской литературы в Сахалинской области, посвященная третьему, решающему году девятой пятилетки. Для участия в декаде туда выезжает делегация писателей во главе с секретарем правления СП РСФСР Д. Граниным.

Редакция «ЛГ» попросила секретаря Сахалинского обкома КПСС В. Губанова рассказать о том, как идет подготовка и предстоящему литературному празднику.

В. ГУБАНОВ, секретарь Сахалинского обкома КПСС

ПРИГЛАШАЕТ САХАЛИН

Декада советской литературы в нашей области, как и в прошлом году, будет проходить в золотую пору осени. Октябрь на Сахалине — месяц еще не утраченного тепла, богатой палитры красок. Но осень еще и время напряженной работы по завершению намеченных планов, принятых социалистических обязательств.

Знаменательно, что именно в эти дни к нам приезжают известные писатели из Москвы, Ленинграда, Киева... Предстоящие встречи мы расцениваем как продолжение дружбы советских писателей с тружениками славной сахалинской земли, которые вместе со всем народом нашей Родины под руководством партии успешно борются за осуществление решений XXIV съезда КПСС. Усилия сахалинцев и курильчан, как и всех советских людей, направлены на выполнение заданий третьего, решающего года пятилетки каждым производственным коллективом. Этот могучий трудовой подъем вызван огромными достижениями нашей страны в развитии экономики и культуры, активной и плодотворной деятельностью Коммунистической партии, Советского правительства по укреплению мира на земле.

Замечательных успехов добились наши рыбаки. Писатели могут убедиться в этом, побывав на рыболовных судах. Работая в исключительно сложных условиях дальневосточных морей, преодолевая постоянные угрозы стихии, сахалинские рыбаки проявляют поистине чудеса мужества и героизма, добиваются отличных результатов. Нельзя не назвать экипажи рыболовных траулеров «Марково» и «Невельский комсомолец», возглавляемых капитанами Героем Социалистического Труда А. Богметенко и кавалером ордена Трудового Красного Знамени Н. Никитиным. Коллективы этих судов за два с половиной года справились со своими пятилетними заданиями по добыче рыбы и обязались до конца пятилетки выполнить еще по одному пятилетнему плану.

Важной вехой в развитии производительных сил области явилось сооружение морской железнодорожной паромной переправы через Татарский пролив, которая недавно сдана в эксплуатацию. Паромная переправа — это своеобразный мост, навсегда соединивший наш остров с материком. Сбылась мечта сахалинцев об установлении регулярного и прямого железнодорожного сообщения острова с другими районами страны, со столицей нашей Родины — Москвой.

Высоких результатов добиваются работники сельского хозяйства. Они постоянно перевыполняют свои планы и обязательства по производству и продаже государству всех видов животноводческой продукции, вырастили хороший урожай картофеля и овощей, а в эти дни организованно ведут его уборку. Среди тружеников совхозов широкую известность своими успехами завоевали Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР доярка В. Шорохова, картофелевод И. Тимофеев, овощевод А. Межова, сотни других знатных тружеников полей и ферм.

Все эти герои труда, как и тысячи других замечательных передовиков производства, которыми так богата сахалинская земля, достойны того, чтобы стать героями книг, потому что именно в этих людях, наших современниках, особенно зримо проявляются черты характера настоящего советского человека — борца, созидателя, энтузиаста, сознательного бойца партии, активного строителя коммунистического общества. Мы полагаем, что общение писателя с такими людьми не может не оставить в его душе следа, не может не обогатить его новым конкретным жизненным материалом — этой основой любого талантливого, по-настоящему высокохудожественного произведения.

Маршруты писателей, участников декады, пройдут через города Оху, Нефтегорск, Александровск, порт Корсаков, Холмск...

Мы признательны правлению Союза писателей СССР за то, что оно второй раз за последнее время направляет в нашу область столь представительную группу литераторов, стремится сделать такие встречи деловыми, творческими и тем самым оказывает большую помощь областной партийной организации.

Мы говорим дорогим гостям:

— Добро пожаловать на сахалинскую землю!

Матильде Уррутиа де Неруда

ИСТА НЕГРА, ЧИЛИ

Прошел наш вождь, наш [illegible] Пабло Неруда, выполнивший [illegible] счастливо. Любящее [illegible] от человеческих и [illegible] Мир потерял [illegible] друзей и [illegible] Прах. В эти скорбные дни мы с [illegible] Чилийскому [illegible]

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ПИСАТЕЛЬСКИЕ КОНТАКТЫ

Исходя из общего желания углубить сотрудничество между писателями Иракской Республики и Советского Союза, с целью расширения литературного обмена между двумя странами и укрепления дружественных отношении между ними, Союз писателей Ирака и Союз писателей СССР 21 сентября подписали в Москве Соглашение о сотрудничестве на 1973—1974 годы. Это соглашение — первое в истории взаимоотношений творческих союзов двух стран. Оно предусматривает взаимный обмен изданиями, возможную организацию специальных совещании для обсуждения литературных проблем, обмен информацией, предложения о переводе произведении литературы.

Писатели двух стран совершат поездки с целью ознакомления с литературной и культурной жизнью Советского Союза и Ирака.

Подписание соглашения подтверждает факт расширения и укрепления творческих уз между писателями двух стран.

По поручению Союза писателей СССР соглашение подписал секретарь правления СП СССР Н. Федоренко, по поручению Союза писателей Ирака — глава делегации иракских писателей Абдель Амир Маала.

При подписании присутствовали: с иракской стороны — писатели Хашим аль-Таан, Хуссейн Ареф, Джаляль аль-Даббаг. С советской — первый секретарь правления СП СССР Г. Марков, секретари правления Ю. Верченко, А. Кешоков, В. Озеров, первый секретарь правления СП Казахстана А. Алимжанов, ответственные сотрудники Иностранной комиссии СП СССР, журналисты.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Гафурова В. орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в развитии советской литературы наградить писателя Гафурова Бали орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
18 сентября 1973 г.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Файко А. М. орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с восьмидесятилетием со дня рождения наградить писателя Файко Алексея Михайловича орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
18 сентября 1973 г.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ — ПОБОРНИК МИРА

Институт мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР и Государственный музей Л. Н. Толстого Министерства культуры РСФСР провели научную конференцию, посвященную 145-летию со дня рождения Л. Н. Толстого. Конференцию открыла и. о. директора музея Н. Н. Азарова.

Под знаком приближающегося Всемирного конгресса миролюбивых сил прошел первый рабочий день конференции.

«Лев Толстой — великий поборник мира» — так назывался доклад доктора филологических наук профессора К. Н. Ломунова. Докладчик подробно охарактеризовал программу, пункты которой сыграли историческую роль в общественно-политической деятельности великого русского писателя. Доктор филологических наук, профессор Г. П. Краснов в своем докладе «Мир как тождественная проблема в романах Л. Н. Толстого» обратил внимание на некоторые особенности воплощения темы мира в произведениях писателя. «Вопросы мира в переписке Л. Н. Толстого с деятелями стран Азии и Африки» стали темой доклада старшего научного сотрудника Государственного музея Л. Н. Толстого А. Н. Шифмана.

Выступавшие во второй день говорили о путях художественных исканий писателя, о своеобразии его творческой манеры. «Формирование стиля Л. Н. Толстого» — этой проблеме посвятил свое выступление доктор филологических наук, профессор А. В. Чичерин. Развивая в статье писателя продолжил доктор филологических наук Н. Н. Гей. В своем докладе «Эстетические основы художественных исканий молодого Толстого» он попытался проследить становление стиля писателя, как художественное выражение его мировоззрения. Ведь именно исторические и социальные противоречия жизни, подчеркнул Н. Н. Гей, в первую очередь и определили внутренние мотивировки самой стилевой системы Толстого. Своеобразие проявления «наполеоновской темы» в творчестве Толстого и Достоевского был посвящен доклад старшего научного сотрудника ИМЛИ Л. Д. Опульской «Война и мир» Л. Н. Толстого и «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского (творческая преемственность).

В помещении Государственного музея Л. Н. Толстого, где проходила конференция, была открыта выставка «Л. Н. Толстой — великий поборник мира» (книги, рукописи, документы, фотографии).

ПИСАТЕЛЬ И ПЯТИЛЕТКА

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ И РОЛИ ПИСАТЕЛЯ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ ВЕДУТ РАЗГОВОР:

секретарь правления СП РСФСР Г. КОНОВАЛОВ, первый секретарь Красноярского крайкома КПСС П. С. ФЕДИРКО, начальник управления Красноярскгэсстроя В. М. ПЛОТНИКОВ

стр. 2

ТРАГИЧЕСКИЕ ДНИ ЧИЛИ

- КАК БЫЛ УБИТ ПРЕЗИДЕНТ АЛЬЕНДЕ.
- ИНОСТРАННЫЕ МОНОПОЛИИ ОТКРЫЛИ «ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ» ГЕНЕРАЛАМ-ПУТЧИСТАМ.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ПИСАТЕЛЯ ГЕНРИКА БОРОВИКА ИЗ ЛИМЫ

стр. 9, 14

ПИСАТЕЛЬ И ПЯТИЛЕТКА

ЕНИСЕЙ: ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ, ДЕНЬ ЗАВТРАШНИЙ

Григорий КОНОВАЛОВ,
секретарь правления СП РСФСР,
П. С. ФЕДИРКО,
первый секретарь Красноярского крайкома КПСС,
В. М. ПЛОТНИКОВ,
начальник управления Красноярскгэсстроя
беседуют о перспективах развития Красноярского края, о роли писателя в решении задач девятой пятилетки

«Я не навязываю художественной литературе,— писал Алексей Максимович Горький,— задач «краеведения», этнографии, но все же литература служит делу познания жизни, она — история быта, настроений эпохи, и вопрос о том, насколько широко охватила она действительность свою, этот вопрос может быть поставлен».

Ритмы и дела эпохи, характеры ее героев — вот что всегда привлекало внимание наших писателей, служило темой их творчества. Развивая горьковские традиции, они активно участвуют в строительстве будущего и сегодня.

Усилия мастеров слова направлены на то, чтобы развернуть широкую панораму событий героической эпохи, глубоко и всесторонне осмыслить их, создать летопись трудовых свершений современника.

Роли литераторов в выполнении грандиозных планов девятой пятилетки, актуальным проблемам, которые стоят перед тружениками сибирской земли, была посвящена беседа секретаря правления СП РСФСР Григория КОНОВАЛОВА с первым секретарем Красноярского крайкома КПСС П. С. ФЕДИРКО и начальником управления Красноярскгэсстроя В. М. ПЛОТНИКОВЫМ.

«ВЖИТЬСЯ» В СИБИРСКУЮ ТЕМУ...

Г. КОНОВАЛОВ. Я не преувеличу, если скажу, что все участники «Енисейских встреч», мои коллеги по писательскому ремеслу, стремятся и будут стремиться внести свою, пусть скромную, лепту в дело скорейшего выполнения задач, которые сейчас решают люди вашего исполинского края, гостями которого мы были недавно. Писатели хотят, как говорится, «вжиться» в сибирскую тему, глубоко изучить проблемы, помочь вам своим творчеством. Вот почему я прошу вас, Павел Стефанович, и вас, Владимир Михайлович, рассказать о том, что сегодня заботит красноярцев и в каких конкретно вопросах литераторы могут быть вам полезны.

П. ФЕДИРКО. Я рад такому направлению разговора. Признаюсь, организовывая поездку большой группы писателей, мы и рассчитывали на то, что они не ограничатся только поверхностным знакомством с краем, восторгами по поводу сибирской экзотики. Хотя не в обиду будет сказано, литераторы нередко еще судят о Сибири и сибиряках по сложившимся канонам. Случается, что после поездки по нашим местам появляются произведения, где внимание в основном сосредоточено на внешних приметах жизни, людей и природы. А между тем, думается, что многие процессы здесь протекают более ярко и выпукло, чем, допустим, в европейской части страны. Ведь если в Сибири возникает спор об освоении нового района, так этот район нередко иного европейского государства, если мы решаем выделить сумму на какое-либо строительство, то нередко она исчисляется сотнями миллионов рублей.

НЕОБХОДИМЫЙ КОММЕНТАРИЙ

Что представляет собой Красноярский край сегодня? На его территории, которая равна пяти Франциям, разведаны уникальные по своим размерам и многообразию сокровища. Край располагает 90 процентами разведанных запасов графита, спрос на который в условиях бурно развивающегося технического прогресса все более растет. Около 40 процентов самого дешевого в стране угля хранится в красноярских «закромах». При современных темпах добычи его может хватить примерно на 5000 лет. Этот район обладает крупнейшими железорудными бассейнами, месторождениями свинца, меди, никеля, молибдена, титана, других редких и драгоценных металлов, первоклассного мрамора, разнообразнейших строительных материалов, каменных и калийных солей, магнезита, тализемита, исландского шпата. Обнаружены нефть, крупные газоносные площади.

Красноярский край — это зеленый океан тайги: 14 миллиардов кубометров целлюлозной древесины. Каждое пятое дерево в Советском Союзе растет здесь. Здесь сосредоточена тайга четверть гидроэнергетического потенциала страны.

...У нас интенсивно развиваются энергетика и машиностроение, цветная металлургия, химическая, деревообрабатывающая промышленность. Край дает стране сталь, алюминий, мощные мостовые краны, речные суда, комбайны, автопокрышки, бумагу, холодильники, шелковые ткани, меха... Все невозможно перечислить!

На наш взгляд, перед писателями в Сибири открывается замечательная возможность для художественного «освоения» перемен, происходящих в жизни страны.

ПРЕОБРАЖЕННАЯ ЗЕМЛЯ: КОМПЛЕКСНЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ

П. ФЕДИРКО. Партия поставила перед нами исторической важности задачу комплексного развития производительных сил. Она заключается прежде всего в ускоренном и комплексном использовании гигантского сырьевого потенциала Сибири. Нашему краю определен срок развития не только на нынешнюю, но и на десятую пятилетку. Это даст возможность лучше сориентироваться, более четко спланировать свои дела, наметить перспективу. И речь ведь идет, заметьте, не только и не просто о строительстве новых предприятий. На практике это прежде всего означает развитие качественно новых взаимоотношений между министерствами и ведомствами. Они должны, скооперировав свои средства, построить вокруг сырьевой базы и источника электроэнергии группу специализированных предприятий с едиными коммуникациями, единой сетью торговых, медицинских, культурно-просветительных учреждений, с прочной базой производства сельскохозяйственной продукции. Такой путь дает больше выгод: сокращаются расходы на строительство, материально-техническое снабжение, транспортные связи.

Естественно, что при подобном «накапливании энергии», интенсивном, постоянно меняющемся пути развития, мы заинтересованы в «оперативных» литературных жанрах — очерках, статьях, публицистических произведениях и в песнях, — да, да, в песнях, которые опережали бы время, подтягивали бы нас. Настоящий литератор обладает драгоценным чутьем. Нередко он видит то, что другой человек не увидит, даже если он хороший специалист. Масштабность взгляда писателя на вещи — вот что самое важное в его работе.

Чтобы вы могли себе наглядно представить, как все должно происходить, поясню свою мысль на конкретном примере. Один из перспективных районов у нас — Маклаково-Енисейский промышленный узел. Сейчас там остается в тайге огромное количество отходов от лесопиления, пропадают значительные суммы. Мы предусматриваем в этом месте строительство объектов самых различных ведомств. Эти мощные, технологически связанные между собой предприятия станут превращать древесные отходы в целлюлозу, газетную бумагу, гидролизный спирт, кормовые дрожжи, мебель. С введением в строй предприятий будет успешно решена важная народнохозяйственная задача комплексной практически без отходов, переработки древесины.

О решении подобных вопросов постоянно идут споры: как лучше сделать? Вот где, как не литератор, может привлечь внимание общественности — наибольшего числа людей к этому вопросу, помочь партийным и хозяйственным ра[ботникам]?

Г. КОНОВАЛОВ. Да, вы правы, Павел Стефанович. Меня интересует и другое. Вот эта система совершенно новых отношений между министерствами и ведомствами срабатывает, и она уже сверху дони[зу]? Не дает ли каждый в свою дуду на старинный лад? Нас, писателей, очень интересуют подобные конфликты, если они, конечно, есть.

П. ФЕДИРКО. Вы затронули больной вопрос. К великому сожалению, сегодня еще далеко не все воспринимают подобный «метод» взаимоотношений. В тот же самый Маклаково-Енисейский промышленный район пока никто не вкладывает средств, кроме Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности. Строительство специализированных предприятий задерживается ведомствами. Поэтому, используя ресурсы лишь одного министерства, мы уже сегодня замечаем много недостатков в комплексном развитии этого района. Словом, несмотря на то, что Госстроем принято решение, кто какие доли должен внести, и по каждому промышленному комплексу — а их сегодня утверждено пока семь — определен головной застройщик, предметная реализация постановления нашей партии и правительства о комплексном развитии производительных сил края идет еще не вполне удовлетворительно. Оперативное выступление опытного литератора, публициста, разбирающегося в сути дела, подтолкнуло бы ведомства. Вот вам, пожалуйста, конкретная тема!

Г. КОНОВАЛОВ. Вы, как я понимаю, говорите о «внешних» проблемах. Но у вас существуют, видимо, и внутренние, чисто специфические...

П. ФЕДИРКО. Да, конечно. Я остановлюсь и на другой группе вопросов, которые нуждаются в скорейшем решении. Уже к 1975 году нам понадобится для работы в промышленности дополнительно 120 тысяч человек. Для этих людей мы сейчас строим жилье, столовые, ясли, детские сады, школы, магазины. Нашему краю, в отличие от обжитых районов, это, как вы понимаете, особенно необходимо. Несмотря на то, что работать в край приезжают в основном молодые люди, увлеченные романтикой грандиозных перемен, мы не можем, не имеем права рассчитывать лишь на человеческий энтузиазм. Энтузиазм плюс подлинно партийная забота о человеке — таков наш главный принцип отношения к этому вопросу.

Нам важно не только привлечь на работу в край огромную массу трудящихся, но и сделать все, чтобы они закрепились здесь на постоянное жительство, «помешать» таким образом оттоку рабочей силы в другие районы. В поездках по югу края вы, наверное, обратили внимание на то, что многие промышленные объекты создаются в трудных, необжитых местах. Как добиться, чтобы люди, приехавшие к нам, почувствовали себя истинными сибиряками, творцами будущего этого замечательного края, чтобы они полюбили его, навсегда связали с ним свою жизнь? Здесь писатели, как мне представляется, могли бы оказать неоценимую помощь. Мы очень заинтересованы в широкой пропаганде края, в разъяснении того, что сейчас происходит на его огромной строительной площадке. Ведь художественный толчок к поступкам человеку дает нередко хорошая литература.

ПОКОРЕНИЕ ИЛИ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ?

Г. КОНОВАЛОВ. Павел Стефанович, вот какая картина тут рисуется. Это ведь очень хорошо, что край пока необжитый. На новой земле строительство сразу начинает вестись самыми современными методами. Рождение новых городов, особенно в трудных условиях Сибири, — это, конечно же, подвиг народа. И я думаю, внуки и правнуки наши будут благодарны тем, кто строил Дивногорск на берегах Енисея...

ЦИТИРУЕМ А. П. ЧЕХОВА

— В своей жизни я не видел реки великолепнее Енисея. Енисей могучий, неистовый богатырь, который не знает, куда девать свои силы и молодость. На Енисее жизнь началась стоном, а кончится удалью, какая нам и во сне не снилась. Там, по крайней мере, думал я, стоя на берегу широкого Енисея и с жадностью глядя на его воду, которая с стремительным быстротой и силой мчится в суровый Ледовитый океан» (очерки «Из Сибири»).

...Куда как редко на первозданном месте вписан Дивногорск в ландшафт. И тут на ум приходит некая поправочка в понятие «покорение природы». Слово это могущественное и имеет определенный смысл, не очень-то веселый для нашей матери природы. Не лучше ли сказать так: это союз разумного сына со своей матерью ради блага и красоты жизни? Ведь действительно перекрытый у Дивногорска Енисей заневолен лишь относительно. Не зачах он, не ушел в небытие, а работает на коммунизм, мощно и радостно поигрывая силою созидания. Стало быть, человек не покоряет, а скорее всего умнехонько раскрепощает жизнетворную энергию Енисея?

П. ФЕДИРКО. Все это так, конечно, и я очень рад, что вы, как писатель и гражданин, стоите за разумный подход к индустриализации края. Дивногорск, раз вы его уж упомянули, действительно является в градостроительной практике примером бережного отношения к природе. Выражением принципиально нового подхода к проблемам развития Сибири и к взаимоотношениям человека с природой может быть Саянский промышленный комплекс. Города и поселки этого комплекса вырастут в самой благоприятной по климату южной части нашего края.

Здесь плодороднейшие черноземные почвы, обилие солнца, под лучами которого вызревают арбузы, яблоки и даже виноград. Совершенно ясно, что надо с хозяйской бережливостью использовать каждый гектар земли и лесных угодий, не допустить загрязнения водоемов и воздушной среды, максимально предотвратить нежелательные экологические изменения. В решении этой большой и гуманной задачи первое слово за представителями науки, за технической мыслью...

Ученые и инженеры призваны предложить наиболее простые и надежно действующие проекты и агрегаты, которые обеспечили бы «дружеское сотрудничество» нашей цивилизации и природы. Хотелось бы, чтобы и писатели острее ставили эти вопросы.

И все же, Григорий Иванович, у меня возникает желание вам возразить. Когда во время перекрытия Енисея строители Красноярской ГЭС, испытавшие на себе строптивую силу реки, бросали в воду огромные глыбы с надписями «Покорись, Енисей!», это прежде всего служило выражением молодого и созидательного пыла преобразователя, а не являлось замашками покорителя, подминающего под себя красоты природы, являлось выражением героического начала в человеке, олицетворением подвига.

Преобразуя внешнюю среду, человек преобразует и самого себя. Этот процесс идет непрерывно. И подчас мы не отдаем себе отчета в тех высотах нравственного совершенства, которых достигает в своем развитии наш советский человек!

СИБИРСКИЙ ХАРАКТЕР

Г. КОНОВАЛОВ. Очевидно, могучая и прекрасная природа несет сибирский характер — живой в своей целостности и упорстве?

В. ПЛОТНИКОВ. Верно, что суровая сибирская природа выковывает натуры волевые, широкие, сильные. Но это далеко не вся правда. Сибиряк сегодня — это человек передовых взглядов, интеллектуально развитый. Ему подвластна сложнейшая техника, которой вооружены наши предприятия. Он решает задачи, требующие не только личного мужества, но глубокой научно-технической подготовки. Масштабность дел, трудные условия способствуют воспитанию отличных руководителей производства. Край стал кузницей кадров и для центральных районов страны. Наших специалистов с удовольствием принимают на любое самое современное предприятие, приглашают на высокие руководящие должности в министерства и ведомства...

Сибири действительно есть возможность и проявить себя, и увидеть плоды своего труда. Вы только представьте — семнадцать лет назад основная задача Красноярскгэсстроя заключалась в том, чтобы возвести Красноярскую ГЭС. Сейчас эта станция уже действует и в полную мощь работает на благо страны. А наша организация теперь решает иные серьезные задачи. Ныне география строительной площадки Красноярскгэсстроя — это, по существу, весь край, начиная от границ Тувинской республики и до Заполярья. Нам предстоит возвести не только гидростанции на Енисее, но и соорудить большие промышленные, сельскохозяйственные предприятия. Если в восьмой пятилетке мы выполнили работ объемом на 340 миллионов рублей, то в девятой эта стоимость достигнет 700 миллионов рублей. В десятой же пятилетке мы планируем выполнение работ на полтора миллиарда рублей! Вот наша перспектива, вот как мы сегодня шагаем.

Коллектив Красноярскгэсстроя в основном состоит из молодежи, которая смело берет на свои плечи груз огромной ответственности за судьбы дела большой государственной важности. Ну вот, скажем, Миша Лесников, может быть, вы встречались с ним в котловане Саяно-Шушенской ГЭС, или Саша Лардыгин, бригадир бетонщиков. Меня поражает в них рабочая страсть: на производстве они горят, в диспутах их не переспоришь. Я всегда встречаюсь с ними с большой радостью. Такие люди определяют ритм нашей сегодняшней жизни, утверждают в своем труде внутреннюю красоту, духовное богатство. За ними тянутся и другие. Павел Стефанович совершенно справедливо сказал о нашей заинтересованности в «оперативных» литературных жанрах, но полно раскрыть духовное богатство людей, их судьбы можно, конечно, в крупных художественных полотнах. Как иногда становится грустно, когда читаешь книги, в которых слова «тайга», «заимка», «шаньга» — так называемый местный колорит — сыплются, словно из рога изобилия. Но ни о каком глубоком постижении человеческого характера, ни о какой «летописи» преобразования Сибири не приходится говорить. Есть, конечно, и очень хорошие, высокоталантливые произведения, такие, как «Даурия» К. Седых, «Строговы» и «Сибирь» Г. Маркова, «Хмель» А. Черкасова... Но ведь они посвящены истории.

П. ФЕДИРКО. Слушая Владимира Михайловича, я подумал о том, что для сибиряков самой сейчас, пожалуй, характерной чертой является «чувство хозяина». Вот вам пример. В свое время мы были очень недовольны тем, что в Красноярске не существовало организации, которая занималась бы культурно-бытовыми объектами. Тогда создали специализированный трест, который стал строить стадионы, дома культуры, клубы.

Кстати, вы были во Дворце металлургов?..

Г. КОНОВАЛОВ. Да, я видел это прекрасное сооружение. Мрамор, бетон, стекло... Современное, красивое здание по самому высшему счету!

П. ФЕДИРКО. Хотелось бы обратить ваше внимание на маленькую деталь. Когда прорабы и мастера готовы были сдать, а сам заказчик — алюминиевый завод — хотел принять дворец к эксплуатации, строители в одном месте сами обнаружили брак. И вот ночью они здесь все сломали и взялись переделывать. Разве это не пример нового отношения к труду? Сошлюсь на другой пример. На Красноярском шелковом комбинате работает ткачиха Зоя Сафонова. При норме обслуживания 14 станков она перешла сначала на 25, потом — на 50. Сейчас обслуживает 75 станков, и дело идет успешно. У нее появились последователи. Или возьмем нашего прославленного комбайнера Героя Социалистического Труда Ивана Архиповича Недобиткова. В прошлом году он намолотил 21 тысячу центнеров зерна. И теперь, при уборке урожая, взял обязательство намолотить столько же. Он очень хороший воспитатель молодежи, участник всех краевых совещаний, семинаров, с удовольствием делится своим опытом, своими передовыми методами.

Г. КОНОВАЛОВ. Да, мы встречались с этим человеком на слете комбайнеров в Минусинске. Рабочая хватка Ивана Архиповича Недобиткова роднит его с лучшими механизаторами Украины, Кубани, Дона, Поволжья. Герой Социалистического Труда, металлург Красноярского алюминиевого завода имени 50-летия ВЛКСМ Иван Поликарпович Саплинов, с которым я познакомился в вашем городе, по духу, сноровке рабочей — родня Герою Социалистического Труда обер-мастеру Анатолию Фирсовичу Серкову с волгоградского металлургического завода «Красный Октябрь». Всех их воспитали советское общество, партия, отцом которой был В. И. Ленин. Только ленинская партия может так мастерски руководить страной, черпая силы в народе. Историей выверена деятельность нашей партии. Историей суровой, нередко драматической. Партия и народ оказались на уровне великих ленинских идей.

Здесь, в крае, где был совершен великий нравственный и научный подвиг вождя, с особой ясностью понимаешь, что художник, пишущий о современности, должен не просто фиксировать реальные явления, а помогать народу своими книгами углубленно познавать историю, ее движущие силы, ее влияние на грядущее.

Пароду нельзя терять историческую память и чувство преемственности. У советского народа историческая память сильная, крепкая. И тут, в Сибири, ветер времени не завьюжил, не размыл следов первопроходцев. Кажется, что изумленный возглас воеводы Дубенского, прибывшего с казаками на Качу и Енисей в 1628 году, который поразился красотой и мощью природы земли необыкновенной, все еще звучит, сливаясь с голосами наших современников.

СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ ИСТОРИИ

В. ПЛОТНИКОВ. В наши дни мы многому перестаем удивляться. Недавно я был в Комсомольске-на-Амуре и там поймал себя на мысли, что сейчас в нашей стране, и особенно здесь, в Сибири, люди каждый день строят свои Комсомольски-на-Амуре и Днепрогэсы. Только сегодня это уже кажется привычным делом. Никого не удивишь даже полетами в космос. Поражают лишь цифры, размеры — крупнейшая в мире ГЭС, невиданная в мире стройка! А если мощность новой станции чуть меньше, то и интереса нет, хоть она, быть может, является чудом инженерной мысли. Ошибку совершают те писатели, которые обходят стороной такие, на первый взгляд, «маленькие» стройки или события. Не отсюда ли появляется облегченный подход к изображению процессов, происходящих сейчас в Сибири, к созданию характеров сибиряков?

Г. КОНОВАЛОВ. Ваши упреки в адрес литературы, безусловно, справедливы. Скажу больше. Размышляя о причинах своих творческих промахов, видных, быть может, даже только мне одному, я прихожу к выводу, что настоящее художественное полотно о современности можно создать только тогда, когда ты становишься непосредственным участником тех процессов жизни, которые хочешь понять и отразить. И поверьте, иной раз горько признаваться себе, что не успеваешь постигнуть душой все то, что видишь в нашем стремительно обновляющемся социалистическом мире.

Думаю, что литература в целом тоже осознает свою хроническую задолженность перед народом и свое некое «смущение» перед сложностями жизни в ее новом общественном и нравственном качестве.

Самое значительное открытие за всю историю человечества — это новое общество. А изображение жизни нашего общества немыслимо без показа жизни Коммунистической партии.

Нужно многажды отереть пот с лица своего, прежде чем познаешь радость творческого свершения. Если в жизни незаменима травинка, что же тогда говорить о человеке, преобразователе природы, выхватившем из недр бытия множество тайн?

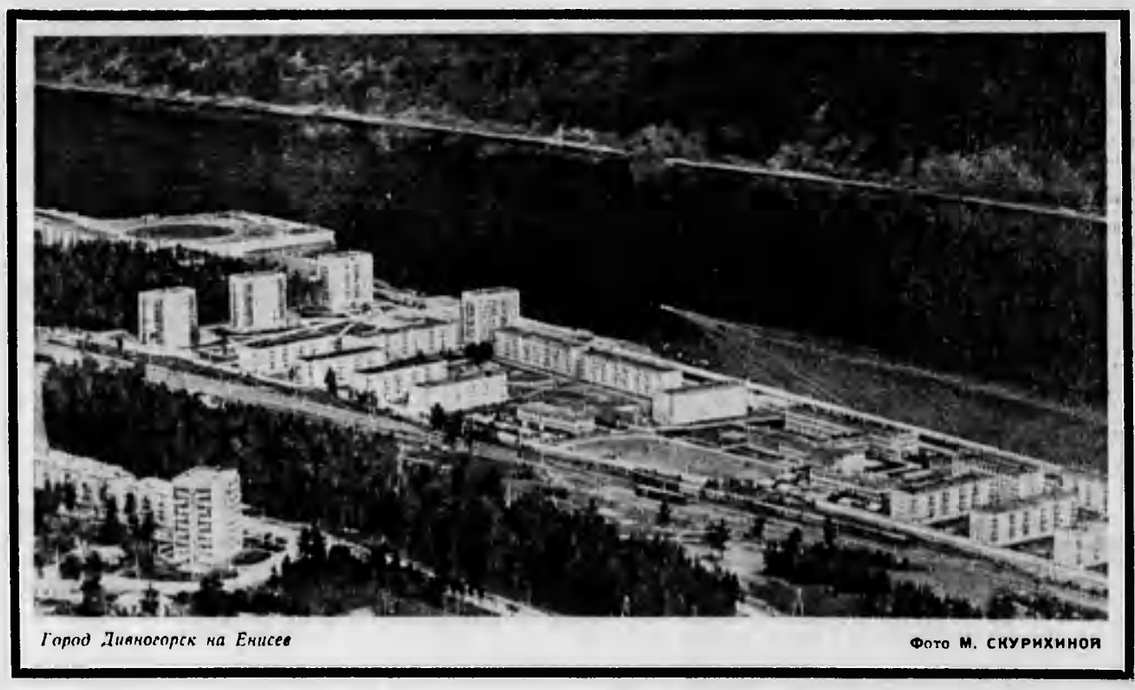
Нерешительность овладевает литератором перед тайной воплощения живой неповторимости человеческих судеб в характеры и типы. А серьезный писатель только и мыслим как создатель характеров, разгадчик драм.

П. ФЕДИРКО. Я думаю, что разговор у нас получился серьезный и важный. В заключение скажу, что мы намерены и впредь развивать творческие контакты тружеников нашего края с писателями страны. Если же говорить об активном вторжении литераторов в созидательный труд современников, то мне хотелось бы отметить такую форму организации, как писательские посты редакций ведущих журналов на крупнейших стройках пятилетки. Помнится, об этом говорил в своем докладе «Писатель и пятилетка» на пленуме правления СП СССР Георгий Марков. Почему бы не создать такие посты на наших ведущих стройках — Саяно-Шушенской ГЭС, Абаканском вагоностроительном комплексе и ряде других. Мы хотели бы, чтобы вы восприняли это как социальный заказ писателям.

Г. КОНОВАЛОВ. Я уверен, что многие писатели приедут к вам надолго, может быть, даже на постоянное жительство, чтобы вникнуть в богатый духовный мир сибиряков, выполнить социальный заказ истории, заразиться вашим энтузиазмом, вашей крылатой мечтой — преобразить суровый край, заставить работать на коммунизм его богатства.

Позвольте мне, жителю Волги, поклониться Енисею. Связаны эти реки именем Ленина, как брат и сестра.

Беседу записала
В. ПОМАЗНЕВА,
специальный корреспондент «Литературной газеты»
КРАСНОЯРСК

Город Дивногорск на Енисее Фото М. СКУРИХИНОЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

...В 1914 году в Красноярске были мужская и женская гимназии, епархиальное училище, духовная и учительская семинарии, техническое, железнодорожное и ремесленное училища, ряд частных учебных заведений, железнодорожная школа.

В 1973 году в крае насчитывается десять высших, шестьдесят шесть средних специальных учебных заведений, семьдесят три профессионально-технических училища. Складывается новый академический центр — работает Институт физики имени Л. В. Киренского, Институт леса и древесины Сибирского отделения АН СССР. В ближайшее время семья академических институтов пополнится Институтом химии и Вычислительным центром.

ПАНОРАМА „ЛГ"

В СЕКРЕТАРИАТЕ ПРАВЛЕНИЯ СП СССР

ОБСУЖДЕНИЕ ЖУРНАЛА «ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

На очередном заседании секретариата правления Союза писателей СССР состоялся обмен мнениями о первых номерах журнала «Литературное обозрение».

В своем сообщении главный редактор Ю. Суровцев охарактеризовал деятельность журнала по выполнению постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике». За девять месяцев своего существования новый печатный орган Союза писателей СССР опубликовал свыше 350 рецензий на новые произведения нашей многонациональной литературы, 35 обзорных статей и ряд других материалов, анализирующих кардинальные проблемы современного литературного процесса.

— Свою главную цель, — заявил докладчик, — редакция журнала видит в постоянном повышении идейно-теоретического уровня литературно-критических выступлений, в активном развитии марксистско-ленинских принципов анализа явлений литературы, во всестороннем осмыслении закономерностей сегодняшнего этапа в развитии жизни и литературы. Журнал призван также широко рецензировать книжные новинки.

В обсуждении приняли участие Г. Бровман, А. Дымшиц, Е. Книпович, В. Литвинов, С. Машинский, В. Озеров, Б. Полевой, Р. Рождественский, А. Салынский, Л. Скорино, Л. Теракопян, Н. Федоренко. Отмечая, что редакция «Литературного обозрения» добилась в своей деятельности определенных успехов, выступавшие высказали ряд критических замечаний и пожеланий, направленных на усовершенствование работы.

Выступавшие говорили о необходимости усилить активность и наступательность журнала в современной идеологической борьбе, проявлять высокую требовательность к идейно-теоретическому уровню анализируемых произведений, шире использовать богатый теоретический арсенал марксистско-ленинской философии, социологии, этики и эстетики.

Участники обсуждения высказались за более планомерную публикацию статей обобщающего характера, содержащих глубокие размышления о развитии многонациональной советской литературы. Настоятельная задача журнала — глубоко анализировать проблемы художественного отображения современного этапа коммунистического строительства и ярких характеров, воплощающих идейную убежденность, духовное богатство, нравственную красоту советских людей. Внимание критиков должно быть привлечено к произведениям, воссоздающим глубинные изменения в народной жизни.

Были также затронуты вопросы качества публикуемых рецензий, точности художественных критериев и оценок, проблемы исследования писательского мастерства, подготовки кадров молодых критиков, оформления журнала.

Подчеркивалась необходимость более глубоко анализировать процессы взаимообогащения и сближения культур социалистических наций, регулярно привлекать к участию на страницах «Литературного обозрения» писателей и критиков из братских стран социализма, своевременно рецензировать произведения зарубежной литературы.

Итоги обсуждения подвел первый секретарь правления СП СССР Г. Марков. Он отметил, что на заседании секретариата состоялся обстоятельный, конструктивный, требовательный и доброжелательный разговор о «Литературном обозрении», который поможет усовершенствовать журнал, выявить новые возможности в его работе.

— Одна из важных особенностей «Литературного обозрения», — сказал Г. Марков, — состоит в том, что он должен воссоздать интенсивность движения советской литературы, давать широкую панораму современного литературного развития. Однако цель журнала не просто в констатации явлений и фактов литературной жизни, а в том, чтобы активно влиять на литературный процесс, всемерно способствовать повышению роли литературы в формировании мировоззрения советского человека, его нравственных убеждений и духовной культуры.

Секретариат правления СП СССР рекомендовал редколлегии журнала обсудить и учесть в плане своей работы критические замечания и предложения, высказанные в ходе обсуждения.

ВААП: ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

ИНТЕРВЬЮ «ЛГ»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВЛЕНИЯ ВСЕСОЮЗНОГО АГЕНТСТВА ПО АВТОРСКИМ ПРАВАМ БОРИС ПАНКИН ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Как известно, на днях в Москве состоялась конференция учредителей Всесоюзного агентства по авторским правам (ВААП). Союз писателей СССР, Союз художников СССР, Союз композиторов СССР, Союз журналистов СССР, Союз кинематографистов СССР, Союз архитекторов СССР, Академия наук СССР, Агентство печати «Новости», Государственный комитет Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике, Государственный комитет Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию, Государственный комитет Совета Министров СССР по кинематографии, Министерство культуры СССР, Министерство внешней торговли СССР учредили это новое агентство — ВААП.

На конференции был избран совет учредителей, утвержден устав агентства, определены основные направления его деятельности.

На заседании совета учредителей были избраны руководящие органы ВААП. Председателем правления ВААП избран известный литературный критик, публицист, журналист Б. Д. Панкин, который до недавнего времени был главным редактором «Комсомольской правды».

После конференции учредителей ВААП мы беседовали с Б. Д. Панкиным.

— Прежде всего, Борис Дмитриевич, читателей «ЛГ» интересует, чем вызвано создание нового Всесоюзного агентства по авторским правам?

— В последнее время значительно расширилась география творческих контактов и связей нашей советской культуры, нашей литературы и науки. Сейчас на многих языках планеты широко публикуются произведения советской литературы, труды ученых. Советская музыка звучит во всех странах мира. С другой стороны, Советский Союз прочно занимает ведущее место среди других государств по количеству изданий переводной литературы. Таким образом, мы являемся свидетелями необычайно возросшего интереса к советской социалистической культуре, бурно развивающегося культурного и научного обмена. Естественным результатом этого стало решение Советского правительства о вступлении Советского Союза во Всемирную конвенцию об авторском праве. А этот акт предрешил рождение ВААП.

Другими словами, создание агентства вызвано самой жизнью, связано с успешным ходом реализации Программы мира, выдвинутой XXIV съездом нашей партии, с той новой международной атмосферой, которая складывается после исторических визитов Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева в США, ФРГ, Францию.

— Пожалуйста, охарактеризуйте кратко Всемирную конвенцию. Каковы ее цели и задачи?

— Она была учреждена в 1952 году под эгидой ЮНЕСКО. Универсальный характер конвенции за короткий срок привлек в ее члены практически все развитые капиталистические страны Европы, Америки, Азии, значительное число развивающихся государств, некоторые социалистические страны — Венгрию, Кубу, Чехословакию, Югославию. 64 страны, в том числе и Советский Союз, являются ныне членами Всемирной конвенции, которая ставит своей целью «обеспечить уважение прав личности и благоприятствовать развитию литературы, науки и искусства .. способствовать лучшему международному взаимопониманию»

Следует подчеркнуть основной принцип конвенции: предоставление гражданам государств — участников конвенции такой же охраны авторских прав, как и своим собственным гражданам. Что это значит? Заявив о своем присоединении к конвенции, Советский Союз взял на себя обязательство охранять права иностранных авторов — граждан государств — членов конвенции в случае использования их произведений на территории нашей страны на условиях, установленных советским законодательством для охраны прав советских авторов. С другой стороны, авторские права советских литераторов, ученых, композиторов, художников подлежат такой же непременной охране в странах — участницах конвенции, и тоже на условиях внутреннего законодательства этих стран.

— Потребовались ли в связи со вступлением нашей страны во Всемирную конвенцию какие-либо новые законодательные акты?

— Да, конечно. 21 февраля 1973 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О внесении изменений и дополнений в Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик». Тем самым положения советского гражданского законодательства, касающиеся авторского права, были приведены в соответствие с нормами Всемирной конвенции. Юридически закреплено положение о том, что перевод произведения на другой язык с целью его выпуска в свет допускается не иначе, как с согласия автора или его правопреемников. Срок действия охраны авторского права на произведение после смерти его автора продлен до 25 лет. Приняты также государственные и правительственные акты, связанные с выплатой гонорара советским и зарубежным авторам, а также с размерами налога на гонорар.

Следует отметить, что вступление СССР во Всемирную конвенцию — это шаг, которому предшествовало присоединение СССР к Парижской конвенции об охране промышленной собственности, а также заключение двусторонних соглашений о взаимной охране авторских прав с Болгарией и Венгрией. Договоры эти, как показал опыт, взаимовыгодны, с успехом служат интересам наших братских стран. Переговоры о подобном соглашении сейчас ведутся и с ГДР.

— Агентство создано и начинает работать. Что вы можете сказать о его задачах, статусе? В чем конкретно будут заключаться его обязанности?

— Для того, чтобы ответить на этот вопрос, придется отметить хотя бы некоторые из великого множества понятий, связанных с охраной авторских прав. Например, что такое право автора вообще и какого рода произведения литературы, искусства, науки подлежат охране? Наконец, почему теперь нельзя переводить и издавать произведения граждан других стран — членов конвенции, не спрашивая согласия автора? Добавлю, кстати, что конвенция не имеет обратной силы и сказанное относится к произведениям, опубликованным у нас и за рубежом после 27 мая 1973 года. Вопросов, как видите, много... Действительно, без разрешения автора или его правопреемников теперь не может выйти в свет книга в переводе с иностранного языка. А получение разрешения связано с переговорами с ним или представляющими его права фирмой, издательством, с выплатой гонорара автору и т. д. Но кому, говоря о нашей стране, целесообразнее заниматься всем этим — издательству, автору? Это хлопотно и неэкономично, требует времени, специальных знаний и т. д. Осуществлять повседневные деловые контакты с ними будет ВААП.

Для того чтобы обеспечить охрану прав и законных интересов советских и иностранных авторов, наше агентство будет принимать меры по предотвращению нарушений права и восстановлению справедливости в случае нарушений, будет заключать договоры и выступать в качестве посредника при заключении с иностранными фирмами договоров об использовании за рубежом произведений советских авторов и договоров с иностранными авторами — об использовании их произведений в СССР. Агентство будет осуществлять все расчеты по авторскому гонорару, причитающемуся по таким договорам, собирать и выплачивать гонорар советским и иностранным авторам за публичное исполнение их произведений в СССР, а также получать и выплачивать советским авторам гонорар за публичное исполнение их произведений за рубежом, за использование произведений изобразительного искусства...

— Какова организационная структура агентства?

— Высшим руководящим органом Всесоюзного агентства по авторским правам является конференция учредителей агентства. Она созывается не реже одного раза в пять лет. Конференция избирает совет учредителей агентства, утверждает и изменяет устав агентства, заслушивает отчеты совета учредителей. Совет созывается не реже раза в год. Совет учредителей избирает правление агентства и председателя правления, а также ревизионную комиссию. Правление ВААП руководит повседневной деятельностью агентства.

Агентство учреждает республиканские и межобластные отделения. В автономных республиках, краях, областях и крупных городах страны создается сеть уполномоченных. ВААП будет иметь свои зарубежные представительства.

— Союз писателей СССР и другие творческие организации — в числе инициаторов создания ВААП. Какое место они будут занимать в руководстве деятельностью агентства?

— В связи с присоединением Советского Союза к Всемирной конвенции необходимо было перестроить в стране всю службу защиты авторского права, создать Всесоюзное агентство, в организации которого Союз писателей СССР, как и другие творческие союзы, принял самое деятельное участие. Важное место Союза писателей СССР в деятельности ВААП предопределено той ролью, которую играет в жизни нашего народа великая советская многонациональная литература. Замечу к слову, что в состав совета учредителей ВААП от Союза писателей СССР вошли первый секретарь правления СП СССР Г. Марков, а также секретари правления СП СССР Ю. Бондарев, Ю. Верченко, А. Салынский, С. Сартаков, секретарь правления СП Украины Ю. Збанацкий.

— И, наконец, последний вопрос: можно ли сейчас предсказать или, говоря точнее, предвидеть, как отразится присоединение нашей страны к Всемирной конвенции на дальнейшем развитии наших литературных, культурных, научных связей? Проще говоря, выиграем мы или проиграем от этого? Разумеется, под словом «мы» я имею в виду и все наше государство, весь народ, и отдельных его граждан — создателей произведений литературы и искусства, наконец тех, для кого эти произведения создаются, — советских читателей, зрителей, слушателей...

— Прежде всего здесь полезно условиться, что понимать под словом «выиграли». Думаю, что от присоединения Советского Союза к Всемирной конвенции — как известно, это было актом доброй воли нашего Советского государства — прежде всего выигрывает дело мира, дело улучшения отношений между странами и народами. Нет сомнения — и мы с вами об этом уже говорили, — что этот акт направлен на расширение творческих, культурных, научных контактов и связей, на усиление обмена подлинными достижениями в различных сферах человеческого духа.

Выиграют создатели духовных ценностей — писатели, ученые, композиторы, художники, кинематографисты, архитекторы, журналисты, ибо повышается уважение к их нелегкому труду, расширяются и закрепляются в законодательном порядке их права. Думается, что все это повысит их чувство творческой, гражданской ответственности. А от этого в выигрыше будут все.

Деятельность Всесоюзного агентства по авторским правам призвана способствовать дальнейшему росту в мире популярности советской литературы, культуры, а также тому, чтобы советские люди быстрее и шире знакомились со всем лучшим, что создается за рубежами нашей Родины.

Н. МАР

ЧЕСТВОВАНИЕ РАСУЛА ГАМЗАТОВА

В Махачкале состоялось чествование лауреата Ленинской и Государственной премий, народного поэта Дагестана Расула Гамзатова в связи с 50-летием со дня рождения.

Торжественный вечер открыл первый секретарь Дагестанского обкома КПСС М.-С. И. Умаханов. От имени правления СП СССР выступил секретарь правления М. Луконин.

— Расул Гамзатов — природный поэт, — сказал он. — Поэзия полностью выражает его, и он сам ничего не скрывает от поэзии. Вот почему она так полнокровна. Некоторые поэты считают, что их поэзия предназначена думать и чувствовать за других. Поэзия Гамзатова думает и чувствует за себя. Поэтому она первозданна, искренна и лирична. Она обладает жаждой общительности, она дружелюбна и гостеприимна. Она не любит одиночества. Может быть, поэтому она так притягивает и себе людей.

Со словами привета и Расулу Гамзатову обратились В. Тельпугов, В. Кетлинская, А. Адыжев, Н. Хазри, Г. Эмин, К. Кулиев, М. Карим, Г. Цицишвили, Д. Кугультинов, Н. Джусойты, Р. Ахматова, А. Шогенцунов, Р. Фаизи, гость из Болгарии П. Стайнов, первый заместитель председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Ю. Мелентьев, ответственный секретарь Советского комитета защиты мира М. Котов, ответственный секретарь Советского комитета солидарности стран Азии и Африки А. Дзасохов, профессор Дагестанского государственного университета имени В. И. Ленина Р. Магомедов и другие.

В заключение вечера состоялся большой концерт.

Гости побывали также на родине Расула Гамзатова — в ауле Цада.

ПРАЗДНИК ПОЭЗИИ — ПРАЗДНИК ДРУЖБЫ

Закончились Дни поэзии в Латвии. Чем они ознаменовались? На этот вопрос корреспондент «Литературной газеты» попросил ответить члена правления СП Латвии поэта Яниса Петерса.

— Отличительной чертой Дней поэзии были многочисленные встречи с людьми труда, с героями третьего, решающего года пятилетки. Литературный праздник начался традиционно — на площади Коммунаров у памятника Райнису. Поэты здесь читали стихи, а участники ансамбля Дома культуры ПТУ выступили с литературным монтажом из стихов Я. Райниса, посвященных рабочему классу.

В свое время на Рижском электротехническом заводе ВЭФ имени В. И. Ленина было проведено открытое партийное собрание писательской организации. Крепнут творческие связи наших литераторов с прославленными рабочими коллективами. И сейчас латышские литераторы и гости из других республик выступили в цехах ВЭФ, перед рабочими Огрского трикотажного комбината, кондитерской фабрики «Лаймa», кулдигского фанерного завода «Вулнанс».

Стихи звучали у любимых сосен Райниса в Юрмале, их слушали в сельских клубах колхозники, рабочие совхозов. В Дни поэзии — Дни Райниса — мы отмечаем памятные даты и других латышских прозаиков, поэтов, драматургов. Мемориальная доска была установлена на здании в Риге, где жил Ф. Рокпелнис, а в аленском Доме культуры была открыта мемориальная экспозиция З. Залите. В Лудзенском районе чествовали память латгальских поэтов А. Юрджа и П. Миглиника. Исходным пунктом маршрута одной из писательских бригад стал хутор Януземью в Салдусском районе, где жил собиратель народных песен Кришьян Барон.

Чуть подробнее хочется рассказать об одном, как мне кажется, интересном начинании. В снепельском восьмилетней школе звонок возвестил о начале необычного урока — урока поэзии. Вместо учителя к семиклассникам пришел Имант Зиедонис, к ученикам четвертого класса — Марис Чаклис, в роли педагога выступила поэтесса Римма Казакова. Я думаю, что писателям надо почаще выступать в качестве педагогов-словесников. Такие уроки повысят, безусловно, интерес к поэтическому слову.

От имени латышских поклонников поэзии мне хочется поблагодарить участников нашего праздника — белорусских поэтов Героя Социалистического Труда Петруся Бровку и Эди Огнецвет, Юнаса Якштаса из Литвы, эстонского писателя Арви Синга, ленинградца Виктора Соснору, москвичей Римму Казакову и Арсения Тарковского.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

Е. Ф. КНИПОВИЧ — 75 лет

В связи с 75-летием со дня рождения Евгении Федоровны Книпович секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Секретариат правления Союза писателей СССР сердечно поздравляет Вас, выдающегося критика и литературоведа, со знаменательным юбилеем.

В Вашем лице мы приветствуем одного из представителей славного поколения советских писателей, которое активно участвовало в становлении новой, социалистической культуры, вносит большой вклад в ее развитие. Ваша литературно-критическая деятельность, Ваш неутомимый труд, вся Ваша яркая жизнь служат высоким идеалам коммунистической партийности, утверждению животворных принципов литературы социалистического реализма.

Нельзя не позавидовать необычайной широте Ваших творческих интересов и эрудиции, глубине и разносторонности знаний. Вы подаете великолепный пример взыскательного, целеустремленного отношения к литературному труду.

Трудно назвать какой-либо участок литературной жизни, где Вы, дорогая Евгения Федоровна, не снискали бы заслуженного признания и авторитета. Вдумчивый исследователь и неутомимый пропагандист советской литературы, Вы умело раскрываете социальный оптимизм, неисчерпаемое эстетическое богатство искусства социалистического реализма, произведений Горького, Фадеева, Шолохова, Леонова. Блестящий знаток западноевропейской культуры, автор ряда фундаментальных работ о немецких писателях, Вы глубоко анализируете процессы, происходящие в искусстве современности. Заботливый воспитатель литературной смены, Вы умело сочетаете неподдельную заинтересованность в притоке молодых талантов с требовательным отношением к гражданскому, творческому росту писателя. Всегда и во всем Вы неизменно руководствуетесь марксистско-ленинской методологией, выступаете во всеоружии подлинного мастерства.

Вашу принципиальность, боевитость хорошо знают и ценят наши коллеги из братских социалистических стран, прогрессивные писатели мира.

Ваш более чем полувековой опыт работы — достойный образец самоотверженного служения родной литературе. И нам особенно радостно отметить, дорогая Евгения Федоровна, что свой юбилей Вы встречаете в полном расцвете таланта. Совсем недавно вышел новым Ваш сборник статей «Ответственность за будущее», который прекрасно подтверждает неувядающую силу Вашего дарования.

Шлем Вам наши самые горячие поздравления, пожелания доброго здоровья, жизненных радостей и новых творческих успехов!

■

«В защиту жизни», «Ответственность за будущее» — это не только названия двух сборников. Это их внутренний пафос, жизненное кредо автора. Все, что написано Евгенией Федоровной Книпович, написано в защиту жизни, ее ведущих начал, проникнуто ответственностью за ее завтрашний день, за развитие искусства на путях партийности, социалистического реализма.

Имя Евгении Книпович пользуется заслуженным уважением в широких кругах и писателей, и читателей нашей страны, его хорошо знают за рубежом. Да и как иначе: первое ее печатное выступление датировано 1919 годом, а упомянутая выше книга «Ответственность за будущее» опубликована всего несколько месяцев назад. Какая большая и славная жизнь в литературе! И добавим еще: какой убедительный пример творческих побед критика, которому ненавистны конъюнктурные метания из стороны в сторону, который знает, чего он хочет, кто его соратник, кто враг!

Диапазон творческих интересов и жанровых пристрастий Евгении Книпович удивительно широк: Генрих Гейне, Генрих и Томас Манны, Арнольд Цвейг, Анна Зегерс, Мария Пуйманова и другие писатели Запада; первопроходцы советской литературы Александр Фадеев, Константин Федин, Леонид Леонов, Николай Тихонов; отечественные писатели младших поколений; проблемы историко-литературного и теоретического, эстетического характера, литературные портреты и полемические статьи... Но все это многообразие тем, «объектов», подходов объединено четкой авторской позицией. Главный критерий, которым поверяет Евгения Книпович любое произведение, — правда жизни, готовность и умение писателя отстаивать коммунистические идеалы, воспитывать людей в духе этих идеалов.

Принципиальность — это слово наиболее точно характеризует все сделанное талантливым критиком, великолепным мастером своего дела. Евгению Книпович отличает способность глубоко проникнуть в глубь авторского замысла, раскрыть неповторимость писательской манеры. Однако при этом она остается верна своей «сверхзадаче»: выявить идейно-философскую концепцию творчества данного писателя, существо отличительные признаки определенного момента литературного развития. Каждое литературное явление воспринимается в контексте эпохи, классовой борьбы, эстетических устремлений времени. Масштабность мышления, чувство историзма, острота социального видения, стремление к обобщениям, в основе которых органичное понимание сложных глубинных связей действительности и искусства, — вот в чем сила Книпович-критика.

Историк и теоретик литературы объединились в лице Евгении Федоровны с неутомимым участником сегодняшних общественных и профессиональных писательских дел — от оперативного рецензирования книжных новинок до семинарских занятий с начинающими авторами, до выступлений на научной конференции или международной дискуссии.

Полемическим даром природа не обделила Евгению Книпович. Человек артистического склада, очень обаятельный и неизменно доброжелательный, корректный, она становится непреклонной и неуступчивой, когда сталкивается с фальсификаторами, идейными путаниками. Евгения Книпович все время держит руку на пульсе международной литературной жизни, участвует в идущей идеологической борьбе, всегда выступая глубоко и аргументированно.

О жизни и творчестве современников мы обычно подробно говорим в юбилейные дни. Конечно, в этом есть свой резон. Но то, о чем здесь написано, не сводится лишь к юбилейному приветствию, хотя передать его Евгении Федоровне является для меня большой честью. О творческом пути этого замечательного критика должны быть, будут написаны обстоятельные статьи и монографии. Твердо убежден, что они нужны и как дань ее самоотверженной, подлинно партийной работе на литературно-критическом поприще, и как поучительный урок литературной молодежи, всем, кто хочет столь же эффективно вести эту нелегкую, но исключительно важную работу.

Виталий ОЗЕРОВ

*

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

УКАЗЫ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Некрасова Г. А. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Некрасова Георгия Александровича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ. 17 сентября 1973 г.

О награждении писателя Асадова Э. А. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с пятидесятилетием со дня рождения наградить писателя Асадова Эдуарда Аркадьевича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ. 18 сентября 1973 г.

О награждении писателя Хашбы М. Л. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы наградить писателя Хашбу Мушни Лаврентьевича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ. 18 сентября 1973 г.

СЛОВА ПРОЩАНИЯ

Советская поэзия понесла невосполнимую утрату. От нас ушел один из ее зачинателей — Михаил Александрович Зенкевич. Школу его мастерства прошли многие советские поэты. Его считал своим учителем Багрицкий.

Уже в первой книге «Дикая порфира», вышедшей в 1912 году, М. А. Зенкевич проявил себя как взыскательный художник. Его книга «Сквозь грозы лет» и одноименный, только что опубликованный издательством «Художественная литература», показали, что М. Зенкевич неизменно оставался верным своему высокому творческому призванию. Точность слова, яркая изобразительность, мужественность интонации — отличительные черты его дара.

М. Зенкевичу всегда было присуще чувство историзма. Значительны в его наследии историко-революционные стихи: «Пушкин», «Пять декабристов», «Чапаевские поминки», посвященная М. Фрунзе «Мухалатка». Широкое признание читателей получило замечательное стихотворение «Найденыш».

Один из создателей советской школы перевода, М. Зенкевич познакомил читателей с многими произведениями поэзии народов СССР, славянских стран, особенно Югославии, с книгой соратника К. Маркса — Ф. Фрейлиграта «Мертвые — живым». Несколькими изданиями вышла ценная антология американской поэзии. Труды М. Зенкевича как переводчика отмечены изданием его книги в серии «Мастера поэтического перевода».

За заслуги в развитии советской литературы писатель-коммунист М. А. Зенкевич был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Народная Республика Болгария наградила его орденом Кирилла и Мефодия I степени.

Мастерство М. А. Зенкевича, его высокое служение литературе будут вдохновлять новые поколения поэтов.

П. АНТОКОЛЬСКИЙ, Л. ГИНЗБУРГ, Е. ДОЛМАТОВСКИЙ, В. ЛЕВИК, Г. ЛЕВИН, Л. МАРТЫНОВ, А. МЕДНИКОВ, С. НАРОВЧАТОВ, В. РАЗУМНЕВИЧ, Б. СЛУЦКИЙ, А. СУРКОВ, А. ТАРКОВСКИЙ, И. ТИХОНОВ, Я. ХЕЛЕМСКИЙ, С. ШЕРВИНСКИЙ

■

После тяжелой и продолжительной болезни скончался один из старейших московских писателей Матвей Давидович Ройзман. Начало его литературной деятельности относится еще к тому дореволюционному времени, когда, будучи учащимся Московского коммерческого училища, начал он писать стихи. Вскоре после Октябрьской революции вышли в свет два сборника его поэтических произведений. В те годы у М. Ройзмана установились дружеские отношения с Сергеем Есениным. Недавно вышла из печати его книга «Все, что помню о Есенине».

В 1928 году публикуется первый роман Матвея Ройзмана «Минус шесть», а в тридцатые годы — романы «Эти господа», «Граница» и книги очерков. К очерковому жанру М. Ройзман возвращается и в годы Великой Отечественной войны. Его внимание привлекает героическая работа советских железнодорожников. Он публикует о них серию очерков, которые вошли в книгу «Хозяева «зеленой улицы».

Особенно обстоятельно знакомится М. Ройзман в дни войны с самоотверженной работой милиции и уголовного розыска. Этой теме писатель остается верен до конца своих дней. В 1943 году выходит сборник его очерков «Друзья, рискующие жизнью», а затем повести «Волк», «Берлинская лазурь», «Вор-невидимка» и другие произведения о «людях в синих шинелях». Большим успехом пользовался фильм «Дело № 306», снятый по сценарию М. Ройзмана.

Говоря о жизни писателя, нельзя ограничиться только перечнем созданных им произведений. М. Ройзман принадлежал к счастливой когорте людей, отличающихся добротой и отзывчивостью. Уже будучи тяжело больным, он продолжал работать над воспоминаниями об интересных людях, с которыми довелось ему работать и дружить.

Память о старшем товарище — Матвее Давидовиче Ройзмане навсегда сохранится в наших сердцах.

С. НАРОВЧАТОВ, А. АДАМОВ, Г. БРОВМАН, А. НАСИБОВ, Н. ТОМАН, Г. КУБАНСКИЙ, Л. ПЛАТОВ, В. ИЛЬИН

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Разрешите через вашу газету выразить сердечную благодарность всем товарищам, друзьям и организациям, поздравившим меня в связи с моим семидесятипятилетием.

Василий КАЗИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Центральная контора «Академкнига»
В магазинах «Академкниги» имеется в продаже:
Литературное наследство. Т. 80. В. И. ЛЕНИН и А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ. Переписка, доклады, документы. 1971. 766 стр. 5 р. 10 к.
Заказы направляйте по адресам: Москва В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой»; Ленинград П-110, Петрозаводская ул., 7 и др. магазины «Академкнига».

Братские народы нашей страны, все прогрессивное человечество отметили 600-летие со дня рождения великого азербайджанского поэта-гуманиста, выдающегося мыслителя Имадеддина Насими. Праздник начался в Азербайджане, на родине поэта — в нем принимали участие гости из всех советских республик, участник только что закончившейся V Конференции писателей стран Азии и Африки, представители европейских стран — и закончился в Москве торжественным вечером в Большом театре 18 сентября. Как символ дружбы наших народов азербайджанцы передали в дар Союзу писателей СССР два ковра, сотканных мастерами республики, — портреты великих классиков Насими и А. С. Пушкина.

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Михаил ОСТРИК

МГНОВЕНИЕ ДВИЖУЩЕЙСЯ ЭСТЕТИКИ

Как-то у меня возникла мысль остановить мгновение движущейся эстетики и найти способ измерить интенсивность движения, то есть, если можно так выразиться, наращивание «критической мудрости» в единицу времени. Эта идея в приложении к задачам, содержащимся в постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике», имеет особый смысл. Нам необходимы ясные представления о том, с какой творческой отдачей мы работаем на главном направлении.

Измерять есть что. Уже подводились первые итоги развития критики, отмечались очевидные сдвиги, пусть и не столь всеобъемлющие, глубокие, как хотелось бы. В текущем году рост определяется еще заметнее. Упомяну появление такого нового критического «материка», как журнал «Литературное обозрение», — сегодня без него уже трудно себе представить нашу критику. Важные новшества утверждаются в журнале «Вопросы литературы», больше интересных критических материалов печатают и другие издания. Активнее и плодотворнее обсуждаются проблемы связи художественного творчества с жизнью, созидательным трудом строителей коммунизма, с научно-техническим прогрессом.

На Украине существенные результаты достигнуты прежде всего в борьбе с идейно-художественным браком, в утверждении более требовательного подхода к литературным явлениям. В партийной печати республики, в частности в журнале «Коммунист Украины», появились острые статьи именно такого направления — это ведущая тенденция.

И все же нет оснований для полной удовлетворенности процессами, происходящими в критике, — достаточно поводов говорить отнюдь не только о критической мудрости. Есть еще весьма слабые звенья, которые на фоне обостренного внимания к идеологическим изъянам, к браку становятся еще очевиднее. Выражаясь фигурально, критика подчас не выдерживает закалки на остроту — возникает хрупкость по таким жизненно важным параметрам, как убедительность и объективность. Чтобы разобраться, каких элементов недостает в «металле» критики или какие примеси нежелательны, порой нужно углубляться в изначальную природу критического суждения, задумываться о сущности такого издревле сопутствующего критике понятия, как критерий, единокровного с ней даже этимологически.

Но вначале — факты.

В июне сего года в газете «Советская культура» опубликовано письмо ряда известных деятелей культуры Белорусской ССР «Беречь сокровища народного творчества». В нем опротестовывается выступление республиканской газеты «Литература і мастацтва» по поводу одного из белорусских фильмов — выступление вульгарно-социологического толка, заключающее в себе неэтичность, неправомерные и грубые выпады против авторов, бездоказательные обвинения в том, что они будто бы искажают действительность. Подобные приемы критики, к сожалению, случаются и у нас на Украине. Меня в данном случае волнует не только судьба критикуемых произведений, но в первую очередь те внутренние слабости критики, которые позволяют заблуждению и неосведомленности вмешиваться в литературный процесс.

К слову сказать, крайне залихватские случаи невежественного сочинительства под видом критики, сопряженные с откровенно кривым толкованием явлений творчества, так или иначе встречают в литературной среде отпор, и нет нужды особенно подробно рассматривать их здесь. Попробуем внимательнее проанализировать творческие вопросы, движение критической мысли как таковой.

В последнее время особенно много говорилось о *недопустимости* комплиментарного стиля в критике, о повышении требовательности и в связи с этим о критериях как мере требовательности. Нынче комплимент пошел реже и умереннее, хотя яркие образцы его еще случаются.

В конце прошлого года вышла книжка Д. Шлапака «Литература героїки й краси», посвященная творчеству видных, талантливых писателей, — этот критик всегда выбирает именно таких, ибо тогда ясно, каким должен быть оценочный пафос. Но даже при таком «облегчающем» обстоятельстве комплиментарная неуемность автора способна оглушить читателя. Критическая служба в ней отбывается слишком общими фразами, отдельным писателям даются здесь такие характеристики, которые могут быть уместными лишь по отношению к литературе в целом. Скажем, в одном из современных романов критик усматривает ни больше ни меньше, как художественное отображение «философско-эстетической сущности советской эпохи».

Д. Шлапак не очень вникает в содержание прочитанного. Его подход к делу символически выражает такая деталь. Рассматривая цикл повестей В. Козаченко «Письма из патрона», критик, в частности, пишет: «Письма Галинки Очеретной к потомкам, оставленные ею в гильзе патрона...», «Письма, посланные погибшими героями в пушечном патроне к преемникам...». Напомню, что в повести «Яринка Калиновская» не Галинка, а Яринка вкладывает маленькую записочку в гильзу от... пистолета «ТТ». Улавливаете?

Кстати, в оценке книжки Д. Шлапака определились взаимоисключающие мнения. Точка зрения, скажем, Е. Шпилевой достаточно четко отражена в названии ее отзыва: «Кое-что о псевдокритике» (журнал «Дніпро», № 7, 1973). А вот заключение из рецензии О. Килимника: «Книга Д. Шлапака не лишена и отдельных неточностей. В целом же она производит хорошее впечатление. Критику удалось реализовать поставленную задачу. Написанные в течение последних лет, его статьи по сей день в боевом строю, на переднем крае идеологического фронта» (журнал «Радуга», № 4, 1973). Между прочим, О. Килимник хорошо видит такую «отдельную неточность» в книжке, как неумение автора анализировать художественные произведения, — есть в его рецензии соответствующее замечание, только высказанное несколько иначе. Значит, можно быть «в боевом строю, на переднем крае», не владея оружием? Разве что удобной мишенью...

Оба отзыва в свою очередь тоже вызвали противоположные мнения, одним словом, ширятся разногласия по вопросу о «пушечном патроне», вербуя в критической среде сторонников и противников и, конечно же, запутываясь в «сложную проблему»... А пока обратимся к противоположному примеру.

Как-то в газете «Літературна Україна» (12 июня 1973 г.) появилась заметка С. Вишняка о рассказе «Помещение для электронных развлечений» Ю. Щербака. Автор заметки совершенно не улавливает ни общего смысла рассказа, ни позиции писателя, ни существа того или иного образа. Ю. Щербак скептически относится к «электронным развлечениям», усматривает в импортных игровых автоматах некие чуждые нам нравственные начала. Критик же ведет спор так, как если бы писатель поэтизировал электронную технику. Именно с этой позиции он и критикует писателя: почему-де он не вложил в уста взрослого персонажа, увидевшего хитроумную технику, назидательных советов сыну насчет необходимости учиться — вон, мол, на что способен ученый человек.

К отрицательным персонажам С. Вишняк предъявляет такие претензии, как если бы Ю. Щербак выражал в их облике свои идеалы: имея в виду изображенного писателем никчемного обывателя, он ничтоже сумняшеся отвергает его как образ на том, видите ли, основании, что тот противоречит представлениям об... ударниках труда.

По поводу заметки С. Вишняка я выступил с репликой, параллельно рассмотрел и рассказ, и отзыв, при этом сделал вывод, что рассказ примитивен, однако нельзя же бороться против художественного примитива путем утверждения примитива в критике. Увы! Многие не поняли, вернее, не приняли пафоса реплики. Плохой-де рассказ? Плохой. Автор заметки критикует? Критикует. Так в чем же дело? За неудачное или ошибочное произведение автору можно «всыпать» — и вся тут недолга. Просто. Чего уж проще! Но литературно-художественную критику интересует, между прочим, и другое: истинная сущность произведения, доказательства ложности идей и утверждение идей плодотворных, содействие поискам настоящих творческих решений.

А теперь сопоставим изложенные выше примеры комплимента и антикомплимента: большая ли в них разница по части способности к полезному воздействию на литературный процесс и читательские идейно-художественные вкусы? Никакой. Оба они имеют одну и ту же силу со знаком минус, которая разрушает представление о критике как о честной и умелой работе мысли на основе безупречного вкуса. К выполнению критической работы примазываются люди невежественные, падает нижний предел возможного на страницах печати, возникает ситуация, когда можно все похвалить или придраться ко всему без разбора, рождается ощущение, будто истина в критике не столь важна.

Говоря о тех внутренних слабостях критики, которые позволяют невежеству запросто подключаться к делу, я взял крайние случаи. Однако это обстоятельство не может успокаивать. «Крайние случаи» ведь тоже являются компонентом общих настроений, показателем уровня нашего практического дела. За ними, кроме непосредственных исполнителей, — и сознание тех, кто безответственно пропускает подобные писания в печать, и тех, кто молча созерцает, тем более — кто поддерживает, будучи уверенным, что все это в рамках допустимого.

Конечно, кто-то же достигает тех существенных результатов в постановке критической работы, о которых говорилось в начале статьи: среди критиков есть и грамотные, и талантливые, есть критики, чьи имена стоят вровень с именами известных прозаиков, поэтов, драматургов. Но влияние на общую критическую атмосферу оказывают не только они. Выше я обращал внимание, как вовлекаются по принципу снежного кома серьезные люди в глубокомысленные раздумья о том, на чьей стороне правота в споре насательно «пушечного патрона». Разве не мельчает в связи с этим некая частица критической мысли, не происходит, пусть и в самой малой степени, подмена творческих интересов? Отсюда вовсе не следует, что нужно проходить мимо крайностей и не засорять ими мозги. Наоборот, нельзя оставлять без резкой отповеди ни одного такого случая, добиваясь повышения «нижнего предела» возможного в печати, — только так можно достигнуть дальнейшего подъема критики, более весомых показателей ее действенности.

Подобного рода примеров, как рассмотренные выше, немало, их можно найти среди критических выступлений по любому жанру. Еще больше таких, которые им сродни, но посложнее. Вот, скажем, в «Литературном обозрении» (№ 7) представлены два весьма разных мнения о новом сборнике стихов Риммы Казаковой. Можно согласиться с точкой зрения редакции, которая в общем-то правильно рассудила. Но меня интересует стиль рассуждений критиков, хочу поймать след, ведущий немного «не туда». Вчитываясь в стихотворение «Средневековая мелодия», Г. Кубатьян видит в нем: «Длинный и, по правде говоря, скучный рассказ о сатане и женщине, о том, что ради любви женщина готова отречься от «постной мудрости господней»: любовь дороже бога. И это все? Все». Ну зачем же так прямолинейно истолковывать поэзию? Не философский ведь трактат. Общепризнано, что к лирике необходим особый подход. Но одно дело теория, другое — практика...

Вопрос о критериях — именно это звено роднит и комплименты с антикомплиментами, и банальные «крайние случаи» с более сложными издержками нашей критики. Только уточню, что речь идет о критериях не как мере требовательности, а как мере истинности. Но как и чем измерять ее, критическую мысль, на истинность? Хорошо бы критике иметь задачник с ответами для сверки решений! Да только и в школьной литературе «ответы» — лишь в целях обучения. А у нас повседневное практическое дело. Повседневный самостоятельный поиск нужных ответов. Поиск сложный, ибо нет физически ощутимых единиц — метра, килограмма, чтобы измерять художественную ткань, весомость содержания произведений. Нет и столь строго разработанных логических приемов, как в математике, хотя было много споров о возможностях внедрения в практику художественного анализа точных методов. Но, кстати, поймем ли мы с Д. Шлапаком математику, если не умеем отличить пистолетную гильзу от пушечной?

Вопрос о критериях весьма сложный, его нужно рассматривать в целостной системе методологии. В постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» обращено внимание «на глубокое изучение проблем теории и методологии литературно-художественной критики...».

Круг методологических проблем связан прежде всего с теорией познания, среди общих положений которой есть такая мысль Ленина: «От живого созерцания к абстрактному мышлению И ОТ НЕГО К ПРАКТИКЕ — таков диалектический путь познания ИСТИНЫ, познания объективной реальности». Всякое исследование так или иначе заключает в себе это движение познающей мысли, именно им определяются общие контуры методологии. Подчеркнутые Лениным слова касаются критериев познания: высшим критерием истинности в конечном счете является практика.

Конечно, вопрос о критериях в нашем деле связан со спецификой исследуемого предмета — художественного творчества. Но разобраться во всем этом можно и нужно. Взять, например, и скрупулезно присмотреться, как работает ленинская мысль, какими средствами достигает она ясности и четкости, чем и как измеряет исследуемый предмет: в общем, как достигается та истинность, которая убеждает при восприятии ленинских трудов и вот уже многие десятилетия подтверждается историей.

Однако я перед собой не ставлю сейчас такой задачи. В преддверии разговора о критериях истинности литературно-критического мышления натыкаешься на высокий порог таких фактов, что начинаешь всерьез сомневаться: волнует ли этот вопрос многих критиков, существует ли в их сознании необходимость каких-то критериев? Возможно, я заостряю, пусть будет так. Тем не менее постановка вопроса о критериях в общей плоскости как вопроса стратегической значимости для критики вполне уместна. Я даже не выделяю особо таких важнейших измерений критической мысли, как партийность (без нее какая истинность!), ибо хочу только подчеркнуть изначальную невозможность жить критике без осмысленного и безусловного стремления к объективной истине в каждом своем действии.

Во всяком случае, необходимо добиваться такого положения, чтобы каждый из нас, критиков, не только считал в корне невозможным допускать искривления в трактовке художественных явлений, но постоянно чувствовал опасение, как бы не ошибиться невольно, напрягал все свои способности постичь и передать истинное положение вещей. Тогда наши общие успехи в выполнении своих задач неизмеримо возрастут.

КИЕВ

КРИТИКА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ЗАДАЧИ

ЛИРИЧЕСКАЯ ПРОЗА: ОБРЕТЕНИЯ И ПОТЕРИ

Ю. СМЕЛКОВ

ЖАНР НЕ ВИНОВАТ...

Года два назад В. Гейдеко писал на страницах «Литературной газеты» о том, что лирическая проза отходит на второй план, что движение современной прозы все более определяется произведениями эпического склада. Его оппоненты называли произведения, относящиеся к жанру лирической прозы, и справедливо упрекали В. Гейдеко в односторонности.

Да, лирическая проза живет и здравствует, да, в этом жанре и сегодня появляются книги, отмеченные талантом, но часто ли они становятся литературными событиями?

Попытаемся разобраться — почему нет.

«Исповедальная» проза начала шестидесятых годов привлекала внимание стремлением ее героев к социальному и гражданскому самоопределению. Понять жизнь, определиться в ней — вот что было главным.

Герои «исповедальной» прозы уезжали в глушь, спорили, дрались и мирились по причинам прежде всего мировоззренческим. Любовь оставалась на втором плане. Сейчас, по прошествии времени, так называемые «любовные линии» этих повестей сливаются в нечто довольно однообразное и смутное.

В современной лирической прозе мы чаще всего встречаем «обратный ход» — все решается и определяется через любовь, в любви раскрывается герой со всей доступной ему (и автору) полнотой, а этические и профессиональные конфликты служат, так сказать, подсобным материалом.

С наибольшей, пожалуй, точностью эта позиция обозначена в названии повести молдавского писателя А. Бусуйока «Один перед лицом любви».

...Раду Негреску, умный человек, одаренный математик, перед лицом любви оказывается несостоятельным. Раду — сложная личность, причем сложность эта подлинная. Поэзия и искренность, ирония и честность, честолюбие и желание быть необходимым людям, легкомыслие и чистота — все это органично сочетается в нем. Характер реален, узнаваем: живет такой вот человек среди людей и, на первый взгляд, неплохо живет — учит детей (хорошо учит), воюет с директором школы, невеждой и бюрократом, занимается наукой. Посмотреть со стороны — вполне положительный герой. Но А. Бусуйок тонко отличает сущность от видимости. Выясняется, что весь жизненный «актив» Раду не требует от него особых усилий — способный человек, которому все легко дается; порядочный человек, поскольку быть порядочным ему, по сути, гораздо проще, чем ловчить и подхалимничать. В любви же...

Лида, жена Раду, с которой он расстался в Вирмина, которая полюбила его. Раду уезжает из сельской школы, где остается Вирмина, в Кишинев, в научно-исследовательский институт, неожиданно для себя возвращается к Лиде, снова расстается с ней, и автор встречается с ним в тот момент, когда он ждет — напрасно — Вирмину. Он позвал ее: «Я присел к столу, чтобы написать письмо, в котором солгу в последний раз. Во имя нашей любви. И всей большой честной будущей жизни», — так кончается исповедь Раду.

Но спросим Раду — действительно ли он уверен, что эта ложь последняя? Искренен ли он, когда восклицает: «К чертям эту проклятую иронию, эту самоиздевку, на которую я растрачивал себя только для того, чтоб производить необычайное впечатление!»? Вроде бы искренен, вроде бы в самом деле переменился, и все-таки замечаешь какой-то едва уловимый оттенок полы, любования собой. Но когда он говорит: «Мне тяжело. В первый раз по-настоящему тяжело... Мне больно», — вот тогда ему веришь. Спадает шелуха, обнаруживается существо человека.

Как видим, исповедь в лирической прозе бывает не только подведением итогов, но и свидетельством перемен, что само по себе — признак возмужания героя. А Раду Негреску, поняв себя до конца, преодолел ли себя? Уверенности в этом нет, но есть надежда: может быть... Может быть, произошла перемена в душе героя, а может быть, он только осознал ее необходимость. Но даже осознание необходимости перемен — тоже положительный итог.

Наиболее четко он сформулирован в «Игре в жмурки» В. Алексеева (вещь эта вообще представляется мне своеобразной «моделью» современной лирической повести).

Ее герой тоже терпит крушение в любви и в финале размышляет так: «Надо было что-то делать сию минуту, немедленно. Можно было уйти домой, можно было вернуться в подъезд и стоять там до утра, можно было вернуться наверх и попытаться помириться. Но все это было не то. Что бы я сейчас ни сделал — все было не то. Я это понимал совершенно отчетливо».

Не слишком ли скромен такой итог, особенно если учесть, что добыт он дорогой ценой, страданиями другого человека? Думаю, нет, не слишком, ибо воспитание души и чувств — дело огромной сложности.

Здесь и обнаруживаются смысл и ценность исповеди: лирическая проза остается верна себе — она по-прежнему стремится к установлению контактов между «я» и миром.

Но в достаточной ли мере при этом учитывается опыт как «положительный», так и «отрицательный» лирической прозы прошлых лет? Если вспомним, что ее героя не без оснований упрекали в некоторой изолированности от «сложности бытия», то — увы! — и сегодня подобный упрек не исключен.

Кроме того. Не исчезает ли сегодня более, чем вчера, за нередко изящной художественностью полнота духовных связей героя с миром? Да и вполне ли осознана именно эта сверхзадача писателями, работающими в жанре лирической прозы?

Не исключено возражение типа: лирическая проза живет по своим законам и «перенасыщенность» ее содержанием чревата нарушением таковых, их деформацией.

Но разве можно «законсервировать» какой-либо жанр? В том числе и жанр лирической прозы. Его развитие связано, естественно, с тем, как, осваивая все большее содержание, он и сам обретает новое качество. На эту тему (правда, в отношении рассказа) совсем недавно справедливо писали в «ЛГ» критики М. и А. Чудаковы.

Я думаю, такова логика развития и лирической прозы. Пока она только осваивает новое нравственно-эстетическое пространство.

Герою повести В. Распутина «Вниз и вверх по течению», молодому писателю Виктору, кажется, что его контакты с жизнью прочны и незыблемы. И в родную деревню он поехал только потому, что знал: «Отдых его будет полным, абсолютным и неощутимым, он пойдет туда, куда пойдется, станет делать то, что взбредет в голову, он окунется в эту жизнь, как в возвратившееся детство...». Но детство не возвращается: на месте деревни — водохранилище, а родной дом переместился, хотя и недалеко, но все вокруг почти незнакомое. И люди близкие, родные, но тоже не такие; или это он сам изменился. «Он убеждал себя, что надо подождать еще несколько дней, чтобы привыкнуть, сойтись со всем, что его окружало, в полном понимании и близости, совместить в себе то представление о деревне, которое жило в нем все эти годы, с картиной, которую он здесь увидел, но дни шли, и ничего не менялось. Он знал, что сам виноват...».

Очень точно подмечает писатель этот переход человека из одного духовного состояния в другое, поиски новой гармонии между собой и миром. Виктор в конце концов уезжает из деревни, понимая, что надо быть «самому другим человеком, более опытным и спокойным, хорошо и ясно представляющим, куда он едет и что там найдет».

Снова тот же мотив готовности к переменам, сознания их необходимости; звучит он у Распутина по-иному, отлично от Бусуйока или Алексеева, потому что сам герой иной...

Свою систему контактов героя с жизнью предлагает Рустем Кутуй. Строго говоря, его прозу нельзя назвать «исповедальной» — в рассказах «Есть на свете медведь» и «Старик, к телефону!» из книги «На дороге» мы находим не столько исповедь, сколько лирическое высказывание — не о поворотных моментах жизни, а о ее буднях. Работа, семья, дети, мелкие, а порой и нешуточные неурядицы, радости — во всем этом житейском круговороте герой сохраняет ясность взгляда и неиссякаемый оптимизм. Нет, перед нами не избалованный жизнью человек, судьба его складывалась нелегко. Но вот что важно — никогда он не был обделен любовью и дружбой: мать, школьные товарищи, любимая женщина, друзья «не по службе, а по душе». Это и создает у него чувство «укорененности» в жизни.

Обращаешь внимание на то, что бури страстей, бушующие в этих повестях проходит если не бесследно, то достаточно безвредно для их героев (чего никак нельзя сказать о героинях — им достается куда больше): исключение, пожалуй та же «Игра в жмурки», где разрыв для обоих — драма, для обоих — мучителен...

Конфликт, по видимости острый и драматичный, по существу мнимый, мы находим и в повести «Дворец Посейдона» Тамаза Чиладзе, известного читателю целым рядом талантливых произведений. Герой повести — некий писатель, автор многих детективных и фантастических книг, — ощущает неопределенное, но сильное недовольство собой, своей женой: собой, потому что плохо пишет, женой, потому что она ограниченная мещанка. По характеристике, которую герой дает сам себе, ясно — перед нами подававший, быть может, надежды, но несостоявшийся писатель, даже не питающий иллюзий, что когда-нибудь он создаст что-нибудь стоящее. Перед нами человек, использующий литературную конъюнктуру для материального обогащения. Он, правда, сообщает, что уже два года не пишет, только переиздается, но тут же, на наших глазах, соглашается участвовать в посвященной ему телепередаче, чтобы изображать настоящего писателя Исповедь героя лишена качества, без которого она немыслима, — искренности, это, в сущности, и не исповедь, а попытка самооправдания — напрасная, поскольку оправдаться ему нечем: человек, знающий, что занимается не своим делом, но продолжающий заниматься им, вряд ли у кого-либо вызовет сочувствие.

Претендует на сочувствие и понимание и герой повести В. Лихоносова «Чистые глаза» («Наш современник», № 3, 1973).

Время ее действия возвращает нас к истокам «исповедальной» прозы: конец пятидесятых годов, сибирский паренек Егор Телепнев приезжает в Москву и поступает на актерский факультет театрального вуза. О том, как он учится, повествуется в тоне газетной информации: «Из благословляли, народные артисты раскрывали свои секреты...»; «Егорка учился, посещал театры...». Примерно так же происходит процесс ориентации героя в мире искусства и в жизни общества: «Назывались имена, перебирались позиции режиссеров, писателей, директоров театров, выискивались детали о переборании литературных журналов, шла какая-то расстановка сил, о которой Егорка и понятия не имел». Впрочем, Егорка все же решает: «Пойду за советом и писателю Астафьеву», хотя он и «не мог знать, по какой надобности ходят нынче к писателям». Интересует Егорку преимущественно любовь: «Да я там сплошь влюблен...» — сообщает он о своей жизни в вузе. Но если сложить все, что мы узнаем о герое, получится человек весьма недалекий. Автор, однако, настаивает, что Егорка еще и талантлив — между делом нас информируют, что он стал известным актером, снимался в кино в Суздале и Риме, сыграл много ролей, «которыми он не очень гордился». Как он пришел к этому? Очень просто: отправился искать правду. «Поеду... Нет у меня еще своей правды. Поищу». Егорка размышляет: «Содержание... должно прийти из жизни... А из какой же, и черту, жизни оно но мне придет? Лекции, танцы, библиотека, поцелуи...» Егорка расстается с Москвой, и в финале мы находим его на речном буксире, матросом.

Какую правду отправляется искать Егорка — ни он сам, ни читатель не знают, почему эту загадочную правду в Москве найти нельзя, а на буксире можно — тоже не ясно. В результате финал выглядит нарочито, а исповедь героя не вызывает интереса.

Вещь эта не характерна для современной лирической прозы, да и для самого Лихоносова, пожалуй, случайна. В то же время одна из тенденций жанра (на нынешнем его этапе) доведена до крайности. Если в повестях, о которых шла речь выше, драматизм ситуации по возможности смягчен, то здесь и вовсе не больше, чем буря в стакане воды, ибо Егорка в общем-то благополучнейший человек, его переживания и борения духа в основном выдуманы им самим на досуге. Однако и в других героях других повестей порой замечаешь странную душевную холодность, и прония, за которой в «исповедальной» прозе нередко скрывалась взволнованная, встревоженная душа, сейчас уже не скрывает, а обнаруживает эту холодность.

И тогда понимаешь, почему лирическая проза при всех своих несомненных достоинствах, при всей талантливости ее создателей все же пробывает сегодня, так сказать, во «втором эшелоне».

ПОДВИГ АНДРЕЯ ЖЕЛЯБОВА

ПИСАТЕЛЮ, работающему над исторической темой, прежде всего необходимо понять основные движущие силы эпохи, диалектику событий, то есть он должен увидеть в событиях то, что не видно другим людям. Затем из множества документов, дошедших до нас, деталей быта и наиболее ярких черт характера основных героев нужно отобрать главное. И самое сложное — начать самому жить в описываемой эпохе.

В историческом романе, как известно, наука сливается с искусством, он как бы дополняет историю. Новый исторический роман Юрия Трифонова «Нетерпение», на мой взгляд, удовлетворяет этим требованиям.

События книги охватывают эпоху царствования Александра II от конца 70-х годов прошлого столетия (то есть после крестьянской реформы 1861 года) до казни царя народовольцами в 1881 году. Эпоху эту один современник, впоследствии ставший знаменитым историком, — В. О. Ключевский характеризует так: «Реформа, слишком замедленная, теряет много условий своего успеха и даже создает себе непредвидимые затруднения. Ожидание, долго задержанное, превращается в равнодушие или в нетерпение».

Вероятно, поэтому Юрий Трифонов так и назвал свой роман, посвященный этому периоду русской истории, — «Нетерпение».

Победить человеческие страдания смирением, через тысячелетия? — думает Андрей Желябов. — «...но ведь никакого терпения не хватит!».

Перед нами возникает широкая картина общественной жизни, быта, классовых отношений, придворной среды, целая галерея портретов придворных, министров, следователей, прокуроров, руководителей охранки и жандармерии. В этом произведении множество фактов, имен, мелких и крупных событий, вся панорама общества того времени. Но что было общество того времени?

Целый вихрь новых движений, в котором все колебалось, все было неустойчиво, люди чувствовали побуждение, нетерпение изменить ход жизни общества, облегчить жизнь народа.

«Нетерпение» Ю. Трифонова — не только художественная история пореформенного общества в России, но и история «Народной воли». И вот мы видим, как дворяне, составлявшие большинство в Исполнительном Комитете «Народной воли», стреляют в других дворян, управлявших государством, и в самого царя, и как под руководством графини Софьи Львовны Перовской, дочери бывшего санкт-петербургского губернатора, Александр II был убит...

«Народная воля» была партией террористов, пытавшихся опереться на крестьянство и не понимавших исторической роли пролетариата.

А в то же время, как писал В. И. Ленин о народовольцах, «они проявили величайшее самопожертвование и своим героическим террористическим методом борьбы вызвали удивление всего мира».

Хотя главным действующим лицом романа является Андрей Желябов, в нем множество других основных героев, исторических лиц — Мышкин, Перовская, Халтурин, Кибальчич, Михайлов, Тихомиров, Плеханов, Нечаев, Вера Засулич, Лорис-Меликов, Лев Толстой, Достоевский; эти люди зримы, они живут в романе. И мы видим, с какой теплотой Юрий Трифонов относится к своим героям-народовольцам. Так, история любви Софьи Перовской и Андрея Желябова описана с удивительной прозрачностью и нежностью.

Читая «Нетерпение», восхищаешься исторической зоркостью писателя. Люди не рождаются героями. Андрей Желябов предстает перед читателями сначала бедным студентом, наивным идеалистом-народником, полагавшим, что «хождение в народ», «в деревню» и есть призвание революционера; вот он порывает с женой и обеспеченной средой (в которую благодаря браку попадает), потому что не считает возможным подвергать неизбежным преследованиям свою семью; вот он выбирает для себя единственное средство революционной борьбы с царским правительством и самим царем — террор. Ю. Трифонов рисует его бесстрашие, неутомимость, самоограничение во всем, сочетающиеся с человечностью, способностью любить людей и природу, с полной убежденностью, что он неизбежно должен принести себя в жертву ради других, ради революции.

Но будучи основным героем произведения, Андрей Желябов вовсе не заслоняет других фигур в романе. Даже самые незаметные герои народовольческого движения показаны во всем историческом для эпохи значении. Таков мелкий, незаметный чиновник Клеточников. Проникший по заданию организации на работу в Третье отделение и сумевший выявить множество провокаторов и оказать огромные услуги «Народной воле», он героически погиб, объявив голодовку в Алексеевском равелине...

Интересна структура романа. Поскольку произведение насыщено множеством фактов, судеб и событий, автору пришлось ввести некоторые отступления в виде «голосов» реально существовавших людей и «голоса» самой музы истории — «Клио-72». Это дало ему возможность при очень ограниченном размере книги довести до конца судьбы людей и прояснить их психологические характеристики.

С точки зрения литературного мастерства, есть в романе страницы превосходные, блестящие и есть места чисто информационные: есть определения необыкновенно точные и есть фразы неудачные, словообразования, режущие слух. Роман правдиво воспроизводит историческую действительность с ее характерными бытовыми подробностями. Но и тут попадаются некоторые мелкие странности уже чисто бытового плана. Я, например, никогда не слышал и нигде не читал о том, чтобы в эпоху Александра II (да и в любую другую) «заводские рабочие» ходили «в котелках», а «заводские мастеровые в черных пальто, в цилиндрах с модными узкими полями»... Но все это, конечно, не главное.

Главное заключается в том, что писатель приблизил к нашему читательскому зрению подробности и существо безоглядного героизма молодых революционеров, проявивших нетерпение увидеть новую, демократическую Россию.

Николай РАВИЧ

ХУДОЖНИК И КНИГА

Иллюстрации художника Е. Дорона к сборнику стихов Д. Терещенко «Янтарный день». Издательство «Советский писатель».

ПИСАТЕЛЬ РЕЦЕНЗИРУЕТ

Юрий Трифонов. «Нетерпение». Роман. Журнал «Новый мир», №№ 3—5, 1973. Юрий Трифонов. «Нетерпение». Повесть об Андрее Желябове. Политиздат. М. 1973.

■

Эдуард Хруцкий. «Комендантский час». Издательство «Московский рабочий». 1973.

■

Семен Трегуб. «Живой Корчагин». Издательство «Советская Россия». М. 1973.

■

Ольга Мирошниченко. «Законы счастья». Повесть и рассказы. Издательство «Советский писатель». М. 1973.

НЕОБЫЧНЫЙ ПРОТИВНИК МИЛИЦИИ

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «Московский рабочий» вышла книга Эдуарда Хруцкого «Комендантский час». Искушенный читатель, открыв повесть на любой странице, мысленно воскликнет: «Опять милиция, выстрелы, погони, облавы!» И... купит книгу — такие книги *хорошо* читаются перед сном в наш век, перегруженный событиями, информацией, движением. В книге Э. Хруцкого читатель обнаружит не просто детектив, не просто милицейскую историю, а познакомится с доподлинно интересной страницей из жизни нашей милиции в первые дни Великой Отечественной войны.

Комиссар милиции 3-го ранга Д. Я. Афанасьев в предисловии к «Комендантскому часу» пишет о том, что книга создана на документальной основе, и именно это позволило автору создать такие точные портреты главных героев — сотрудников Московского уголовного розыска Данилова, Муравьева, Шарапова, Полесова. Правда, в жизни у большинства персонажей были другие фамилии...

В повести «Комендантский час» милиция борется не только со своими традиционными противниками — ворами, бандитами, насильниками и хулиганами, но вступает и в схватку с представителями «пятой колонны», на которую такую большую ставку делал Гитлер и так жестоко просчитался, ибо не учел бдительности и монолитности советского народа. Книга о милиции начинается со страниц, неожиданных для нее: идет совещание командиров частей группы «Центр». На нем присутствует и группенфюрер СС Эрих фон дем Бах-Залевски. Он личный представитель рейхсфюрера СС, от него потянется цепочка к событиям, показанным в повести.

Милиция и гитлеровская разведка, милиция и войска СС — согласитесь, это необычно.

Можно говорить еще много хороших слов о новой книге Э. Хруцкого. Можно заметить, что она начинает трилогию, которая разрастется в широкое повествование о жизни милиции в годы Великой Отечественной войны. Но читатель и сам разберется, что к чему. Хочется сказать о главном недостатке книги «Комендантский час», который является естественным продолжением ее достоинств. Дело в том, что документальность книги, ее истинная жизненная основа порой, и довольно часто, становятся препятствием художественности повествования... В моей творческой биографии есть такой факт — в архивах хранится шесть вариантов повести о шоферах такси, так и не переданной мною ни в одну из редакций по той причине, что считаю книгу слабой. А это объясняется тем, что я слишком «хорошо и дотошно» изучил жизнь и работу таксистов — даже «крутил баранку». И вот получается не художественное произведение, а длинный, скучный очерк. События так прочно держат меня за руки, что глушат то, что называется художественным вымыслом — обязательным условием художественности.

Нечто подобное произошло и с З. Хруцким. Многие страницы «Комендантского часа», как говорится, засушены документальностью, истинные биографии героев скучноваты и сдерживают действие, есть просто необязательные нудни. Автор порой так боится отойти от жизни, что хочется воскликнуть: «Фантазии! Фантазии!» Повесть могла бы быть и лучше отредактированной — есть страницы и абзацы, написанные «газетным» языком. И это, конечно, именно те страницы, которые можно было бы выбросить, — они-то и засушивают произведение. Думается, автор учтет это при работе над следующей книгой трилогии.

А в общем — еще одна хорошая и необычная книга из жизни любезной мне милиции.

Виль ЛИПАТОВ

НИКОЛАЮ ОСТРОВСКОМУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Вышла в свет книга известного критика и литературоведа Семена Трегуба «Живой Корчагин». Книга яркая и необычная. И действительно, что это? Литературоведческое исследование, воспоминания, серия очерков? Да, кажется, и невозможно вместить в рамки какого-либо определенного жанра этот взволнованный рассказ С. Трегуба о человеке, жизнь которого давно стала легендой.

Много лет посвятил критик изучению героической жизни и использованию творчества Николая Островского. И книга «Живой Корчагин» явилась как бы итоговым исследованием об этом большом советском писателе.

Донести до читателя высокую правду о Н. Островском, помочь ему острее, ярче ощутить высокую героику жизненного подвига этого замечательного человека, глубже почувствовать ту огромную заразительную силу, которая таится в его произведениях, — вот задачи, которые поставил перед собой С. Трегуб.

Его книга полна новых интересных фактов, связанных с биографией Н. Островского. Здесь и выразительные портреты людей, судьбы которых переплелись с судьбой Островского, и живые воспоминания о личных встречах С. Трегуба с автором «Как закалялась сталь», и любопытнейшие детали, приоткрывающие нам «тайны» творческой лаборатории Н. Островского, и яркие свидетельства о том огромном резонансе, который получил первый роман Н. Островского в нашей стране и за рубежом. Причем свидетельства не только тех далеких 30-х годов, когда роман только что вышел в свет, но и свидетельства самые последние, современные.

Вот, к примеру, главка «Павел Корчагин на родине Тельмана». Она написана на материале сравнительно недавней (сентябрь 1968 года) поездки С. Трегуба в Германскую Демократическую Республику.

«Я отправился в ГДР, — пишет С. Трегуб, — с творческой целью: исследовать тему «Павел Корчагин на родине Тельмана». Действительность превзошла все мои предположения. В ГДР вышло уже 28 изданий книги «Как закалялась сталь», и ее тираж приближается к миллиону...».

Но не только в тиражах дело, хотя и это — деталь довольно красноречивая. Главное, и в этом убеждает нас С. Трегуб, — роман Н. Островского живет в ГДР как факт сегодняшней литературной и духовной жизни. Нужны ли более яркие доказательства его подлинной современности и действенности?

Книга «Живой Корчагин» вышла вторым, дополненным изданием. И это, пожалуй, лучшая оценка работы ее автора — критика Семена Трегуба.

Павел БОГДАНОВ

НОВЫЕ ИМЕНА, НОВЫЕ КНИГИ

ДОБРОТА БЫВАЕТ РАЗНАЯ...

СИЛА души в любви и ненависти, цельность натуры — главная, если не единственная тема трех рассказов и повести дебютирующей писательницы. В весьма непростых и трудных ситуациях О. Мирошниченко подсказывает один ответ: закон счастья — в понимании друг друга. Бескорыстие и доброта ничтожны, если они теоретические, а не стали необходимой потребностью души.

...Возвращается к жене муж с войны, после шестилетнего «столь долгого» отсутствия, из плена, куда попал раненый, беспомощный, без сознания (рассказ «Дядя Ваня»).

Весомая контрастность положена в основу сюжета. Отсюда — напряженный драматизм. Была счастливая семья — гордая своим душевным здоровьем, жизненной энергией, общим восхищением. Все сестры Вари — красивые, высокие. И она лучше всех. Гордилась семья и Ванею. Были Ваня и Варя «особенные счастьем».

...Вернулся домой старый, в ватных брюках, седой, с опущенной головой, «насосался» водки в станционном буфете.

С неумолимой последовательностью и доказательностью изображает автор драму вдруг наступившего непонимания: в счастье были хороши, а в беде перестали один другого понимать. Варя ждала, честно ждала, тосковала, да по другому. Пришел чужой... И он тоже не вышел ей на помощь. «Очень сожалею, Варвара Федоровна, но ничем помочь не могу». И наступает страшная, мучительная жизнь. Иван пережил свою славу в семье, теперь он неинтересен, всех омрачил собой, ушло все осмысленное, что-то неправильное — наперекос — возникло, а ведь была, была же гордость счастья... И только старенькая бабушка, теща со всем ее милосердием, с верностью — она одна «людына».

Мягкий украинский колорит освещает произведения Ольги Мирошниченко — тут и песни, и кабанчики, кровяные колбаски, яичницы с салом, и руины крепостей шляхетских времен, и корысть, понимания не себя — другого...

«Песня певца за сценой» — такое красивое название дает автор рассказу о Дмитрии Ниловиче. Он преподает в институте, и все его коллеги знают, как он на экзамене выручает неподготовленных студентов, как «натягивает» отметку, как щадит всяческих лодырей, потому что «наказание не должно быть слишком жестоким, иначе оно заглушит чувство раскаяния». Когда все едут на вечеринку, ему одному не хватает места в такси, но он не в претензии: доедет в метро; ручка его портфеля обмотана синей изоляционной лентой... У него двое сыновей, и младший необычайно строг со старшим, сурово командует им, заставляя исполнять свое дежурство по уборке квартиры. И сослуживица испытывает к Дмитрию Ниловичу то чувство, какое он, очевидно, заслуживает: жалости и даже презрения к его смешной доверчивости.

Добр Дмитрий Ниловичі Достойно удивления содружество отца и двух его покинутых матерью мальчиков, жарящих кальмара на кухне. И когда мы узнаем нечаянно, что младший мальчик, командующий в доме, — приемыш из детского дома, взятый Дмитрием Ниловичем в его скудную, со всем неблагостью и неуютом квартиру, — это, собственно, мало что добавляет к портрету человека. Кажется, ничтожно это добро, потому что бессильно. Но нет! Сослуживица, глядя на быт Дмитрия Ниловича, не может не вспомнить семью своего отца: отец ее был принципиальным и непримиримым к порокам и слабостям людей, человеком теоретического бескорыстия. И он лишил счастья юность своей некрасивой дочери от полноты непонимания ее. Есть много добрых людей. В сущности, все люди добры, но по-своему. У одного от его доброты что-то «пищит» от боли и корежится в руках.

Другая доброта теоретическая. А доброта третьего, подсказывает нам автор, — она, как песня певца за сценой. Эта мысль дана почти открытым текстом — так настойчива и неотвязна мысль автора: закон счастья — в понимании других, вот что значит жить по-человечески.

Нина привычно прошлична, приметлива на все провинциальное, у нее модные патлы, спадающие на лицо, стиляжьи брюки и свитер — «Вы видели картины Франческо дель Косы?» А Дмитрий Николаевич любит романс «Дремлют чинары», футбол, хоккей, с вилкой и ножом не в очень хороших отношениях, брюки недостаточно длинны, носки фильдеперсовые и вообще — «работа, семья, детки», но машину водит классно, и ночью от быка спас девушку, и ведет себя с мужским достоинством.

Как странно иногда трансформируются сюжеты — ведь перед нами ситуация «Отца Сергия» — устоит ли правильный и цельный в жизненных устоях мужчина перед женским очарованием, которое домогается легкой победы?

Сближение в случайной поездке двух столь непохожих людей происходит от распознавания друг друга. Сквозь роль, которую Нина привычно играет, Андрей Николаевич видит хорошую, искреннюю, честную женщину. И она сперва думает, что и он работает «в образе», а потом распознает в его натуре нечто сильное, честное, непридуманное. Она верит, что он никуда не уйдет от своего завода, любит свой край. И в нем тоже, сквозь снисходительность первых оценочных взглядов, начинает проступать нежное внимание к женщине. А в ней — даже зависть к его правильной, чистой жизни.

Она хотела за неделю поставить эксперимент на заводе, а вот он, тот эксперимент, то испытание, которое оказывается важнее всего. Ей уже нужно быть несвободной от любви, как свободна она в своих равнодушно-спокойных, почти циничных отношениях с мужем. Для нее становится жизненно важным быть причастной к этому заводу и к делу ее на этом заводе, к достойному зависти человеку. Но Нина, конечно же, уезжает в Москву, а он остается. Чутье художника и вкус не позволяют писательнице закончить «Сентиментальное путешествие» как-либо по-другому.

И этого достаточно для дебютантки.

Н. АТАРОВ

УТВЕРЖДЕНИЕ ОТРИЦАНИЕМ

НА СОИСКАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР

О ДРАМАТУРГИИ АНДРЕЯ МАКАЕНКА

«КАК ЭТО НИ СМЕШНО, но я опять написал комедию. Такая со мной случилась трагедия», — сказал однажды, выступая по телевидению, белорусский драматург Андрей Макаенок.

Трагедия комедиографа? Однако это не так парадоксально, как может показаться на первый взгляд. Если драматургия — самый трудный род литературы, то комедия, возможно, — самый сложный жанр драматургии. Тем более комедия, несущая трагическую коллизию...

Пьесы Макаенка «Трибунал» и «Затюканный апостол» олицетворяют то новое, что отличает нашу многонациональную драматургию. Не отрываясь от народных основ, от национальной природы характеров, драматурги братских республик все активнее ищут подступы к интернациональной проблематике, поднимают такие вопросы бытия, которые интересуют весь наш народ, все прогрессивное человечество. Приметы нового увидим мы сейчас и в белорусской драматургии, которую так достойно представляет Андрей Макаенок.

Пафос драматургии Макаенка заключается в диалектическом сочетании утверждения доброты и обличения пороков. Его любимые герои, как правило, не только борются со злом, но и стремятся к идеалу, к высотам нравственного совершенства. Андрей Макаенок «врубается» в действительность пером сатирика, вырывает у нее темы, характеры, образы, столь неохотно выходящие под прожекторы комедии. В свою очередь высокий пафос художника защищает его от скоропалительного фельетонизма, скольжения по поверхности событий, увлечения внешним фактом.

Может быть, сильнее всего нас волнует и привлекает радость бытия, которая торжествующим светом прорывается в произведениях Макаенка. Она как солнце. Солнце может быть скрыто тучами, но оно обязательно есть. Мы чувствуем его присутствие. И когда тучи рассеиваются, жизнь расцветает в его лучах. И это тем более важно, что мы говорим о сатире, о сатирическом писателе. Видеть в жизни прекрасное, подмечать новое, рождающееся, уметь раскрывать горизонты будущего — это не только не противоречит задаче сатирика, но делает ее еще более масштабной, воспитательно важной.

Юмор — особый дар. И им в полной мере обладает Андрей Макаенок. Он то усмехается — иронически или горько, то откровенно хохочет над пошлостью и фанфаронством, указывая на них пальцем.

По самой природе своего дарования Макаенок — новатор. Он новатор и в проблематике пьес, и в расстановке драматических сил, и в сценической форме своих произведений. Каждая пьеса драматурга взрывалась острым конфликтом, нарушала спокойствие, вносила нечто существенно новое в театральный репертуар времени. Так, например, всеобщее внимание встретило комедию А. Макаенка «Извините, пожалуйста!» («Камни в принципе»). Уже на следующий день после спектакля этой комедии в Центральном театре Советской Армии нарицательными стали имена многих персонажей.

Все персонажи — и те, кого он осмеивает, и те, кем он восхищается, — обычные люди. Их судьбы и характеры глубоко уходят в народный быт, в обстоятельства времени. Но в том-то и состоит дарование писателя, что, не отрывая героев от житейской основы, он так страстно восторгается их достоинствами, так яростно ненавидит их пороки, что быт сгущается в сатиру, обыкновенное становится типическим.

Не вчера шла эта пьеса по театрам страны — давно это было, а многое осталось и от комедии Андрея Макаенка «Левониха на орбите». Новые «космические слова» вводит писатель в комедийный конфликт времени. Люди активного гражданского темперамента выходили на орбиту общественной деятельности, сходили с орбиты жизни собственники и стяжатели, уткнувшиеся в личное хозяйство, в личную выгоду. И вот что примечательно: «Левониха на орбите» появилась в те незабываемые дни, когда на космическую орбиту вышел первый человек в мире — Юрий Гагарин. Комедия Макаенка питалась образностью, масштабностью, проблематикой жизни...

СРАЗУ три пьесы Андрея Макаенка идут сегодня в московских театрах, на сценах многих театров страны: «Затюканный апостол», «Трибунал», «Таблетку под язык».

«Затюканный апостол» — пьеса необычная. И как всегда у Макаенка, начало драмы, зерно конфликта заключено уже в самом заглавии. Народное, разговорное — «затюканный» и высокое, надбытовое — «апостол». Искра высекается уже в этом столкновении.

Автор в предисловии к изданию пьесы («Искусство», 1973) писал: «Все, что происходит в этой пьесе, могло случиться в любой буржуазной стране, где двуличие морали, унижение личности, бесперспективность завтрашнего дня, жестокость и бесчеловечность мещанского быта становятся очевидными не только тому, кто обогащен жизненным опытом, но даже детям. Не случайно в центре пьесы — малыш». Макаенок не просто смеется над лживым, утратившим моральное право на существование образом жизни. Как подлинного гуманиста его волнует нечто большее: он с грустью видит, как в джунглях наскволь прогнившего мира мучается живая человеческая душа. Всякая попытка пробиться к истине, к правде обречена на крах. Полная разобщенность, антагонизм, лицемерная благопристойность, которой взрослые тщатся прикрыть откровенный цинизм разврат, бездуховность оказываются сильнее той абстрактной культуры, в которой юный вундеркинд-политик стремится найти ответы на проклятые вопросы времени.

Комедийные ситуации, в которые то и дело попадают герои «Апостола», вдруг оборачиваются своей зловещей стороной. Оказывается, это не жизнь, а фарс. Торжествует здесь тот, кто не считает нужным относиться всерьез к громогласным лозунгам морали, которые существуют «вообще», «в принципе», в отрыве от реальности. Они — для наивных. Верить в них — удел восторженных глупцов. Малыш, который по неопытности «что думает, то и говорит», должен превратиться в идиота, потому что он не способен смириться с покушением на его свободу. Но трагическая безысходность — не финал трагикомедии. Бунт дочери, которую родители стремились воспитывать «восторженной альтруисткой», совсем не неожидан. Он — олицетворение неприятия лжи, фарисейства, которые стремятся навязать молодежи в «любой буржуазной стране». Сестра заменяет в этой роли брата. И на издевательский вопрос деда, «перестрадавшего за будущие поколения»: «Надеюсь, ты не выпрыгнешь в окно?» — отвечает резко, проводя бескомпромиссную грань: «Я? Ну нет! Я на костер! На эшафот! На крест пойду, чтобы не стать такой, как он!»

Мы знаем немало пьес зарубежных драматургов на близкую тему — пьес талантливых, искренних, высокохудожественных. Обратившись к «чужому» материалу, Андрей Макаенок не повторяет зады, ограничившись прямолинейной, однозначной идеей. Его преимущество художника в том, что ему известен выход из тупика. А то обстоятельство, что и далекую вроде бы от нас действительность он изображает не со «стороны», а близко принимая к сердцу, сообщает его пьесе особое лирическое звучание.

ТРАГИКОМЕДИЯ — жанр, в котором характер и философия художника обрели свое наиболее полное, объемное воплощение.

«Затюканный апостол» — и вдруг «Трибунал». Вещи диаметрально противоположные. Кажется, невозможно обнаружить между ними какую-либо связь. Пьеса-отчаяние. И пьеса — апофеоз, гимн человеческому мужеству. Сам драматург объясняет такое кажущееся несоответствие тем, что, как правило, он стремится писать вещи разные, брать материал неожиданный, новый для него, в котором зрел бы конфликт. После того как он долго «жил» в мире незнакомом, в нем накопилась тоска по родным местам, по языку, в котором как бы живут запахи, звуки, память о детстве, о красоте белорусской природы, о знакомых, родных ему людях. «Я соскучился по родной речи, — говорит Андрей Макаенок, — о замечательном, сочном, живописном слове, которое особенно прекрасно в устах человека-героя, не подозревающего, что его жизнь — подвиг. Мне захотелось написать о войне. Но как?»

«Трибунал» — трагикомедия, неожиданная по форме, по самой постановке драматической проблемы. Казалось бы, трудно, невозможно писать о войне в жанре народного лубка, народного фарса. Но именно этот жанр пришелся драматургу впору. И опять-таки не случайно. Здесь речь может идти не об искусственности выбора. Наверное, понятнее становится проблема, если пойти от характера героя, от той задачи, задачи сугубо философской, которую поставил перед собой художник, — показать несовместимость бесчеловечности фашизма и красоты советского патриотизма.

...Пастух Колобок становится полицаем в занятой фашистами деревне. Семья судит его домашним «трибуналом». Пока Колобок сидит в мешке, фашисты ищут своего старосту, а партизаны — своего связного. Он специально оставлен в деревне, нарочно согласился быть старостой, но никто из его детей не знает об этом. Стремясь смыть позор с семьи, сын старосты решает один взорвать вражеский штаб. При взрыве юноша гибнет, как бы искупая предательство отца.

Такова ситуация пьесы. А постепенно через эту ситуацию все яснее проступает характер Колобка — рядовой, ставший героическим, обычный, выросший до легенды.

Но есть у этой пьесы еще один план, психологический подтекст. Слишком быстро поверила семья Колобка в его предательство. Ведь вся прожитая жизнь должна бы стать для семьи доказательством его истинных помыслов, истинного отношения к Родине. Драматург поднимает здесь важный нравственный вопрос — о взаимном доверии, об умении больше полагаться на собственные представления о близком человеке, нежели на чьи-то слова и чьи-то донесения. Комедия переходит в трагедию в тот момент, когда гибнет сын Колобка...

Разные жанры живут в пьесах Макаенка — трагедия и комедия, фарс и драма, плакат и водевиль. Иногда они сливаются в органическом единстве, иногда — враждуют. Но от их столкновения рождается новая художественная энергия, возникают новые жанровые образования — как, например, философская сатира в «Затюканном апостоле» или фарсовая трагедия в «Трибунале».

Язык пьес Макаенка — не пресный, дистиллированный язык среднестатистической литературы вообще. Крупная соль народной речи пересыпана откровенностью фарса, оглушительной шуткой райка, грубоватостью лубочного представления.

Слово в комедии Макаенка хлещет и ласкает, обвиняет и радует, живописует красоту жизни и убивает ее недостатки.

Дарование Андрея Макаенка расцвело именно сейчас, сегодня. И плацдарм его — современность.

Инна ВИШНЕВСКАЯ

ПОСТИЖЕНИЕ ГАРМОНИИ

Е. ЭТКИНД

Ю. ЛОТМАН — сторонник структурно-семиотических методов изучения литературы. Он не только сторонник, но и один из лидеров этого направления в нашей филологии. О книгах его написано немало, но всегда только с точки зрения методики: хорошо это или дурно — быть структуралистом? Одним кажется, что метод, которым пользуется Лотман, единственная гарантия научной достоверности, другим — что структурализм — порождение уродливо-модернистское; последняя точка зрения оказалась доведенной до гротеска в статье Вадима Назаренко, который заявил: «Это модернизм пустил в оборот идею о «знаковом» выражении в искусстве» — и походя разделался со всеческими структурализмами с позиции здравого смысла.

В книге «Анализ поэтического текста» Ю. Лотман с того и начинает изложение своей методики, что противопоставляет науку здравому смыслу. «...Читательское переживание и исследовательский анализ, — пишет он, — это два принципиально различных вида деятельности. Они соприкасаются не в большей мере, чем воспитанный бытовым опытом «здравый смысл» и принципы современной физики». Для здравого смысла это обидно — в недалеком прошлом он привык торжествовать победу. В иных науках его уже обуздали: ведь это именно он восставал против геометрии Лобачевского, тщился закрыть открытия генетики, отвергал теорию относительности и кибернетику, видя в них идеализм. Утверждая несовместимость бытового опыта и принципов современной физики, Ю. Лотман не столько структуралист, сколько ученый. Как строгий исследователь, Лотман выдвигает перед своей наукой, своим методом и самим собой несколько требований: правильно ставить вопросы; не браться за решение вопросов, ненаучных по своей природе или неправильно поставленных; не пытаться решать проблемы, выходящие за пределы ее, данной науки, компетенции; не обещать ничего, кроме научной истины; стремиться к таким методам анализа, которые делают результат повторимым.

Ю. Лотман изучает поэзию. В конце концов методика — лишь путь, которым ученый идет к научной истине. Зачем до хрипоты спорить о пути, когда исследователь уже предъявил нам результат работы; иначе говоря, когда он этим самым набранным им путем уже до какой-то цели дошел? Перед началом исследования можно предостеречь: стой! Не трать силы! Там — тупик! Но вот ученый пропустил мимо ушей предостережения и все-таки пошел, веря, что там — не тупик, но истина. Пошел — и, достигнув рубежа, написал книгу. Стоит ли теперь сетовать: зачем, дескать, ходил? Мы, дескать, предупреждали, что он там ничего не найдет, что этот путь порочный...

Не поглядеть ли, что́ нашел ученый, до чего добрался, что открыл? Увидал ли то, чего другие не видели? Предшественниками-то ведь у Ю. Лотмана были не простаки: среди их имен — блистательные: Б. В. Томашевский, Ю. Н. Тынянов, Г. А. Гуковский, Б. М. Эйхенбаум, В. М. Жирмунский. После них увидеть новое нелегко.

Поговорим же не о методике — о результатах (хотя, конечно, результат нельзя совсем изолировать от методики — в известном смысле она определяет систему добытых знаний).

В книге Ю. Лотмана множество наблюдений и обобщений, малых и значительных, которых до него не делал никто. Он формулирует десятки закономерностей, многие из которых прошли его предшественники. Приведем некоторые из них. Первое. На раннем этапе литературного процесса возникает ряд строжайших запретов и правил, которые в ходе дальнейшего движения расшатываются, сводятся к минимуму, но: «...система разрешений значима лишь на фоне запретов и подразумевает память о них»; так, смелость Державина обнаруживает себя лишь в борьбе против канонов классицизма. Далее Лотман замечает, что для поэтов типа Державина полная победа над противником «становится концом их собственной популярности». Эта мысль имеет общее значение и может объяснить факты литературной истории, оставшиеся в тени. Другое. Произведение поэтическое — монолог, но в то же время и слияние различных голосов — систем и стилей, взаимодействующих друг с другом, образование полифоническое. Соединение монологичности с многоголосием создает своеобразное НАПРЯЖЕНИЕ поэтического текста.

Отсюда следует еще одно. В поэтическом произведении часто встречается «чужое» слово; «структура нещутима, пока она не сопоставляется с другой структурой или не нарушается», то есть именно *благодаря инородному* элементу, «чужому» слову мы ощущаем художественную цельность «фона». Ю. Лотман показал действие этого закона, разбирая «Руслана и Людмилу», где «оссианическое» начало соединяется с шутливой богатырской поэмой, с пародийным эпосом типа Ариосто или Боярдо, с «изящным эротизмом» в духе Богдановича или Батюшкова, с балладами Жуковского и отступлениями в стиле Вольтера. Вывод: «Текст поэмы свободно и с деланой беззаботностью переключался из одной системы в другую, сталкивал их... Текст говорил многими голосами, и художественный эффект возникал от их соположения, несмотря на кажущуюся несовместимость».

Еще одна частная закономерность: «закон третьей четверти». Формулируется он так: если текст членится на четыре части, то «первые две четверти устанавливают некоторую структурную инерцию, третья ее нарушает, а четвертая — восстанавливает исходное построение, сохраняя, однако, память и об его деформациях». Это построение по схеме ААВА; наблюдается и в четырехстопном стихе, и в четырехстрочных строфах, и в четырехстрофных стихотворениях, и в расположении гласных звуков, и т. п. Интересное наблюдение, подтверждаемое многими данными и открывающее перспективу для новых выводов.

Мы привели четыре закономерности, обнаруженные Ю. Лотманом, а нами выхваченные из разных мест его книги. Это обобщения различного порядка, между собой они как бы не связаны. Все же их объединяет нечто существенное: у Лотмана всякий факт возведен к более высокому обобщению, к закономерности более общего порядка. В науке описательность — это перечисление как бы независимых друг от друга фактов. Лотман не перечисляет, он объясняет, поднимаясь по ступеням все более абстрактных и всеобъемлющих истолкований.

Для приведенных нами четырех положений общим оказывается то, что каждое *представляет собой борьбу* и единство противоположностей: упорядоченность — и ее разрушение, монологизм поэзии — и ее многоголосие, единство структуры — и его нарушение «чужим» словом (иначе: нарушение цельности, подчеркивающее ту же цельность). Значит, законом более высокого порядка оказывается диалектический принцип противоположностей, борьба которых влечет за собой напряжение внутри поэтической вещи. Каждое произведение поэзии существует в двух измерениях: «...как система реализации некоторых правил и как система их нарушения»; и далее автор формулирует: Только отношение между ними, только структурное напряжение, совмещение несовместимых тенденций создают реальность произведения искусства». Напряжение — это для Ю. Лотмана понятие очень важное: напряжение возникает неизменно там, где взаимодействуют противоположные силы, где имеет место «совмещение несовместимых тенденций». Таково противоборство между вариантной формой элемента и его постоянной, инвариантной формой (звук-фонема), причем в поэзии вариант по своему значению может стать в один ряд с инвариантом; противоборство между тем, что означает некое сочетание слов само по себе и что означает оно же, когда образует стих; между *условной природой* знаков в языке и их изобразительной (иконической) природой в поэзии — дело в том, что в языке звуковая форма слова в принципе не связана со смыслом, а в стихе звучание того же слова мотивируется содержанием; между повторяемостью отдельных элементов и «неповторимостью» произведения в целом («Сама неповторяемость текста... оказывается индивидуальным, только ему присущим способом пересечения многочисленных повторяемостей»). Все эти конфликты создают напряжение поэтического текста, в котором постоянно ощущается «игра скрещивающихся закономерностей...».

Закон поэтического напряжения, формулируемый Ю. Лотманом, объясняет художественное своеобразие поэтического искусства. В основе этого напряжения, с точки зрения автора, лежит тот факт, что в поэзии «каждый уровень имеет двухслойную организацию», когда одновременно действуют два разнонаправленных механизма: это и есть сложная диалектичность поэзии. Такое, например, понятие, как ритм, которому Ю. Лотман дает определение, исходящее из всей его концепции художественной диалектики: «Ритмичность стиха — циклическое повторение разных элементов в одинаковых позициях с тем, чтобы приравнять неравное и раскрыть сходство в различном, или повторение одинакового, с тем, чтобы... раскрыть минимый характер этой одинаковости, установить отличие в сходном». Сходство в различном и отличия в сходном — вот что выявляется поэтическим ритмом, который еще Андрей Белый назвал когда-то фантом диалектическим («Ритм как диалектика и «Медный всадник» — так окрестил А. Белый свое исследование 1929 года).

Ю. Лотман, описывая поэтические произведения, неизменно стремится обнаружить противоборствующие силы — систему правил и систему их нарушения, потому что, пишет он, «в возникающем между этими системами **поле напряжения** и живет поэтический текст со всем богатством своих индивидуальных значений».

Такова концепция Ю. Лотмана. Она вносит немало нового в литературную теорию. Она помогает разобраться в центральном вопросе литературоведения — соотношении содержания и формы. Она учит тому, что в поэтическом тексте все — смысл, «все его элементы суть элементы смысловые, являются обозначениями определенного содержания»; что идея произведения не существует отдельно от слов, образующих его «плоть», она «не содержится в каких-либо, даже удачно подобранных цитатах, а выражается во всей художественной структуре». Ю. Лотман сравнивает исследователя, ищущего идею в цитатах, с человеком, «который, узнав, что дом имеет план, начал бы ломать стены в поисках места, где этот план замурован. План не замурован в стену, а реализован в пропорциях здания. План — идея архитектора, структура здания — ее реализация. Идейное содержание произведения — структура». Иной читатель книги Лотмана, пожалуй, скажет: автор отрицает идейность произведения и все сводит к форме или к структуре, что еще хуже, а так как структура равна форме то и структуралист равен формалисту. Другой же читатель поймет книгу иначе. Автор, скажет он, отрицает дуализм содержания и формы, и он прав, потому что имел в этом дуализме коренится формалистическая метафизика, на какой бы из обоих элементов этой пары ни делать упор: автор, скажет он, правильно видит содержание — в форме, ибо нет и не может быть бесформенного содержания и всякое, даже ничтожное изменение формы влечет за собой изменение идеи. Напомним в этой связи слова В. Г. Белинского: «Художник может переменить не только слово, звук, черту, но всякую фразу, даже целую часть своего произведения, но с этой переменою изменяется и форма, и идея, и это будет уже не та же идея, не та же форма, только улучшенная, но новая идея новая форма». Не сходную ли мысль высказывает Ю. Лотман, «перекодировав» ее по-своему: «...вне структуры художественная идея немыслима... Измененная структура донесет до читателя или зрителя иную идею». В сущности, Лотман мог бы поставить эпиграфом к своей книге слова Белинского — это центр его концепции, которую, как видим, можно выразить и не пользуясь структуралистской терминологией.

Сказанное не означает, что мне с Ю. Лотманом не о чем спорить. Разделяя многие его идеи, я мог бы возразить против отождествления понятий «форма» и «структура»: первый из этих терминов общеэстетический и, как мне кажется, более соответствует предмету изучения, чем второй, определяющий отношения между элементами. Не согласен я и с перенесением слишком многих лингвистических понятий в область литературы (Лотман сам подчеркивает различия между языком и словесным искусством, то есть, по его терминологии, между первичной и вторичной моделирующей системой — зачем же, отделяя обе системы друг от друга, сближать их посредством терминологии?). Мне представляется, что Ю. Лотман недостаточно историчен в размышлениях о «поэзии вообще». А кроме того, теория прозы как более сложное эстетическое явление, нежели поэзия, заслуживает в этом смысле углубления — необходимо дифференцировать понятие «проза». На разных этапах развития двух этих словесных искусств они стоят в разных отношениях друг к другу — Ю. Лотман порой об этом умалчивает. Мне кажется, что иногда Лотман бывает несколько субъективен и в конкретных анализах. Не правда ли, это странно? Структуралистская «точность» иной раз оборачивается неточностью — тут-то и обнаруживается известная неадекватность метода объекту.

И все же открытия Ю. Лотмана, его блестящие обобщения и наблюдения сделаны не вопреки методике структурализма: она потребовала от теоретика и историка поэзии отчетливых определений, строгого самоограничения, безукоризненной последовательности. Нельзя не согласиться с автором, когда он в своем введении заявляет: «Литературоведение учится спрашивать — прежде оно спешило отвечать». Ю. Лотман пытается систематизировать науку о поэзии, преодолев изолированность стиховедения, с одной стороны, и литературоведения — с другой. Он разрабатывает целостную методику анализа поэтического текста, основанную на представлении о нем как о подлинно диалектическом единстве формальных и смысловых элементов, как о целостности, не подлежащей искусственному рассечению на содержание и форму.

ДВА МНЕНИЯ О КНИГЕ Ю. М. ЛОТМАНА «АНАЛИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА»

Работы Ю. Лотмана, посвященные проблемам структурализма в литературоведении, вызывают противоречивые, порой исключающие друг друга оценки. Поэтому редакция сочла уместным познакомить читателей с двумя точками зрения на книгу Ю. М. Лотмана «Анализ поэтического текста. Структура стиха», высказанными в статьях доктора филологических наук Е. Эткинда и кандидата филологических наук Б. Гончарова.

Е. Эткинд разделяет основные положения этой книги. Аргументы возражающего ему Б. Гончарова представляются редакции основательными и убедительными.

...ИЛИ СХЕМАТИЗМ АНАЛИЗА?

Б. ГОНЧАРОВ

ЭРА научно-технической революции, сопровождающаяся бурным расцветом математических наук, так или иначе воздействует на все отрасли знания, в том числе и на гуманитарный цикл. Призывы к «строгости», «точности» описания изучаемых фактов никого не могут оставить равнодушным.

Но что такое «точность»? На этот вопрос отвечают двояко. Одни исследователи *полагают, что литературоведение* (и шире — искусствознание) должно взять на вооружение методику естественных и физико-математических наук, что и позволит добиться искомой «точности». Другие (думается, не без оснований) считают, что точность (без кавычек) может быть достигнута лишь тогда, когда научная методология не *привносится* извне, а вырабатывается на основе познания данного объекта (то есть литературы и искусства), становится адекватной ему.

Ю. Лотман относится к первой группе исследователей. Уже в своих «Лекциях по структуральной поэтике» автор призывал к «выработке единой, универсальной для всех наук методологии», к «проникновению математических методов в литературоведение», а «научное мышление» отождествлял с математическим. По справедливым словам Е. Эткинда, Ю. Лотман — «один из лидеров этого направления», «сторонник структурно-семиотических методов изучения литературы». Не стремясь ответить на заданный Е. Эткиндом вопрос: «Хорошо это или дурно — быть структуралистом», попытаемся ответить на другой: «Насколько плодотворен структурализм как методология поэтического анализа?».

Прежде всего, следует отметить, что и Ю. Лотман, и Е. Эткинд не совсем точны, когда говорят о структурно-семиотических методах, «структурно-семиотическом анализе». В современной науке существует отчетливая тенденция отделять структурализм от семиотического подхода к искусству. Так, М. Храпченко писал о необходимости «провести водораздел между семиотическими исследованиями литературы и структуралистским ее пониманием».

В статье Е. Эткинда мы видим скорее эмоциональное, чем строго научное восприятие книги «Анализ поэтического текста», когда говорится, например, что ее автор «формулирует десятки закономерностей, мимо которых прошли его предшественники». В статье *недостает четко аргументированного* изложения доводов в пользу перспективности структурализма. Именно это — уязвимость структурализма как «точной методики» — мы и попытаемся показать.

Мы остановимся на двух основных проблемах: структурализм как методология и понятие целостности, анализ единства содержания и формы в стихе. Итак, что же такое структурализм?

Как и в ранних своих работах, Ю. Лотман при подходе к поэзии во многом *тяготеет к* «математическим аспектам возникающих при этом проблем...». В основании его анализа часто оказываются «значимые антитезы». По словам исследователя, «принцип бинарности (то есть двучленности.— Б. Г.) лежит в основе структурного подхода». Е. Эткинд рассматривает как «сложную диалектику поэзии» закон поэтического напряжения (формулируемый Ю. Лотманом), который якобы и объясняет художественное *своеобразие поэтического* искусства. В основе же «напряжения» лежит тот факт, что в поэзии «каждый уровень имеет двухслойную организацию».

Итак, бинарность, двучленность, двухслойность... Почему в концепции Ю. Лотмана так существенна цифра два, а не три, четыре и т. п.? Просто дело в том, что, борясь за «типовую методику анализа», *исследователь привнес* в литературоведение принцип противопоставления (оппозиции), взятый из структурной фонологии. Что ж, в фонетике и фонологии противопоставление, например, твердых — мягких («бит — бить») или звонких — глухих («сад — зад») органично и естественно. Но какова правомерность перенесения этого принципа в науку о литературе? Не приводит ли принцип оппозиции (иногда превращающийся в принцип: «оппозиция во что бы то ни стало»), искусственно заимствованный из фонологии, к схематизму? Неужели возможно все огромное богатство поэтических связей свести к двучленности, двухслойности и подобным бинарным отношениям?

Стремление везде увидеть «новые смыслы», например, в противопоставлении «гласных заднего ряда» и «гласных переднего ряда» или в столкновении «консонантных групп» слов «проста» — «пестрой» в стихотворении А. Блока «Анне Ахматовой», приводит к искажению представлению о звуковых законах стиха. Выводы, к которым приходит исследователь, нередко сужают художественное богатство текста и становятся очень субъективными (об «известной субъективности» пишет и Е. Эткинд), когда утверждается, что «пестрый» «...конденсирует в себе значения домашности, неумелости, юности и материнства». Но выдерживает ли такую прихотливую семантическую нагрузку это слово? «Консонантизмы» неосновательно наделяются самостоятельным значением, а тексту навязываются произвольные, не заданные поэтом смысловые оттенки. «Консонантная организация», рассматриваемая автономно, наделяется несвойственной ей (и вообще, и в данном случае) мощью, когда говорится о «домашней» семантике, которую якобы она порождает.

Зачастую в книге Ю. Лотмана, как в приведенных примерах, отсутствует система аргументации. Видимо, как-то ощущая это обстоятельство, автор делает оговорки, что он исследует лишь «доминантные уровни». И вот на глазах озадаченного читателя, который помнит, что в книге «Структура художественного текста» исследователь метал громы и молнии в адрес «интуитивного уровня» «традиционного литературоведения», совершаются загадочные превращения, когда сам Ю. Лотман апеллирует к «интуиции». Но где доказательство того, что в упомянутом стихотворении Блока «фонология текста» (то есть, попросту говоря, гласные, которые находятся под ударением, и согласные) доминирует? Явно произвольно, например, суждение, что «группа ны строит поэтическое «Вы» — реакцию героини: «накинете» — «ленивo» — «плечи». В данном случае, как и в других, «самостоятельное структурное значение» фонем не доказано.

Подобным же образом шутливое, озорное стихотворение В. Маяковского «Схема смеха» интерпретируется с позиции «двойного света», когда данная в заголовке игра слов, конкретный «сдвиг» выступает в качестве исходного тезиса *анализа всего текста*, который «оказывается составленным из сдвигов». Это приводит к определенной искусственности анализа, когда вдруг получается, что рифмы «дым — воздым», «скрылись — воскрылясь», «темноте — те и те», «ночью — прочне» — это группа, «чуждая поэтике Маяковского». Читатель ожидает ответа на два вопроса: действительно ли эти рифмы инородны для поэтики Маяковского? Имеет ли «уровень рифмы» и в данном стихотворении Маяковского, и вообще то гиперболизированное значение, о котором говорит исследователь? Это закономерность действительная или кажущаяся?

Если обратиться к рифмам зрелого произведения Маяковского — поэмы «Владимир Ильич Ленин», то можно убедиться, что у поэта отсутствует строгая прямая семантическая закрепленность того или иного типа рифмы. В торжественном вступлении к поэме встречаются рифмы «более — болью» или «лучею — оружие», во многом аналогичные по типу образования рифме «ночью — прочне». Амплитуда колебания рифмы Маяковского, ее акустический потенциал настолько огромны, что не могут быть искусственно лимитированы так называемыми «типичными для Маяковского «трудными» рифмами». Поскольку поэта, как правило, заботит образно-семантическая система произведения в целом, рифма (даже самая виртуозная) включается в общий комплекс художественно-выразительных средств. В стихе Маяковского, что называется, приходятся «ко двору» и «традиционные» рифмы, например включающие слово «дым»: «дымы — ощутимы», «дымы — двойными», «им — дым».

Мы привели только два *примера весьма спорной* субъективной интерпретации текста в книге «Анализ поэтического текста». Можно ли говорить о «десятках закономерностей», как это делает Е. Эткинд, если на поверку многие из них оказываются случайными, кажущимися наблюдениями, не подкрепленными анализом творчества того или иного поэта в целом (закономерностей рифмы в стихе Маяковского вообще, например, или «фонологии текста» во всем творчестве Блока)?

«Бинарный» схематизм соседствует, если так можно выразиться, со «стратификационным» подходом к произведению, которое членится на «слои» и «уровни». В принципе подобный «стратификационный» подход (не являющийся чем-то новым) схематизирует произведение, которое изучается как конструкция, а не гибкая, динамичная система, имеющая не «уровни», а компоненты.

В качестве примера «сложной диалектичности поэзии» при анализе, предпринимаемом Ю. Лотманом, Е. Эткинд приводит определение ритма, которое на поверку оказывается неконкретным и слишком общим: «Ритмичность стиха — циклическое повторение разных элементов в одинаковых позициях с тем, чтобы приравнять неравное и раскрыть сходство в различном, или повторение одинакового с тем, чтобы раскрыть минимый характер этой одинаковости, установить отличие в сходном». Об одинаковых позициях в стихе вообще можно говорить с большой долей условности, ибо интонационная организация стиха (которой вообще уделено в книге весьма скромное внимание) лишает «одинаковости» даже кажущиеся сходными позиции.

По мнению Ю. Лотмана, «ритм в стихе является смыслоразличающим элементом...». Такими же «смыслоразличающими», как мы видели, оказываются и «фонология» текста, и рифма. Каждый из этих элементов имеет смысл сам по себе, в отвлечении от других: «Стихотворение — сложно построенный смысл. Все его элементы суть элементы смысловые...» Это положение принимает и разделяет Е. Эткинд, который полагает, что таким путем возникает «единство формальных и смысловых моментов» произведения, исчезает «искусственное рассечение на содержание и форму». Но сам Е. Эткинд вынужден отметить, что общеэстетическое понятие «форма» «более соответствует предмету изучения», чем «структура», «определяющая отношение между элементами».

Можно ли заменить «форму» «структурой», а «содержание» — «смыслом»? Если мы отказываемся от понятий содержания и формы, то тем самым отказываемся от поисков эстетического центра, ядра произведения, отказываемся от поисков носителя той «идеи», о которой пишет Ю. Лотман.

При подходе к целостному анализу взаимодействия содержания и формы в стихе наблюдаются две крайности. Порой эти понятия резко разграничивались, когда, например, «формальная техника» и «художественные приемы» противопоставлялись «глубокой мысли» и т. п. А ведь еще Белинский, например, разработал учение о «пафосе», когда идея является в поэтическом произведении «не отвлеченною мыслью, не мертвою формою, а живым созданием, в котором... нет черты, свидетельствующей о сшивке или спайке, — нет границы между идеею и формою, но та и другая являются целым и единым органическим созданием».

Другая крайность — в работах структуралистов, порой отказывающихся не только от общеэстетических, но и общефилософских понятий «содержания» и «формы». Но ведь пропагандируемый Ю. Лотманом «смысл» никак не покрывает «содержания». Различие «смысла» и «содержания» — это вовсе не игра слов. Смысл — это значение имманентного (то есть замкнутого) стихового отрывка. Содержание — это органическая целостность художественного произведения, в котором все стороны тесно взаимосвязаны. И познание целостности едва ли может быть ограничено «сопоставлением (противопоставлением, отождествлением)», которое, как полагает Ю. Лотман, является «принципом организации структуры» и «вместе с тем и операционным принципом ее анализа».

Сейчас в обиход советской науки о литературе все активнее входит понятие содержательной формы, которое направлено на преодоление механического разрыва между явлениями, его составляющими. Изучение стиха как «сложно построенного смысла» резко диссонирует с понятием содержательной формы и в частности, и тем, что вообще отказывается от него, пытаясь заменить — без достаточных оснований — «форму» «структурой», а «содержание» — «смыслом».

В небольшой статье невозможно дать сколько-нибудь полное представление о книге Ю. Лотмана, который как исследователь отличается большой эрудицией в различных областях искусства. Но сама методология анализа — структурализм — схематизирует изучаемое явление — поэзию, которую, на наш взгляд, вряд ли можно успешно исследовать в математических и «лингвистических терминах». Углубленный анализ поэзии должен идти по пути изучения ее особенностей как специфического объекта познания, требующего выработки методологии, адекватной предмету, а не «трансплантируемой» из других, пусть даже весьма уважаемых наук, в частности математических. По справедливым словам Б. Мейлаха, математические методы в литературоведении «могут применяться лишь во вспомогательных целях...».

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

А. С. МЯСНИКОВУ — 60 лет

Исполнилось 60 лет Александру Сергеевичу Мясникову. Секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«В день Вашего шестидесятилетия секретариат правления Союза писателей СССР сердечно приветствует Вас, одного из видных советских критиков и литературоведов.

Ваша плодотворная творческая деятельность, протекающая свыше тридцати лет, увенчалась глубокими и фундаментальными научными исследованиями о Белинском, Плеханове, Горьком, Маяковском. Ваши работы по теории социалистического реализма, по важнейшим вопросам советской литературы неизменно отличаются боевитостью и принципиальностью. Ваш литературный опыт, широта и основательность знаний снискали Вам заслуженный авторитет и уважение в научной и писательской среде.

Являясь непосредственным участником текущего литературного процесса, Вы, дорогой Александр Сергеевич, в своих печатных выступлениях, на трибуне научно-творческих конференций и крупных международных форумов активно, последовательно отстаиваете высокие принципы коммунистической партийности и народности.

Мы высоко ценим Ваши незаурядные организаторские способности. Вашу многообразную общественную деятельность. Плодотворна Ваша редакционно-издательская деятельность — и в качестве главного редактора Гослитиздата, которым Вы являлись в течение ряда лет, и в качестве составителя и члена редколлегии многочисленных изданий, посвященных актуальным проблемам современной литературы. Широкое признание завоевала Ваша исследовательская и педагогическая работа в учебных и научных учреждениях. Вами подготовлено на кафедре теории литературы и литературной критики Академии общественных наук при ЦК КПСС немало опытных, активно действующих критиков и литературоведов.

Горячо поздравляя Вас с юбилеем, желаем Вам крепкого здоровья, больших жизненных свершений, новых творческих успехов!»

Г. А. НЕКРАСОВУ — 60 лет

В связи с 60-летием со дня рождения Георгия Александровича Некрасова секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«В день Вашего шестидесятилетия шлем Вам свои дружеские поздравления.

Завод, институт журналистики, газетная работа, активное участие в боях в годы Отечественной войны, вновь напряженная журналистская деятельность, продолжающаяся и по сию пору, шли вместе с Вашим поэтическим трудом. Тема Ленинграда, трудового и военного, тема рабочего класса, его боевых революционных традиций — все это нашло свое органическое воплощение в Вашей лирике, в Вашей поэтической эпике.

Надежный боец нашего литературного, поэтического фронта и в годы Великой Отечественной войны, и в годы мирного строительства, Вы стали чутким воспитателем нового поколения молодых литераторов.

Желаем Вам доброго здоровья и новых больших творческих успехов».

***

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

Владимир СОКОЛОВ

Шипка

Я был болгарином полгода.
Текла весенняя вода.
Шумела южная природа
О том, что это навсегда.

А шли в душе дожди косые,
И начинался листопад...
Вдали от пристальной России
Любой березке был я рад.

Писал: на Шипке все спокойно.
И все спокойно было там.
Ведь все отъявленные войны
Мы не влачили по пятам.

Легли и ново, и старинно
За этих девочек и птах.
И Казанлыкская долина
Вся встала в розовых цветах.

И встал народный,
а не царский,
И опаленный, и святой
На высоте орел болгарский,
Из русских пушек отлитой.

При чем тут рифмы, если розы
Мне дарят девушки легко,
И эти здешние березы
От наших так недалеко.

Я жил в Болгарии великой,
Я, как птенец ее, парил.
Цветы долины Казанлыка
Бургасским девушкам дарил.

Мне и российская природа
Напоминает иногда:
Ты был болгарином полгода —
Наверно, это навсегда.

■

Расцвела сирень — скоро осень.
Ну, конечно, день, даже
просинь...

Тычется в лицо гроздью целой,
Фиолетовой. Или — белой.

Расцвела сирень — скоро
снег...
Расцвела сирень не навек.

Расцвела в росе к листопаду.
И ромашки все — к снегопаду.

Тычется в лицо гроздью целой,
Фиолетовой. Или — белой.

Исхлестав лицо, как вода,
Расцвела сирень
навсегда.

Ромашка

Московское лето в разгаре.
Отпало цветение лип.
Теперь на любом тротуаре —
Их нежных сережек изгиб.

Вот летчик прошел по Ордынке.
Куда и откуда, бог весть...
Вот бабочка, как на тропинке,
Летит на асфальте присесть,

Вот дети флажочками машут,
Как будто мы в мае опять.
И столько на свете ромашек,
Что можно хоть рай загадать.

Недаром вчера на Таганке,
Где пух тополиный парил,
Прекрасной одной гаитянке
Я этот цветок подарил.

Ярославу Смелякову

Ты умер. И все, что случилось,
Куда-то внезапно ушло.
От гроба легко отлучилось,
А весил он так тяжело.

Ты строил мосты и заводы,
Железо и камень искал.
И сам ты от этой заботы
Железным и каменным стал.

Весь путь твой,
короткий и длинный,
Исполненный сердца и сил,
Я помню твой профиль орлиный,
С которым от нас уходил.

Мне помнится, как завещанье,
Ликбезовский твой карандаш.
Я помню, как ты на прощанье
Сказал мне: «Что дашь,
то отдашь.

Ведь даже в немом благородстве
— Тот миг непременно придет —
Багряного знамени отсвет
На белые лица падет».

■

Учись ваянию, ваятель,
Цени классический пример.
Ты понимаешь, как создатель,
Что нужен вкус и глазомер.

Но опасайся! Слишком ведом,
Оберегая твой резец,
Ведет к обманчивым победам
Неповторимый образец.

Назар НАДЖМИ

Сосед по огню

Оттого ль, что когда-то, в былые года,
Высекали огонь из кресала,
В очаге у людей он не гас никогда,
В углях прятался искоркой малой.

Если все ж затухал (так бывало на дню)
И в золе не мерцало ни искры —
Каждый знал: у него есть сосед по огню,
Безотказный сосед, самый близкий...

О сосед по огню!.. В тот таинственный миг,
Когда пламя в душе угасало,
Шел я к людям — огонь доставал я у них,
Будто бы высекал из кресала.

Я желанье заветное в сердце храню:
Мне такого б огня хоть крупицу!..
Чтоб меня называли с о с е д п о о г н ю!
Чтобы людям — ко мне торопиться!

Приглашение другу

«Приеду к вам, но когда?..»
(Из письма)

Когда позвать тебя — не знаю,
Чтоб погостил в моем краю,
Чтоб сторона моя родная
Запала в душу бы твою?
Не лучше ль выбраться весной,
Когда черемуха в цветенье?
Обрызган пеною лесной,
Ты соловья услышишь пенье —
Возможно ль на земле прожить
Без этих запахов и цвета?!.
А может, лучше отложить
Приезд твой до косьбы, до лета?
Хоть нет романтики былой
В косьбе — очарованье длится:
Бушуют травы пред тобой,
И нет им края и границы.
А море луговых цветов? —
Весь день ты по нему пробродишь...
А краски ягод? — Нету слов!
А вкус? — И впрямь язык проглотишь!..
И ненаписанным стихам
Раздолье здесь — текут, как реки!..
А может, ты приедешь к нам,
Когда в лесу пойдут орехи,
Когда, ползя в овражках вниз,
Нальется соком ежевика?..
В преддверье осени явись
И здесь подольше поживи-ка!
...Пылает желтизна листа,
Зажженного природой властно.
И умирает красота —
И в гибели она прекрасна...
Но осенью — не приезжай:
Грусть осенью в груди таится —
Не оттого ль, что в дальний край
Мою уносят радость птицы?
Зимой, зимой!.. Такой зимы
Нигде не видел ты!.. Под солнцем
С тобой помчимся вихрем мы
На тройке с медным колокольцем!
Под белым облаком, в снегу,
По свету белому, по белой
Дороге!.. Больше не могу
Писать!.. Как ты захочешь — делай!
Когда захочешь — сам реши:
Хоть осенью — в конце, в начале:
Ведь кратковременны печали,
А твой приезд — весна души!..

Три песни жизни

1.

О жизнь, ты старой песней оказалась...
И я тебя, наматывая в строки,
Сложил, как песню. И она вписалась
В страницы времени — в скупые сроки.
Той песни моя молодость касалась,
Казалось, птицей взмоет в поднебесье!
Но песня та незвонкой оказалась,
И я сказал: сложу другую песню.

2.

Дороги, годы! Жизнь свою сплетал
Из вас, как мог. Искал, плутал, летал...
Моей земли и радость, и беду
Я на плечи взвалил. Так и бреду...
Из жизни искры, словно из кремня,
Я высекал: о, как я ждал огня!
Но песня не звонка и в этот раз...
Я лучшую сложу — наступит час...

3.

Прочь уходящим — молвят: до свиданья!
Навек ушедшим — говорят: прости...
Один есть путь, известный всем заране,—
Последний путь. Его не обойти
Околицей. Не ляжет он сторонкой...
И я скажу, тот завершая путь:
Что ж, оказалась песнь моя незвонкой...
Но лучшая — вспарит когда-нибудь.

■

Космонавты говорят: «Земля
Так мягка в минуту приземленья!..»
Эта ль мягкость матери-земли
Нашему досталась поколенью?
На ее камнях я спал не раз,
Рыл окопы, когда пули пели...
Видно, неспроста тебя, земля,
Люди окрестили «колыбелью».
Так мягка — от материнских рук,
От тепла их и прикосновенья,
Ты, земля, — и мать, и колыбель
От рожденья до успокоенья...

У памятника М. Ю. Лермонтову

Здесь он жил. И, пулею повержен,
Здесь лежал — у места встречи гор.
И отсюда он, забронзовевший,
На Эльбрус свой устремляет взор.
Устремил навек. Синеют тени
На хребтах, несущих снежный груз.
Над горами — горы. И, как гений,
Надо всеми высится Эльбрус.
Две вершины, два величья рядом,
В синеве — гора и человек.
Тянутся друг к другу сердцем, взглядом —
Что для них мгновенье или век!..
Вечность? Вот: дотронуться рукою...
Вечность? Вот: перед толпою гор...
О поэт! Ты не нашел покоя:
Спор все длится, но не с Шат-горою;
С временем и с вечностью — твой спор...

Перевела с башкирского
Елена НИКОЛАЕВСКАЯ

Валентин ПРОТАЛИН

■

Сигарета сгорит —
лягу спать.
Уж не помню, какая по счету.
За окном в темноте благодать —
летний дождик закончил работу.
Завтра встану,
и — солнце в окне.
Все, как было,
и — новое вроде.
Утро вечера мудреней.
Пусть приходит оно.
Пусть приходит.

Спи, земля,
нынче ночь за окном,
ты лети,
позабыв о полете.
Все спокойно,
а с будущим днем
разберемся,
вернувшись к работе.
И уснувшей, и в гомоне дел
Я тебя принимаю любою.
Лишь бы я тебе не надоел
со своей постоянной любовью...

■

Спешила по площади Пушкина
среди толчеи и моторов,
и волосы были распущены,
как плащ за спиной мушкетера.

Видение нашего времени...
С Арбата?
С Сущевского вала?
Так что же,
бери теперь в плен меня,
раз походя околдовала,
отбросив, как волосы за спину,
быть может, какое-то дело...
Витрина, глядевшая заспанно,
тебя отразив, просветлела.

Со временем все переменится:
и песни, и нрав, и наряды.
Но властвуй, моя современница,
на муки мои и на радость.
Проплыли века над планетою,
как облаки...
Время упрямо...
А ты — многократно воспетая,
все та же прекрасная дама.

■

Какая ночь к окошкам подошла,
и ясная, и теплая какая.
И темной струйкой в комнату стекает
тень тополя.
Знакомая пора.
Уж август тронут легким листопадом.
Лист, как письмо, упал на край стола,
как будто бы ко мне доставлен на дом.
Пускай лежит до самого утра.
Потом прочту.
Давно бы спать пора.
Что только от бессонницы мне надо?
Что толку?
Слишком старая игра...

К чему мне лист читать?
Я знаю сам,
и светлой будет осень, и недолгой,
и я всего не возвращу ей долга,
накопленного мной по мелочам.
И ночи проведу еще без сна я,
и мне, пожалуй, даже повезло,
еще не все со мной произошло,
а что случится,
сам потом узнаю.
Мне отведен еще какой-то срок,
и надо бы прожить его получше.
Опять кредит еще один получен,
чтоб, как должник, я впредь казниться мог...
Давно не ворошил свои года я.
И ныне их тревожить не спешу.
Я, как цыганку, осень расспрошу
и на листе по жилкам погадаю.

Виссарион Саянов и Александр Прокофьев у снайперов Карельского фронта. 1942 г.

МЕМУАРЫ

Сергей НАРОВЧАТОВ

НА БЕРЕГАХ ПЕСЕННОЙ ЛАДОГИ

«Это рассказ о пути моего поколения». Так определил Сергей Наровчатов тему своей новой книги «Мы входим в жизнь». В главе, которая предлагается вниманию читателей, автор вспоминает о своих первых встречах с Александром Прокофьевым.

ИЗБА офицеров связи стояла на пригорке. Шагнув через порог, в облаке встречного пара я не сразу различил знакомые лица: Пантюшин, Лебедев, Стекольников... А это кто?

За столом в расстегнутом полушубке сидел человек, которого я почти наверняка где-то встречал. Но где? Память на лица у меня была фотографическая. Раз увидев, запоминал навсегда. И тут это широкое, с кустистыми бровями под выпуклым лбом, удивительно российское, обыденное и необыденное вместе, показалось мне давным-давно знакомым.

— Здесь товарищ из Питера по твоей линии, — доверительно обратился ко мне Федя Пантюшин. — Приказано доставить его до дивизионного КП.

Знакомый незнакомец приподнялся из-за стола и по-штатски отрекомендовался:

— Александр Прокофьев.

Прокофьев! Ну, конечно же, это он, тот самый, чей портрет открывает книгу его стихов. Она лежит в моем рюкзаке — еще бы не помнить лицо, только теперь оно постарше довоенного.

Эти летучие мысли проносились у меня в голове, пока я жал руку Александру Андреевичу.

— Мы вас так ждали,— обрадованно говорил я, — так ждали! Меня в редакции не было, послали в дивизию, а то бы раньше познакомились!

— Ну и хорошо. Ну и хорошо, — слышалось в ответ глуховатое приладожское оканье. — Зато здесь познакомились, на пороге, как говорится, событий. Как тебя звать-то? Сергей? «Вся деревня Сергеевна», — неожиданной ухмылкой перемежил он взаимное представление и сразу же совсем по-домашнему добавил: — Ты здесь, Сережа, человек свой, а я пока что пришлый. Куда меня посылают-то? Может, подальше от передовой, чтоб ненароком не убили поэта? Скажи по правде, ведь мне такой резон не подойдет.

— С Федей, — кивнул я в сторону Пантюшина, — попадете куда нужно. Его в тихие места не посылают.

Федя довольно сожмурился.

Через день в одной из наступающих рот я вместе с солдатами прочитал шапку на свежем номере «Отважного воина», газеты 2-й Ударной армии:

Враг задрожал от удара
такого —
Бейтесь, как бьются
бойцы Полянова!

А дальше шло короткое сообщение о том, что разгромлен сильный опорный пункт немцев — роща Круглая.

Вот где оказался Александр Андреевич, подумал я, только б и впрямь не было беды, время там горячее.

Беды, к счастью, не случилось, и вскоре мы встретились с Прокофьевым в редакции, уже как старые знакомые.

Все это происходило в январские дни 1943 года, в дни прорыва блокады. Александра Прокофьева к нам направили из Ленинграда по ледовой трассе через Ладожское озеро, «для смычки и помощи», как заявил, поблескивая веселыми очками, наш редактор Алексей Иванович Прохватилов. Все пошло по его словам: смычка оказалась крепкая, а помощь великая. В каждом номере газеты во время боев гремели строки Прокофьева.

Армейская печать! Изо дня в день несла она свою службу на передовой, где весь недолгий срок жизни очередного номера солдатской газеты сотни раз проходил у нас на глазах. Сперва сводка Совинформбюро. В сорок первом она никого не радовала вплоть до декабрьских побед, когда газеты стали рвать на рук: «Москву отстояли! Гонят немцев!» Летом сорок второго после чтения сводки тяжелое молчание провожало названия оставленных городов. Но как же раскрывалось солдатское сердце навстречу добрым вестям после перелома войны! Особенно это бросалось в глаза, когда победа была еще в новинку. А прорыв блокады был именно первой победой в наступившем 43-м году. И я помню, как по нескольку раз перечитывали бойцы номер «Отважного воина» от 19 января со сводкой, сообщавшей, что наконец блокада Ленинграда прорвана. В последующие времена радость при вестях о победах нарастала и возрастала, пока не достигла предельного взлета 9 мая 1945 года, но счастье первых побед всегда оставалось жить с нами. Не боюсь прослыть сентиментальным и скажу, что такое счастье, наверное, сродни чувству первой любви.

За сводкой Совинформбюро шло чтение местных армейских сообщений, вроде взятия рощи Круглой. Обычно они сопровождались заметками такого рода: «Разведчик Панфилов взял в плен 8 немцев», «Отважный сын Казахстана Кентай Тураханов», «Один против взвода», «Грозный мститель». Изредка заметки подписывались работниками редакции, а как правило, они шли за подписями солдат. И часто герой заметки и ее автор обсуждали достоверность материала, стукаясь лбами над свежим номером газеты.

Праздничными гостями в газете были стихи. И в том же боевом номере «Отважного воина», открывавшемся лозунгом Прокофьева, под рисунком, вырезанным на линолеуме — красноармеец с автоматом в поднятой руке, — стояли стихи моего нового знакомца.

Вперед! Вперед!
Священной мести право
Пусть утверждает
наше торжество!
За Ленинград!
За город русской славы,
За жизнь и честь народа
своего!

Над нами стяг,
горящий кровью красной,
Пред нами вечный город
над Невой,
За Ленинград —
великий и прекрасный —
Настал наш час расплаты
боевой!

Врагам не жить!
Им нет от нас прощенья,
Вся наша доблесть
требует того!
Не дать спастись,
не дать уйти от мщенья,
Не дать им, кроме смерти,
ничего!

Настал наш час,
и в мужестве суровом
Идем, сметая
тысячи преград.
Бойцами командира
Полянова
Уже гордится славный
Ленинград.

Святая месть
ведет нас в бой кровавый,
Так победим, товарищи,
в бою
За Ленинград,
за город русской славы
И за Россию —
родину свою!

Такие стихи били прямо в цель, и я рассказал Прокофьеву, как хорошо их встретили бойцы. «Ну, понятное дело, — добродушно усмехнулся Александр Андреевич. — Прочитали стих, потом самокрутку из него свернули, настроение хорошее, вот и похвалили». «А из чего настроение-то складывается, — отвечал я, раздосадованный таким снижением пафосного своего рассказа, — из боевых успехов, из чтения прокофьевских стихов, а самокрутка — так, между прочим...». «Ну, это ты брось, дорогой мой политрук Сережа, — продолжая усмехаться, басил Прокофьев. — Самокрутка — великое дело, это я еще на гражданской уразумел. И упаси тебя боже, Алексей Иванович, — обратился он к редактору, — печатать газету на глянцевитой бумаге, половину популярности сразу потеряешь».

После, поближе узнав Прокофьева, я часто замечал контрастирующее противоположение высокой речи его стихов и живого усмешливого разговора о них. В его поэзию я был простотаки влюблен и, читая наизусть прокофьевские строки, порой тут же восторженно их комментировал. Почти каждый раз Александр Андреевич безжалостно спускал меня на землю.

Чок-чок, наплучок,
В чистом поле наперчок,
А мне, девушке, видна
Только наперка одна.

Как под этой наперкой
Сидит милый с ливенькой.
На нем шляпа с полями,
А из прочих новостей
Пояс крученый с кистями,
Сто отдельных кистей!

«Какая звукопись, рифма, а перебой ритма в конце чего стоит!» — восторгался я. «Мудришь, мудришь, политрук Сережа, — ухмылялся Прокофьев. — Это тебя в ИФЛИ да Литинституте так накачали. Приезжай после войны сюда в Приладожье, я тебе хорошую девку сосватаю, ты от нее днем и ночью такую звукопись услышишь, что стихи, как из бочки, польются. — И опять обращаясь к редактору, уже посерьезнев, заметил: — А и вправду, какая речь у наших здешних баб! Весь словарь Даля, да еще два тома прибавь...» И снова ко мне: «Это я тебе потрафил, Сережа, про словарь-то вспомнил, ты его, небось, целиком преодолел».

Так он всегда отщучивался от моих расхваливаний, но на меня это никак не действовало. В московских довоенных компаниях при чтении стихов мы придерживались в основном двух оценок — единицы и пятерки. Прокофьевская поэзия, разумеется, вся шла на пятерку в моем представлении. И я, не церемонясь, оповещал об этом всех и вся, включая самого поэта.

От первой до последней строки я помнил наизусть тридцать стихотворений Прокофьева, не считая отдельных четверостиший и двустиший. Меня совершенно покоряла его цветная кисть. Широкие раскидистые характеры прокофьевских героев, гордая и вольная северная деревня, встававшая из его стихов, казались мне резкой противоположностью характерам и деревне среднерусской полосы.

Я пытался опереться на историю: русский Север знал больше государственных, а не крепостных крестьян — отсюда независимость, достоинство, горделивость. Такие стихи Прокофьева, как «Невеста», легко подтверждали позитивную часть моей антитезы, но с негативной дело обстояло хуже. «Да возьми ты хотя бы Кольцова, — не шутя, сердился Александр Андреевич. — Все эти народные черты у него еще когда были раскрыты! А ведь кольцовский крестьянин как раз из среднероссийских мест. Да что Кольцов! Теперь-то как орловские да смоленские мужики в партизанах себя оказывают!» Против этого мне крыть было нечем, и я складывал оружие, поднятое во славу именно той северной деревни, откуда был родом сам поэт. Когда после, спустя много лет, при мне заходил разговор о том, что Прокофьев — человек пристрастный, я всегда ссылался на наш давнишний спор, опровергавший такое суждение. Хотя, конечно, вкус Александра Андреевича был на особину и заявлял он его в своих кратких отзывах на стихи того или иного поэта весьма решительно. И возражения принимал не очень-то охотно. Многие замечания его были очень четки, а главное — ко времени. Моим учителем в Литинституте был Сельвинский. Ритмика его стихов меня тогда увлекла, и я пробовал себя в тактовике. «Я не знаю, зеленешенька, за собою ни лени, ни вины?» — ухмылялся Прокофьев. — Ты же вот в этих стихах «Улялаевщину» перепачиваешь, а кровь у тебя в другом ритме стучит. Несоответствие получается». Обратил я внимание на такую реплику.

Александр Андреевич хранил в своей памяти всю живую историю Приладожья, и слушать его было истое наслаждение. Помню, как всерьез он заинтересовался тем, что в Приладожье сохранилось стародавнее произношение звука «ять». «А ведь верно, ять-то у нас не совсем «е», а больше к «и» приближается. Ну-ка вспомню, как матушка моя говорила. У меня самого речь огорожанилась, а в селах она звучит по-прежнему». И стал выговаривать слова, составлявшие мучение дореволюционных гимназистов: «лес», «бес», «бедный», «бежал», «хрен», «редька», где всюду стоял злосчастный «ять».

При наших беседах часто присутствовал Алексей Иванович Прохватилов. Лучшего редактора ни до него (это-то не мудрено, мое общение с газетами было совсем недавним), ни после (а вот это уже в редкость) я, честное слово, не встречал. Фамилия у него была словно по заказу придумана для ловкого газетчика, но сам он никак не соответствовал ее семантическому значению. Умный, тонкий, чистый человек. Чертовски нам всем повезло, что целый год он редактировал «Отважный воин». Постоянным мерилом оценки людей, дел, газетных статей и заметок было у него славное слово «душа». Молодые ребята, мы почти отвыкли от него в те жестокие времена. А тут вдруг нате: «Вот эта статейка у тебя с душой написана, а вон ту взял да отбарабанил», «Ты не о газете думай, а о солдатской душе, чем ее пронять».

Постоянное напоминание о том, что существует не только долг и обязанность, а нечто большее, заставило нас по-новому взглянуть на свою работу. Мы словно прихорошились и одернули не гимнастерки, как при входе к большому начальству, а внутреннее свое естество. Парни-то мы были, в общем, славные, но уже много наносного налетело на нас с военных дорог, а теперь оно смывалось с нас, как крутым кипятком, и мы становились лучше, проще, добрее. В своей поздней передаче я многое упускаю и, перечитав предыдущий абзац, вижу, что прохватиловская речь приобрела оттенок душеспасительности. Нет, ее не было, многое зависело от интонации, от повода к разговору, от обстановки, в которой он происходил. За целый год редактор ни разу не повысил голоса, а работа шла отлично, и «Красная звезда» объявила об этом на всю Действующую армию. Помню, как мы ликовали, получив номер центральной газеты, отмечавшей наши добрые успехи. Потом Алексея Ивановича отозвали в Москву на повышение, и мы горевали так, словно теряли родного человека. Да он и впрямь стал родным.

И вот с ним сердечно сдружился Прокофьев. Они жили в одной избе и подошли друг другу во всем. В Алексее Ивановиче, несмотря на разговоры о душе, была сильно развита ироническая жилка. Иронией он заменял окрики и внушения, действовала она лучше всяких выговоров. И спокойная усмешка роднила поэта и редактора. Мне было легко и вольно с ними. Наречие «вольно» не очень, кажется, применимо к армейскому распорядку, но именно так я себя чувствовал в эту счастливую для меня зиму.

За прорыв блокады Прокофьев был награжден орденом Красной Звезды. Тогда это было в редкость, и мы радовались так, будто каждому из нас дали по ордену. Да и он был доволен — это была, кажется, его первая боевая награда.

Получил он ее по праву. Едва ли не каждый номер «Отважного воина» выходил с его стихами и лозунгами.

Подарила ему наша армия замысел нового большого произведения.

Братья Шумовы, отважные герои его поэмы, встретили нас с истинно сибирским радушием — я как раз был вместе с Прокофьевым во время их знакомства. Александр Андреевич живо нашел с ними общий язык, поэт был для них своим, сельским, российским, и они рассказывали ему про свои дела, как будто своему односельчанину.

Наконец, всему хорошему приходит своя пора, и настало время нам расставаться. В Ленинград он возвращался уже не по ледовой трассе, а по вновь проложенному пути вдоль Ладожского озера. Этот путь нами открыт во время январских боев. Прокофьев не замедлил пошутить на сей счет: «Сами дверь открыли, сами в нее входим».

Мы встали около грузовика. Расцеловавшись с редактором, Александр Андреевич по-медвежьи обнял меня: «Авось, свидимся!» У меня глаза на мокром месте.

И вывезло это прокофьевское «Авось!». Армию на шу перевели на Ленинградский фронт, стали мы в Колтушах, я начал часто бывать в Питере. Одним из постоянных моих адресов была улица Халтурина, где жил Прокофьев. Но это уже другая страница памяти.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ БЕСЕДЫ НА ТЕЛЕЭКРАНЕ

ДИАЛОГ ПИСАТЕЛЯ И КРИТИКА

Алексей СУРКОВ — Иван КОЗЛОВ

А. СУРКОВ. С чего нам начать? Коль скоро мы заранее договаривались о встрече, вы, Иван Тимофеевич, наверное, здорово подготовились и припасли каверзные вопросы.

И. КОЗЛОВ. Как говорил один поэт, «начнем с начала!». А вопросы будут всякие, но вряд ли каверзные, потому что отношение мое к «Литературным беседам» в общем-то благожелательное. Алексей Александрович, в течение ряда лет вы ведете эту телепередачу. Расскажите, как и почему вы пришли на ТВ; что дает вам как литератору, как поэту работа на ТВ?

А. СУРКОВ. Видите ли, я мог бы прожить и без телевидения на этом свете! Но когда пять лет тому назад мне предложили вести цикл «Литературные беседы», я сразу прикинул: десятки миллионов слушающих и смотрящих на тебя людей. Меня прельстила возможность выступить в качестве пропагандиста советской литературы перед читающей публикой и перед потенциальным читателем. Однако оговорюсь: диктовать (в форме литературных бесед) законы развития литературы нельзя. Не стоит учить писателей, как писать, что писать. Поэтому с самого начала хочу сказать, что главная задача состоит в том, чтобы передачи знакомили читающих книги с людьми, которые эти книги написали.

И. КОЗЛОВ. Как вы добиваетесь, чтобы передачи были интересными, смотрелись внимательно, будили мысль, заставляли зрителей мысленно спорить с кем-либо из выступающих и вообще задевали за живое?

А. СУРКОВ. Это один из серьезных вопросов, очень серьезных... Дело в том, что передачи смотрит многомиллионная аудитория, причем аудитория своеобразная. Это не море голов, а маленькие домашние, семейные группы, сидящие перед телеэкраном. Значит, надо не ораторствовать, а беседовать с каждым слушающим тебя отдельно, с глазу на глаз. Кроме того, надо помнить, что слово не воробей, вылетит — не поймаешь.

И. КОЗЛОВ. Исправление опечаток не допускается...

А. СУРКОВ. Исправления бывают, потом, знаете, на летучках редакционных, лучше, чтобы их не было. Чтобы люди не повторялись, чтобы разговор шел в русле главной темы, предварительно надо построить общую композицию беседы. Так сказать, «за экраном» мы начинаем передачу с того, что я договариваюсь с каждым из участников о направлении общего разговора. И время распределяю, кому сколько минут говорить.

И. КОЗЛОВ. Кстати, выбор состава собеседников, видимо, тоже нелегкое дело. Зрителю интересно встретиться с известными писателями и одновременно интересными рассказчиками. Но ведь и среди литераторов есть такие, которые хорошо пишут, но плохо говорят.

А. СУРКОВ. Это верно. Хотя состав участников беседы обдумывается тщательно, раз на раз не приходится. Бывает, что при одном прекрасном составе передача получилась, а при другом, не хуже, — не вышла, и все тут... Возьмем ленинградскую передачу. Тема важнейшая — «Рабочий — главный герой литературы». Все, казалось бы, было в порядке — и тема интересная, и участники умные и связанные с рабочим классом, а... не вышло!

И. КОЗЛОВ. На мой взгляд, она получилась какой-то скованной. Чувствовался сценарный план: один начинает, другой подхватывает, конец речи одного — начало речи другого. Мне кажется, сценарий в какой-то мере и «засушил» передачу.

А. СУРКОВ. Увы! Не в этом дело. Как это ни парадоксально, а мы ничем таким не занимались. Было как обычно: вот вам тема, авторский замысел, вот — что хотелось бы услышать от участников беседы. А вышло не так, как задумано. В чем-то, очевидно, я виноват.

И. КОЗЛОВ. В чем, на мой взгляд, была беда этой передачи? Не было разговора о литературе. Говорили интересно, но это были разговоры скорее вокруг литературы...

А. СУРКОВ. Мало у нас книг о рабочем классе! Вот в чем дело!

И. КОЗЛОВ. Книги есть...

А. СУРКОВ. Есть-то они есть. Давайте припомним, какие знаем мы долгоживущие образы рабочих из нашей советской литературы. Глеб Чумалов из «Цемента». Есть интересные характеры в произведениях Николаевой, Воробьева, Воронина. Пожалуй, наиболее яркий образ рабочего получился у Кочетова в «Журбиных». Рабочий человек здесь — у себя дома, в цехе, на заводе, на собрании... Он дан в своей художественной трехмерности, а не только в «плоскости», скажем, производства.

Идеал рабочего человека в искусстве я вижу в трилогии о Максиме. Понастоящему живой рабочий характер. В кино вообще были серьезные удачи в рабочей теме. В литературе меньше. Мы серьезно обсуждаем рабочую тему, но у меня такое ощущение, что мы еще только стучимся в дверь. Рабочий — центральная фигура исторического революционного процесса. Ленинградская передача была полезна тем, что она отметила новые черты современного рабочего, еще не найденные в литературе, и «застолбила» эту тему несколько раньше других. Конечно, в том, что «застолбили», особой доблести нет. Доблесть будет тогда, когда из-под столбика начнут золотые самородки таскать.

И. КОЗЛОВ. Вернемся к «проблеме собеседников».

А. СУРКОВ. Да. Важная ее сторона — необходимость «разговорить» человека. Дело не в том, умеют или не умеют люди хорошо говорить. Если собеседнику, сидящему с вами за столом перед камерой, вы предлагаете тему, которая его волнует, его кровную тему, то обнаруживается, что люди, косноязычные на трибуне, становятся прекрасными рассказчиками.

И. КОЗЛОВ. Но ведь они всегда чувствуют, что выступают перед зрителем. Знаю по своему небольшому опыту, что это ощущение ведет к скованности...

А. СУРКОВ. Чтобы разговор получился естественным, надо найти способ отвлечь собеседников от сковывающей их болезни миллионов глаз, которые видят их на экране. Тогда непосредственная беседа получается. Я подчеркиваю, что «Литературные беседы» — такой жанр, при котором нельзя разрабатывать «железный» сценарий: сразу будет чувствоваться, что это не беседа, а спектакль. Чтобы спектакля не было, нельзя связывать людей рамками «отсюда досюда». И выбирать надо тех, у кого есть опыт и охота говорить на облюбованную нами тему.

И. КОЗЛОВ. Да и роль ведущего не всякому под силу. Помним же мы, например, Шнейдерова. Люди садились к телевизору «смотреть Шнейдерова», а не только передачи «Клуба кинопутешествий»!

А. СУРКОВ. Самое интересное в том, что он почти не говорил, это был самый лаконичный из всех ведущих. В роли ведущего есть какие-то необъяснимые тонкости. Вот у Шнейдерова даже скупость словесная была достоинством. И часто, когда меняется ведущий, зритель теряет влечение к передаче, чувствует что-то не то. Потому что жанр должен «срастись» с человеком, который открывает и закрывает беседу. Срастись. Иначе будет дивертисмент. И будет просто обыкновенный конферансье: «А сейчас выступит знаменитый...»

Вот Смирнов, Сергей Сергеич, перешел на «разные» темы, а память о нем осталась как о ведущем военной темы. Почему? Да потому, что она и была его сокровенная тема. Зритель привыкает к ведущему. В момент появления его на экране он ждет не только развития темы передачи, а и того, что скажет ведущий... В работе ведущего мне помогает и то, что я по самой натуре своей — импровизатор. За долгие годы, обращаясь с людьми как пропагандист, я привык думать вслух. И своих собеседников стараюсь вовлечь в непринужденное коллективное обдумывание.

И. КОЗЛОВ. Вам, на мой взгляд, труднее всего с проблемными передачами. Хотя они самые значительные, потому что идут в фарватере жизни. А какие из них получились, на ваш взгляд, и почему?

А. СУРКОВ. Получилась, по-моему, передача «Жанр — разведчик». «Люди сельского труда» тоже вышла удачной, потому что была она об исторической преемственности трудового героизма, прозвучала вовремя. Кроме литераторов, в ней участвовали труженики и организаторы сельскохозяйственного производства. Что касается встреч с читателями, то самой удачной была на «Шарикоподшипнике». На этом, тогда молодом заводе мы, литераторы, были в 1934 году, перед первым писательским съездом. Потом не один раз мы встречались с шарикоподшипниковцами у них в цехах, приходили к ним как свои люди. А в этот раз пришли литераторы — делегаты XXIV съезда партии. И в этой встрече участвовали делегаты съезда из коллектива завода. Беседа была интересной еще и потому, что многие участники первой встречи, которые тогда были молодыми рабочими, выросли в многоопытных командиров производства. Один — теперь директор завода, другой — главный инженер. В списке бывших рабочих завода числится даже один из союзных министров. Мы, таким образом, сумели в какой-то мере показать динамику роста организаторов производства и интеллигенции из рабочего класса. Связь с жизнью была видна, потому и получились эти передачи. А вот передача «Герои жизни — герои книг» могла бы быть лучше, заметно лучше. Есть линейность какая-то в самом замысле этой темы. Удачнее других получаются передачи о людях, о писателях. Их и делать приятнее. Передача об Исаковском, например, мне кажется, была хорошая. К тому же — первая возможность знакомства с Исаковским, безусловно, любящего его большого читателя. У нас нет, наверное, другого такого поэта, слова которого в каждой избе известны. Мы дали возможность голос его послушать, а это значит — почувствовать характер. Характер очень своеобразный...

И. КОЗЛОВ. Мне понравилась передача о Павло Тычине. О Тычине вам было, видно, легко выступать: знакомство, дружба...

А. СУРКОВ. Дружба — это естественно. Но Тычина к тому же был человек, о котором хочется говорить. Это не про всех можно сказать... Бывают люди прекрасные, талантливые, да о них не очень разговоришься. А Тычина был весь какой-то сотканный из поэзии и человеческого обаяния...

И. КОЗЛОВ. Но больше всех мне понравилась передача о Пришвине. Начиная со вступительного слова, в котором был дан очень точный и сжатый портрет Михаила Михайловича, писателя и человека, начиная с рассказа его вдовы, Валерии Дмитриевны, и кончая документальными кадрами. И рассказ об истории Дунинского дома, о людях, кто там бывал, — Вере Фигнер, Коненкове, Кончаловском, и живой голос самого Пришвина — все это очень оживило передачу, расширило представление о личности писателя...

А. СУРКОВ. В литературных портретах нельзя ограничиться энергией одного ведущего. Он может придумать хорошую тему, людей, которые будут беседовать, даже созвониться с ними. Но, помимо этого, ведется невидимая зрителю огромная работа. Мы показываем фрагменты кинофильмов, хронику, отрывки из спектаклей. Надо продумать композицию, оформление... Все это делается «триумвиратом» из ведущего, редактора и режиссера. Ведущий без этих своих соавторов — как без рук.

И. КОЗЛОВ. Но у меня именно к вам как к ведущему, комплектующему состав «подразделений» участников передач, есть, если можно так выразиться, «личные претензии». Почему в ваших передачах не принимают участие критики? Приглашаются прозаики, поэты, драматурги, а критиков нет. Что это — невнимание к ним?

А. СУРКОВ. Вина моя, очевидно. Я не придумал, в каком качестве ввести критиков. Вы народ многоглаголивый. И за наши сорок пять минут, пожалуй, не выйдет развернутого серьезного разговора. Может быть, с приглашением критиков не в качестве эпизодических участников бесед, а как людей, делающих «погоду», появится и элемент дискуссионности, проблемность острее будет...

И. КОЗЛОВ. В «Литературных беседах» вообще мало критики, столкновения мнений. Не есть ли это в известной мере результат отсутствия в составе участников передачи критиков-профессионалов?

А. СУРКОВ. Видите, какая штука... Я впадаю, пожалуй, в крупную ересь, но скажу... Требовать от нас, от передач, чтобы мы были дискуссионнее, острее, чем профессиональные издания, «Литературная газета», «Литературная Россия», толстые журналы, — трудно.

И. КОЗЛОВ. Все-таки это крепость, которую надлежит взять всем вам. Я имею в виду редакцию литературно-художественного вещания телевидения в целом. Вспомним известное постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике». Всем нам надо преодолевать тот недостаток, который на одном из обсуждений в Союзе писателей был назван некритикабельностью. Острее надо говорить о недостатках, о слабых произведениях.

...А теперь у меня к вам вот какой вопрос, может быть, из области «каверзных». Не кажется ли вам, что в передачах «Литературные беседы» наметилось уже и некоторое однообразие?

А. СУРКОВ. Это действительно и большой, и сложный вопрос. Мы уже чувствуем, что повторяемся, повторяемся. Конечно, материал другой, темы другие, персонажи новые, но незримо витает опасный призрак однообразия... Темы у нас есть, новые, на мой взгляд, интересные и важные. А насчет форм — труднее. Надо крепко подумать всем триумвиратом. Видите ли, день телеэкрана — это сложнейший комплекс всех видов и средств влияния на сознание миллионов и миллионов наших сограждан. Тут и политика, и наука, и идейное воспитание, и развлечение, и воспитание чувств и характеров средствами искусства и литературы. И, учитывая фантастически огромную аудиторию телевидения, на всем, что люди видят с экрана, должен стоять знак высокого качества. Нынче это еще не всегда наблюдается. Мал коллектив литераторов, вплотную вовлеченных в работу для телеэкрана. А там непочатый край работы и для прозаиков, и для поэтов, и для очеркистов, и для драматургов. На телевидении — самом новом, самом массовом, самом синтетическом из искусств — самая благодарная почва для совместной работы литераторов, журналистов, актеров, художников, музыкантов. Об этом в последнее время много думают и пишут, но практически сделано очень мало. Почти ничего. А жаль!

Записала Н. ЦИМАЙЛО

Б. ГАЛАНОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ БУДЕТ ОПАСНЫМ

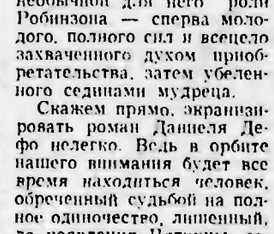
Помните, как родилась книга Стивенсона? Писатель однажды сам рассказал об этом: из игры. У Стивенсона не было других источников, кроме воображаемой карты Острова Сокровищ, которую он как-то шутя нарисовал для своего пасынка. Постепенно на карту наносились загадочные, но полные увлекательного смысла обозначения: «Остров Скелета», «Холм Бизань-мачты», «Холм Подзорной трубы». Потом стала оживать и сама карта. На Острове Сокровищ появились отчаянные искатели золота Флинта. В воображаемую Северную бухту вошла шхуна «Испаньола»... С самого начала книга предназначалась для мальчишеского чтения. Поэтому автор не слишком-то утруждал себя психологией. Зато придумывались такие приключения, от которых у юных читателей голова шла кругом. И очень привлекательными оказались характеры людей — сильных, смелых, выносливых, верных друзей в беде.

По-видимому, постановщик фильма Евгений Фридман серьезно изучал карту Острова Сокровищ. Однако чрезмерная серьезность тут не пошла на пользу. Уж очень «взаправдашней» оказалась вся атмосфера фильма. Скрупулезное, тяжеловесное, бутафорское правдоподобие, как уже справедливо было отмечено в критике, оказалось роковым. Все добротно, все основательно. Но за этим как-то утратился момент игры, свежесть, легкость, непосредственность, короче говоря, счастливый дух мальчишества — воспользуемся таким не слишком научным термином. Но что поделаешь. Для того чтобы наполнить жизнью удивительные события романа, уверовать в них, зажечься ими, надо и самим стать немного мальчишками. Это не менее важно, чем выстроить добротный трактир «Адмирал Бенбоу» в павильонах киностудии.

«РОБИНЗОН КРУЗО» (режиссер Станислав Говорухин) тоже экранизирован довольно добросовестно, но, быть может, в еще большей степени, чем «Остров Сокровищ», иллюстративен. Конечно, иллюстрации иллюстрациям рознь. Когда в одном из эпизодов фильма Робинзон картинно вышагивает по берегу океана в самодельной меховой остроконечной шапке, в мохнатой куртке, в коротких меховых штанах, под огромным зонтиком-балдахином, сшитым из козьих шкур, знакомая фигура героя книги оживает на экране во всей своей живописной силе.

Однако для успеха фильма мало оказалось таких вот оживших иллюстраций, удачной операторской работы Олега Мартынова, дебюта Леонида Куравлева в необычной для него роли Робинзона — сперва молодого, полного сил и всецело захваченного духом приобретательства, затем убеленного сединами мудреца.

Скажем прямо, экранизировать роман Даниеля Дефо нелегко. Ведь в орбите нашего внимания будет все время находиться человек, обреченный судьбой на полное одиночество, лишенный, до появления Пятницы, собеседника и вынужденный обращаться исключительно к самому себе. Не наскучит ли такой Робинзон зрителям? Сумеет ли наладить с ними душевный контакт? Добавим к этому, что у кино-Робинзона мысли вслух носят сугубо информационный характер, тогда как у Дефо Робинзон, переживший в своем одиночестве глубокий душевный кризис, размышляет, философствует, занят моральным и религиозным самоусовершенствованием. Но и такой сильно «адаптированный» кинематографический Робинзон может рассчитывать на интерес и внимание зрителей, если постановщики фильма сумеют выполнить самую увлекательную задачу — воссоздать на экране великий подвиг Робинзона, восславить его победу в единоборстве с природой, показать безграничные возможности человеческого ума и человеческих рук. В романе Дефо об этом свидетельствует каждая вещь, с превеликим трудом сделанная Робинзоном. Зонтик из козьих шкур и тот у Дефо «не безмолвствует». Сколько помучился над ним Робинзон, прежде чем сообразил, как заставить его закрываться и открываться!

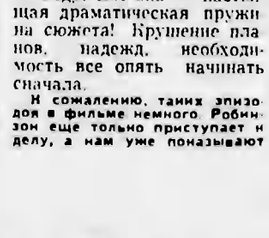

«Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо»

В фильме есть впечатляющий эпизод постройки лодки. Свалив самое высокое на острове дерево, Робинзон мастерит из него пирогу. Стук топора, врубающегося в могучий ствол, повсюду преследует Робинзона, в какой бы части острова он ни находился, какой бы работой ни был занят. Даже во сне не прекращается этот стук, но когда огромная лодка наконец выдолблена, у Робинзона не хватает сил сдвинуть ее с места, спустить на воду. Вот она — настоящая драматическая пружина сюжета! Крушение планов, надежд, необходимость все опять начинать сначала.

К сожалению, таких эпизодов в фильме немного. Робинзон еще только приступает к делу, а нам уже показывают счастливый результат его усилий. В фильме много начал и много концов. Изображение самого процесса труда осталось где-то за кадром. А ведь борьба с природой составляет главный пафос приключений Робинзона. В подробном показе нечеловеческого напряжения этой борьбы заключается подлинная романтика. Если же напряжение снято, смотреть картину от эпизода к эпизоду становится все скучнее.

ФИЛЬМ Георгия Даниелия «Совсем пропащий» снят по мотивам романа Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна». В нем отмечаешь прежде всего индивидуальность режиссерского почерка. О «Робинзоне Крузо» можно сказать: поставлено и снято вполне профессионально. И об «Острове Сокровищ» тоже. Угадать художническую индивидуальность режиссеров в этих добросовестно-иллюстративных фильмах гораздо труднее. В фильме Даниелия все время ощущаешь присущие этому художнику задушевный лиризм, добрый юмор и сатирическую остроту. Я не стану подробно анализировать картину. Это уже сделано на страницах «Литературной газеты». Здесь я касаюсь ее лишь в связи с другими экранизациями.

«Совсем пропащий»

Даниелия отлично удалась изобразительная сторона. Оператор Вадим Юсов поэтически снял величественные речные просторы — смену дней и ночей, закаты и восходы, белые туманы, грозовые тучи, ливневые дожди, так что мы и впрямь верим — вот она, панорама Миссисипи. Где-то вдалеке лениво тянутся длинные плоты с зажженными сигнальными фонариками, взбивая колесами пелену, пыхтят старинные пассажирские пароходы. На таких пароходиках в молодости плавал по Миссисипи Сэмюэл Клеменс — Марк Твен. А вот на середине широкой реки появляется плот Гека Финна и его неразлучного друга негра Джима. Могучее дыхание Миссисипи все время будет ощущаться в фильме. Это поэтический образ. И не только поэтический. В фильме, как и в романе, сам собой напрашивается разительный контраст между привольной жизнью на реке и жестокостью нравов, диким произволом, царящими на берегах по обе стороны реки, где белые травят черных, богатые обирают бедных, мошенники бессовестно надувают честных тружеников и сама жизнь человеческая ни в грош не ценится: пулей в лоб, если не в спину, часто заканчиваются даже самые ничтожные ссоры. Не зря, выпутавшись из очередной опасной передряги на берегу, Гек с облегчением восклицает: «До чего же хорошо... очутиться опять на свободе, плыть одним посредине широкой реки — так, чтоб никто нас не мог достать!»

«Всадник без головы»

Стоит призадуматься над смыслом этих слов. Не только мальчишеская страсть к приключениям гонит Гека вон от опекающей его вдовы Дуглас, ее приверженной сестрицы и пьяницы отца, хотя, конечно, если бы писатель исключил из всех поступков Гека момент игры, Гек перестал бы быть мальчишкой. На стойкость, с которой Гек и Джим отгоняют свой плот по дальше от родного городка, радость, с которой Гек прислушивается на пустынном острове, празднуя свое освобождение, — все напоминает о том, что не одна только мальчишеская страсть и приключениям руководила поступками маленького романтического бродяги. В этой решимости было нечто более серьезное — тоска по вольной жизни, нежелание подчиняться жестоким законам и порядкам рабовладельческого Юга. Удивительные приключения Гека не превратились для постановщика в самоцель. Они всегда социально окрашены. Но авторы таких книг для детей и юношества, которые мы по праву привыкли считать классическими, никогда и не ограничивались чисто развлекательными задачами, как бы хитро ни закручивалась интрига.

Все же кое о чем хочется поспорить с постановщиком. Помните знаменитое появление Гека в «Томе Сойере»? С дохлой кошкой в руках, которую в полночь Гек собирается бесстрашно подбросить чертям на кладбище, чтобы они унесли кошку вместе с его, Гека, бородавками. Этот маленький бездомный бродяга и озорник, объект ненависти всех мамаш и восторга всех городских мальчишек, сожалеющих только об одном, что им не хватает храбрости быть такими же, как Гек, действительно не побоится разделить с негром Джимом все превратности судьбы. А сколько смертельных опасностей выпало на долю беглого раба! Далеко не каждому взрослому под силу то, с чем справляется в романе Гек. Но, право же, хрупкий, миловидный мальчуган в фильме «Совсем пропащий» скорее показался мне сошедшим со страниц романов Диккенса, чем Марка Твена. Такой несколько «пасхальный» Гек у нас, зрителей, прежде всего будет возбуждать смешанное чувство умиленности и сожаления, на которое меньше всего рассчитывал Марк Твен. Да и Гек наверняка этого тоже не одобрил бы. Честное индейское! — как любил он повторять, когда в чем-нибудь хотел убедить собеседника.

ПОЖАЛУЙ, ближе всего образы экранных героев совпадают с образами литературных прототипов и с теми представлениями, которые составили о них читатели и почитатели, в фильме «Всадник без головы» режиссера Владимира Вайнштока. Такими мы представляли себе персонажей знаменитого романа Майн Рида. (Их играют в фильме советские и кубинские актеры.) Владимир Вайнштока не новичок в кинематографе. Он хорошо известен как постановщик довоенных фильмов «Дети капитана Гранта» и «Остров Сокровищ». «Всадник без головы» — своеобразное завершение этой кинотрилогии. И надо сказать, постановщик фильма избежал и греха иллюстративности, и слишком вольного обращения с материалом, когда сплошь и рядом авторы экранизаций бесцеремонно отходит от первоисточника. Зачем, ради чего? Чтобы его улучшить, обогатить? Но ничем не обогащают, а обедняют — уж это точно! Вайнштока следовал не за буквой, он старался сохранить верность духу произведения, а этот путь самый плодотворный.

В старом романе режиссер нашел не только рассказ об одном загадочном убийстве, не только историю любви отважного ирландца Джеральда к дочери богатого плантатора Луизе Пойндекстер, но и выразительные картины жизни Техаса в середине прошлого столетия, когда Соединенные Штаты в результате кровопролитной войны с Мексикой захватили огромные территории и стали приводить их жителей «к повиновению». И вот перед нами развертывается панорама бескрайних прерий, мчатся табуны мустангов, враги преследуют друг друга, обмениваясь на бешеном галопе выстрелами, в вечерних сумерках растворяется таинственная фигура неуловимого всадника без головы. Все то, что волновало воображение самых первых читателей Майн Рида, продолжает волновать до сих пор. В столкновении добра со злом, подлости с благородством на одной стороне окажутся Морис-мустангер и лесной охотник Зеб Стамп, этот Шерлок Холмс техасских прерий, по едва приметному следу на траве определяющий, что за человек здесь прошел или проехал. А на другой стороне объединятся наемный убийца Диас по прозвищу Эль-Койот («Степной волк») и Кассий Колхаун с неразлучным пистолетом у пояса, карточный игрок, расист, который был причастен к мексиканской войне и уже там оставил по себе дурную славу.

Постановщик фильма смело воспользовался приемами американских вестернов, но роман «Всадник без головы» вольно или невольно воспринимается сегодня как их непосредственный литературный предшественник.

Правда, многие чувства, страсти, поступки героев романа современному читателю наверняка покажутся наивными и сентиментальными — что поделаешь, в чем-то он стал старомоден, Майн Рид. — но провозглашенные писателем идеалы добра и справедливости, но прямота, открытость героев романа, которые действуют, не прячась и не таясь (в то время как подлецы и хоронятся в темноте, и убивают исподтишка), по-прежнему привлекают сердца читателей и зрителей.

В ЭТИХ заметках мы говорили о бесспорных удачах, полуудачах и явных просчетах тех постановщиков фильмов, для кого путешествие оказалось опасным, и о тех, кто благополучно достиг финиша, не желая кого-то разочаровать, охладить чей-то интерес к благодарному, но нелегкому жанру. Важно ведь, чтобы юношеская кинобиблиотека фантастики и приключений непрестанно расширялась. Пусть чаще появляются на экранах сильные, мужественные герои романтических, приключенческих советских и зарубежных книг и поэзия дальних странствий пусть чаще приглашает нас в путь.

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Сергей МИХАЛКОВ,
Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии

ПРЕКРАСНА ОСЕНЬ В БОЛГАРИИ

Сентябрь, наверное, всюду прекрасен. Сентябрь в Болгарии прекрасен вдвойне. Он рождает мысли о плодородии, об урожае, об освобождении страны. О сентябрьском антифашистском восстании 1923 года, о победном сентябре 1944 года помнит каждый болгарин. Помним об этих славных датах и мы.

В глубину веков уходят корни нашей дружбы с болгарским народом. В истории немало примеров, когда эту дружбу, это родство приходилось защищать совместно болгарскому и русскому Оружию. Но история непрерывно свидетельствует и о том, что эту дружбу, это родство всегда питало общее Слово.

Имена просветителей Кирилла и Мефодия знают даже младшие школьники. И когда рука первоклассника выводит первую в его жизни букву — за этим целые века становления славянской письменности, славянской литературы.

Неразрывные узы связывают болгарскую и советскую литературы сегодня. Общеизвестно, сколь широко издаются у нас писатели Народной Республики Болгарии; точно так же лучшие произведения советских писателей постоянно выходят на болгарском языке. Это братское единство наших литератур имеет в основе общую генеральную линию — литературы наши воспитывают читателя в духе марксизма-ленинизма, закрепляют завоеванные идейные позиции.

Недавно правительство Народной Республики Болгарии наградило большую группу советских писателей орденом Кирилла и Мефодия. Я вижу в этом признание плодотворной и долголетней деятельности нашего Союза писателей, направленной на укрепление сотрудничества двух братских литератур.

Много лет назад, в 1949 году, я впервые читал свои стихи болгарским детям. Время идет. Этим летом я снова был в Болгарии, снова читал стихи ребятишкам, смотрел и думал: а ведь теперь мне уже улыбаются дети тех самых мальчишек и девчонок сорок девятого года. Они давно у руля народной Болгарии, которая уверенно идет курсом социализма.

С радостью восприняли мы поездку Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в Народную Республику Болгарию — это ведь поездка к братьям. Встречи Л. И. Брежнева с болгарскими товарищами стали еще одним свидетельством нерушимого, вечного единства наших народов.

Поздравляя Леонида Ильича с присвоением ему высокого звания Героя Народной Республики Болгарии, мы знаем, мы понимаем, что эта награда отражает чувства болгарского народа к нашей Родине. Она говорит о признании выдающихся заслуг Л. И. Брежнева в укреплении болгаро-советской дружбы, в развитии международного коммунистического и рабочего движения, в борьбе за спокойную, мирную обстановку на всей планете.

С вниманием и благодарностью следят народы за последовательной мирной политикой Советского Союза. Стало лучше, стало спокойней в мире. Этого не могут отрицать даже самые отъявленные противники оздоровления международной обстановки. Но отсюда и их судорожные усилия подкинуть хворост в угасающее пламя недоверия и враждебности.

Мир, покой, добрососедство — веление времени. И разве может остановить время, остановить социальное развитие тот же мятеж реакционной военщины в Чили! Можно, конечно, заставить роту автоматчиков взять штурмом текстильную фабрику. Но возможно ли расстрелять сознание, идейную убежденность рабочего класса, всего простого народа этой свободолюбивой страны!

Я уверен — тех, кто поднял военный мятеж в Чили, еще ждет суровый приговор суда народа. И так будет повсюду. Где бы, когда бы, в какой бы форме ни пытались сторонники насилия препятствовать воле народа — эти потуги обречены на провал.

Разумные деловые политики во всем мире давно уже поняли, что нагнетать напряженность, открыто попирать демократические права народов, нагло нарушать суверенитет и законность — затея опасная. Рано или поздно — проигрыш неизбежен. Вот почему сегодня уже довольно редко можно увидеть политического «рыцаря», который, опустив забрало, упрямо прет со своим ржавым копьем против идей, одобренных и поддержанных народами. А что до всяких интеллектуалов — псевдогуманистов, страдающих от очередного приступа политической сахарной болезни, то они не в счет! Можно ли всерьез принимать писания этих «диабетиков»!..

Идеи мира берут верх — постепенно, последовательно, неотвратимо. И вклад советского народа, нашей Коммунистической партии, лично товарища Л. И. Брежнева в дело мира огромен. Простым людям всех стран хорошо понимают это. Истина такова, что ее не надо долго разъяснять, — мир нужен всем.

Я не один раз бывал у своих болгарских друзей. Я хорошо знаю их гостеприимство, я знаю их искренность, их убежденность. Прекрасен сентябрь Болгарии. Героический, самоотверженный сентябрь — в дни борьбы, трудовой, радостный — в дни мира, сегодня. И этим замечательным сентябрем мы повторяем как клятву: «Верность — за верность, дружба — за дружбу!»

Серафим СЕВЕРНЯК,
болгарский писатель, лауреат Димитровской премии

«НАШЕ ОБЩЕЕ ДРАГОЦЕННОЕ ДОСТОЯНИЕ»

Так назвал дружбу болгарского и советского народов Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев на митинге в софийском зале «Универсиада»...

Эта дружба освящена подвигами во имя жизни и свободы, увенчана победами в боях и мирном строительстве. В годы социализма она стала примером интернационализма в действии, образцом искренности и взаимности, верности и сотрудничества между двумя суверенными государствами. Наш общий путь в будущее — это сегодня высокий символ братского единства. И будущее открывает новые горизонты перед нашей дружбой...

Дни пребывания Л. И. Брежнева в Болгарии были высшим и самым ярким ее проявлением. Древняя болгарская земля и молодой народ социалистической Болгарии пережили радостные часы. Надо было пройти сквозь ряды людей от аэродрома до центра столицы, постоять в амфитеатре торжественного зала или посидеть перед экраном телевизора, чтобы испытать эти подлинно глубокие и волнующие чувства. Такие чувства оставляют в душах людей неизгладимый след, возвышают и окрыляют их.

Среди нас, вместе с нами был видный деятель международного коммунистического движения, сердечный друг Болгарии. Поводом для визита Леонида Ильича Брежнева послужило вручение нашего высшего отличия — Герой Народной Республики Болгарии. Сколько радости и восторга, высокой и законной гордости принес каждому болгарскому труженику — от рабочего и крестьянина до государственного деятеля — этот праздник!

«Опыт болгарской революции, как и весь опыт человечества после Октября 1917 года, говорит о неодолимости законов истории, о неизбежной победе социализма», — сказал в своей речи Л. И. Брежнев. И это прозвучало как высокая оценка деятельности болгарских коммунистов, воспитанных Благоевым и Димитровым. Наши чувства были прекрасно выражены словами Тодора Живкова во время вручения награды: «В пятиконечной звезде Героя Народной Республики Болгарии воплощены память нашего народа о прошлом, целеустремленность в настоящем, неистребимая вера в будущее».

Слова Л. И. Брежнева о том, что дружба является нашим общим драгоценным достоянием, вызывают не только радость и удовлетворение, но и ко многому обязывают.

Творец социалистической Болгарии — народ, руководимый своей Коммунистической партией. А болгарский народ и болгарские коммунисты доказали миру, что умеют держать свое слово и быть ответственными перед временем и историей.

СОФИЯ. (По телефону)

СЕМЬ ДНЕЙ В СЕНТЯБРЕ...

РЕПОРТАЖ ИЗ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

ЧИЛИЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Самолет Париж — Лима

Раньше этот самолет шел до Сантьяго. Теперь — только до Лимы. Аэродромы Чили закрыты. На всех остановках, во всех аэровокзалах я скупаю, какие можно достать, свежие и не очень свежие газеты и журналы. На первых страницах слова — «Чили», «хунта», «переворот», «расстрел», «Альенде».

Иногда слово «Чили» разорвано, как рвется лист бумаги. Иногда из него сочится красной типографской краской кровь.

Читаю все, что можно прочесть о Чили, вырезаю важное... После каждой посадки под самолетным креслом — ворох газетной и журнальной бумаги. Стюардесса не протестует и даже понимающе кивает: Чили.

Сосед, человек лет 45, с лицом усталым, серым и пористым, как пемза, из-за моего плеча читает вместе со мной. Где-то перед посадкой в Гвадалупе спрашивает: «Сеньор — журналист?» Отвечаю: «Да».

Он молчит, потом негромко добавляет: «Эль чилено» — «Я чилиец».

Говорит так, как говорят рядом с телом погибшего: «Он был моим братом». И, не дожидаясь расспросов, сам рассказывает о себе.

Инженер. Три месяца назад был послан в Иран работать по какому-то контракту. Уезжал из одной страны, сейчас пытается возвратиться в другую. Вот и летит сам — разобраться.

Он говорит, не глядя на меня. Смотрит перед собой в спинку кресла и пальцами механически завязывает и развязывает пластиковую соломинку, которую стюардесса подала ему с банкой фруктового сока.

И в то, что Альенде покончил с собой, тоже не верит. Не может быть! Конечно, его убили. Стреляется человек, который знает, что все кончено. А он наверняка понимал, что даже если его убьют, все равно это не конец, нет, не конец.

Пусть сеньор журналист не думает, что это конец. Пусть сеньор следит за событиями на медных рудниках, на фабриках и за событиями в деревне пусть тоже следит. И сеньор увидит, что произойдет, как только попробуют вернуться на землю помещики и на фабрики бывшие хозяева.

Мы вместе сошли в Лиме, договорившись встретиться на другой день в редакции газеты «Экспрессо». Он не пришел — может быть, в ту же ночь отправился на границу с Чили.

Чили рядом, совсем рядом, три часа полета из Лимы в Сантьяго. Но Чили отделена теперь от меня не только географическим расстоянием, но и фашистским переворотом, стадионами, превращенными в концлагеря, рвами, в которые падают тела расстрелянных, трупами, которые плывут по рекам.

Бессмысленно пробовать добраться до Сантьяго. Вот почему я буду пока писать о событиях в Чили из Лимы. В ближайшее время, как только получу визу, — из Аргентины. Туда, говорят, приходит гораздо больше информации о том, что происходит в Чили.

Последние 15 часов Сальвадора Альенде

Вечер 10 сентября. Он пригласил к себе в резиденцию на улице Томаса Мора несколько человек. В общих чертах он обсудил с ними речь, которую собирался произнести завтра в полдень. Он сидел в кресле в теплой домашней куртке — сентябрь был холодным — и обсуждал тезисы завтрашней речи. О твердой решимости правительства и дальше придерживаться объявленной программы, несмотря на бешеное сопротивление реакции, о необходимости дать отпор фашистам и террористам, о своем решении ускорить прохождение через парламент некоторых законопроектов, о намерении в скором времени провести референдум, чтобы еще раз для всех подтвердить поддержку, которую оказывает народ программе социалистических преобразований.

Разговор был прерван ровно в полночь телефонным звонком. Президенту сообщили о передвижении военных грузовиков с войсками от Сан-Феличе (сто километров от столицы) по направлению к Сантьяго. Из резиденции позвонили генералу Брэди, начальнику гарнизона Сантьяго. Тот обещал выяснить.

11 сентября. 0.30. Генерал Брэди позвонил и сказал, что связался с Сан-Феличе и узнал, что там все спокойно. Гости ушли. Альенде еще некоторое время работал у себя в кабинете, затем лег спать.

7.00. Президента разбудили телефонным звонком и сообщили, что некоторые офицеры военно-морских сил в Вальпарансо начали мятеж и требуют его отставки.

7.05. Президент звонит командующим родами войск, но никто из них не отвечает.

7.10. Президент звонит начальнику гарнизона Сантьяго генералу Брэди и приказывает ему принять необходимые меры против возможного выступления мятежников в Сантьяго.

7.20. Президент прибыл во дворец «Ла Монеда». В это время по магистралям столицы ко дворцу уже начали двигаться танки и автомашины с карабинерами, вооруженными автоматами.

7.50. Радио мятежников передает объединенное коммюнике командующих сухопутными силами, ВМС, ВВС и начальника национальной полиции. Их требование: немедленная отставка Альенде.

7.55. Президент записывает на пленку обращение к народу Чили и ответ мятежникам. Через несколько минут его передала в эфир радиостанция Социалистической партии. «Я не подам в отставку, — говорил президент, — я не сделаю этого. Я готов драться против мятежников любыми средствами. И пусть это знают те, у кого в руках сила, но не право».

8.00. Сальвадор Альенде пытается связаться по телефону с командующими родами войск, но снова — безуспешно.

8.20. Президент звонит жене в свою резиденцию на улице Томаса Мора. «На флоте — мятеж, — говорит он ей. — Мятежников много и в Сантьяго. Я не знаю, сможем ли мы выстоять против армии. Положение очень опасное. Оставайся дома и держись молодцом».

8.30. Президенту звонит его военно-воздушный адъютант майор Роберто Санчес: «Я нахожусь в расположении седьмой группы ВВС, куда был вызван по приказу генерала Фон Шовена (начальник штаба ВВС. — Г. Б.). Генерал просил вам передать, что в определенном месте вас ждет самолет, полностью заправленный горючим. Он доставит нас, сеньор президент, и вашу семью туда, куда вы захотите».

«Передайте генералу Фон Шовену, — отвечал Альенде, — что президент Чили не намерен спасаться бегством на самолете, а генералу следовало бы научиться выполнять свой долг солдата».

Президенту звонит генерал Ниночет, возглавивший мятеж. Он передает ультиматум — если президент Альенде сдастся окружившим его войскам, ему оставят жизнь и позволят уехать из страны. Если нет, в 11 часов начнется штурм...

Президент отвечает, четко выговаривая слова, делая ударения на каждом: «Я не сдамся. И не покину дворца. Угрозам подчиняются только трусы. И сдаются только трусы. Такие, как вы...» И вешает трубку телефона.

8.45. В рабочем кабинете дворца президент записывает на пленку свое третье обращение к народу Чили.

Услышав по радио о мятеже, сторонники президента бросаются к дворцу, но пути к нему перекрыты танками «шерман». Над улицами низко летают самолеты и вертолеты.

8.50. Президент выходит на балкон и машет рукой тем немногим, кому удалось прорваться к дворцу. Танки и бронетранспортеры уже полностью контролируют площадь Конституции. Над дворцом на бреющем полете идут самолеты. Стрельбы еще нет. Видимо, в этот момент президент понял, что помощь к нему не пробьется. Главные магистрали столицы уже заняты мятежниками.

● ОКОНЧАНИЕ НА 14-Й СТР.

«Да здравствует свобода!» — эти слова сегодня в Чили нежелательны...

Трудящиеся Рима протестуют против злодеяний военной хунты

ПАМЯТИ ПАБЛО НЕРУДЫ

Умер Пабло Неруда, великий поэт, коммунист, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», лауреат Нобелевской премии по литературе, пламенный борец за свободу народов латиноамериканского континента.

Умер поэт, чье имя начертано на знаменах борьбы латиноамериканских народов за справедливость и социальный прогресс, чье творчество и политическая деятельность неотделимы от великого дела борьбы за мир между народами. Высокой миссией поэта считал он «работать изо всех сил и со всей возможной нежностью во имя того, чтобы люди самые отдаленные друг от друга, народы самые разные жили в мире, обменивались своей мудростью, уважали и любили друг друга».

Умер в те дни, когда весь мир с глубоким волнением и тревогой следит за судьбой его родины — истекающей кровью маленькой страной Чили, которую топчет сегодня военный сапог хунты. Пабло Неруда сражался до последней минуты. Его последние стихи полны ненависти к тем, кто обрушил волну репрессий на свободолюбивый народ Чили, преисполнены веры в конечную победу народа.

Пабло Неруда (Нефтали Рикардо Рейес Басуальто) родился в 1904 году в маленьком чилийском городке Парраль в семье железнодорожника и учительницы. Окончив университет, он стал дипломатом. Ему довелось увидеть многие страны, и везде поэта поражали нищета, голод и темнота, в которой жили народные массы.

В Испании, где Неруда был чилийским консулом, он первый раз столкнулся лицом к лицу с фашизмом. Здесь, в Мадриде, он увидел, как люди сражались и гибли за свободу, во имя высоких идеалов. В сборнике стихов «Испания в сердце» поэт воспевает мужество испанского народа, его героическую борьбу, он клянется всегда быть вместе с борющимся народом.

Когда началась Великая Отечественная война советского народа, Пабло Неруда призывал народы Латинской Америки принять участие в защите священной земли Советского Союза. В суровые дни Сталинградской битвы Пабло Неруда на митинге рабочих читает только что написанные им стихи «Песнь любви Сталинграду».

В 1943 году Неруда возвращается на родину и становится подлинным вожаком прогрессивной чилийской интеллигенции. Он возглавляет общество чилийских писателей, участвует в организации чилийско-советского института. В 1945 году его избирают в сенат; он вступает в Коммунистическую партию Чили.

В 1947 году, после того как президент Гонсалес Видела перешел в открытое наступление на чилийский народ, Пабло Неруда выступает в венесуэльской газете с «Дружеским письмом к миллионам людей», в котором говорит о своей поработощенной родине и о реакционерах, предавших ее интересы. В 1948 году Неруда выступает в сенате. «Я обвиняю президента Гонсалеса Видела в измене», — так начинается его пламенная речь. Был издан приказ об аресте Неруды, за ним охотилась полиция. Но схватить Неруду не удалось — его скрывал трудовой народ Чили. В этих условиях, перебираясь из селения в селение, он пишет свою замечательную книгу «Всеобщая песнь» — гимн свободолюбивым народам Америки. Эта книга стихов в 500 страниц была издана и распространялась подпольно простыми людьми Чили.

В 1949 году Пабло Неруда приезжает в Париж для участия в Конгрессе сторонников мира. Пламенный борец за мир, он входит в Постоянный комитет конгресса, принимает участие в работе конгрессов сторонников мира, является членом Комитета по присуждению международных Ленинских премий «За укрепление мира между народами».

Большой друг Советского Союза, Пабло Неруда много раз бывал у нас в стране, где его читают на языках многих национальностей, где его знают и любят.

В последние годы, когда народ Чили под руководством правительства Народного единства осуществлял революционные преобразования в интересах трудящихся масс, Пабло Неруда, друг и соратник Сальвадора Альенде, был послом Чили в Париже.

Стихи Пабло Неруды занимают многие тома, они переведены на множество языков, они любимы в самых разных странах; его мастерство, его поэтика будут предметом изучения не одного поколения поэтов; его творчество необозримо. И, говоря о нем, мы не можем отделить его книги от его политической и общественной деятельности. Совестью Латинской Америки называли Пабло Неруду.

***

Все эти драматические дни, наполненные болью и волнением о Чили, были пронзены и мыслью о Пабло Неруде, товарище нашем и брате. Мы знали, что он болен, но знали и то, какой тяжелый удар в сердце нанесен ему врагами Чили. Противоречивые и тревожные вести о его судьбе завершились жестоким сообщением: великий поэт Латинской Америки скончался.

Тот, кто встречался с ним, кто хоть раз его слышал, навсегда останется очарованным его поэзией и его образом. Более 50 лет звучали над миром стихи Пабло Неруды. Его поэзия сражалась на баррикадах Мадрида, плечом к плечу с поэзией Гарсиа Лорки... Он смело назвал свое главное произведение «Всеобщей песнью». Его песнь, и правда, была всеобщей!

На карте поэзии его стихи возвышаются, как Анды.

Когда мы сражались в Сталинграде, он из далекой Мексики направил на берега Волги два послания, полных любви и солидарности. Попробую вспомнить свой перевод. Сейчас эти стихи звучат как завещание поэта:

Сохрани для меня,
как для верного друга,
Ствол винтовки и лемех
крестьянского плуга,
Пусть их в гроб мой
положат рядом со мною,
Их и колос, взращенный
твою страною,
Чтобы знали повсюду —
я был твоим братом
И любил тебя крепкой
и верной любовью...

Пабло Неруда был коммунистом, он мужественно и долго боролся за свободу своей страны. Он увидел зарю над родной землей, а последним его переживанием, несомненно, ускорившим трагический исход его жизни, была сентябрьская трагедия Чили. Какие тяжелые дни! Чили потеряла двух великих сынов, увенчанных Ленинской премией мира, — Сальвадора Альенде и Пабло Неруду. Сейчас эти две потери как бы сливаются в истории страданий и борьбы Латинской Америки.

Прощай, Пабло, наш товарищ, поэт и боец, коммунист. Мы кладем в твой гроб ствол винтовки, лемех крестьянского плуга и колос сталинградской земли.

Твоя поэзия бессмертна.
Но тяжело нам и горько.
Огромна потеря.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

«Наш Пабло», — говорят о нем трудящиеся Чили. «Наш Неруда» — будут всегда говорить о нем те, кому дороги светлые идеалы социального прогресса, мира и коммунизма.

Правление Союза писателей СССР

ЗА КУЛИСАМИ ФАКТА

ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ...

«Израиль ни с какой стороны нельзя считать страной, терпящей бедствие», — к такому поразительному заключению пришло (очевидно, после тщательного изучения предмета) «общество помощи еврейским иммигрантам», сокращенно ХИАС.

Для чего же понадобилось этой ХИАС ставить под сомнение «святая святых»! Неужели отцы сионистского общества вдруг усомнились в жизнестойкости сионистского государства и сами себя убеждают, что там все хорошо?..

Отнюдь. Столь категоричный вывод, не терпящий возражений, понадобился им лишь для того, чтобы объявить о своем решении: отныне (точнее, с 9 сентября после полуночи) ХИАС прекращает помощь советским евреям, которые уезжают из Израиля и пытаются обосноваться в других странах. А ведь до той злополучной полуночи 800 советских евреев-иммигрантов, не пожелавших стать гражданами государства, «ни с какой стороны не терпящего бедствия», сидели в Вене и в ожидании заокеанских и иных виз получали от своих благодетелей кое-какое вспомоществование. Теперь же, по словам еврейского телеграфного агентства, сообщившего эту печальную новость, «ХИАС перестанет интересоваться судьбой таких людей. Еврей для него, таким образом, — только тот, кто желает поселиться на «земле обетованной». В противном случае — он уже «изгой».

Нет, что ни говорите, не все благополучно в королевстве, куда ехать людей вынуждают, чтобы затянуть ими дыры корабля, явно «терпящего бедствие».

СПРАВКА «ЛГ»

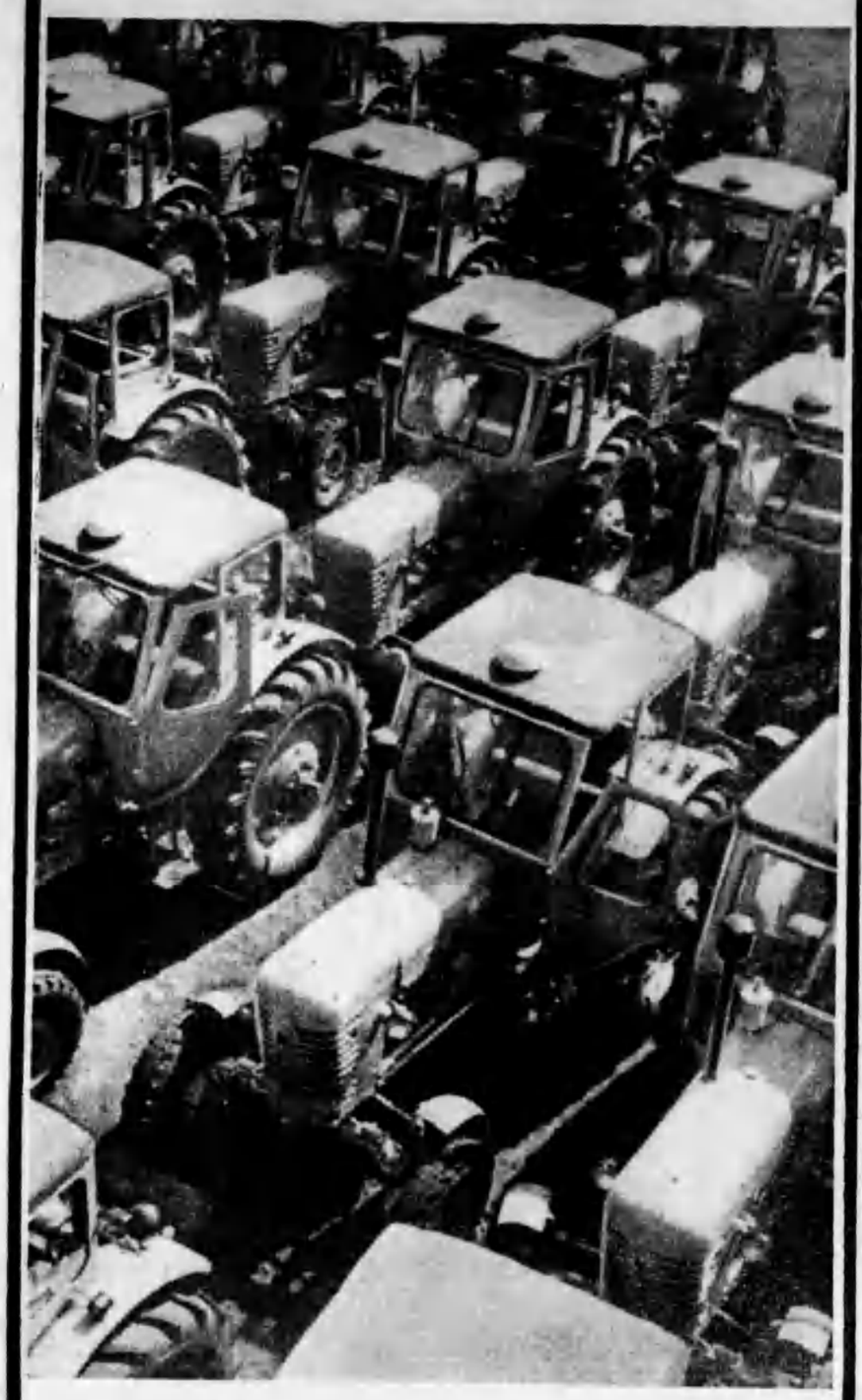
ОБЪЕДИНЕННАЯ СЛУЖБА ХИАС

Организация возникла в 1895 году в США. Первоначально оказывала помощь евреям, эмигрировавшим из Восточной Европы в Америку. В августе 1954 года ХИАС слилась с «объединенной службой новых граждан США» и эмиграционным отделом «американского еврейского объединенного распределительного комитета» («Джойнт»). На первом этапе задача организации состояла в оказании помощи евреям, желающим эмигрировать в другие страны, исключая Израиль (переселение в Израиль входит в функции «еврейского агентства»). Следует отметить, что помощь ХИАС распространяется лишь на тех, кто может доказать свое еврейское происхождение.

Филиалы организации имеются во многих странах мира и активно используются американской и израильской разведками в подрывной деятельности против СССР и стран социалистического содружества. Особую активность проявляет филиал ХИАС в Австрии. Сотрудники этого филиала принимают участие в опросе эмигрантов из СССР и социалистических стран. Лица, сообщающие интересующие разведку сведения, направляются для дальнейшей работы с ними в американские консульства в Вене и Зальцбурге. Кроме опросов эмигрантов, филиал занимается засылкой фиктивных вызовов гражданам еврейской национальности, проживающим в социалистических странах, а также распространением националистической и сионистской литературы.

Деятельность организации финансируется американскими сионистскими организациями, а также разведками США и Израиля.

Штаб-квартира ХИАС находится в Нью-Йорке.

ТРАКТОРЫ МИНСКА

Фото Г. ДУБИНСКОГО

...И ХЛЕБ ЦЕЛИНЫ

Фото А. ГОСТЕВА

ВЫДАЮЩИЙСЯ датский писатель Ханс Шерфиг перед поездкой в Советский Союз прочел в одной копенгагенской газете, что в Грузии, в городе Батуми, на морском берегу постоянно стоят войска, карауля несчастных батумцев, которые готовы вплавь переправиться за границу, в Турцию.

Естественно, что по приезде в Грузию Шерфиг поспешил в Батуми, долго бродил по побережью, но нигде ничего похожего не увидел. Правда, на пляжах людей было видимо-невидимо, однако стремления бежать из этой райской страны (как называет Шерфиг Грузию), да еще вплавь, он тоже не обнаружил. В конце концов, исходив вдоль и поперек весь батумский берег, Шерфиг увидел в парке, что рядом с гостиницей «Интурист», сидящую на скамейке парочку: юношу-солдата и девушку. И тут Шерфиг записывает в своей записной книжке: «Я вижу солдата, он сидит на скамейке и обнимает девушку, может быть, для того, чтобы не дать ей уплыть».

Эти строки Шерфига вскоре прозвучали на весь мир со страниц его книги «Моргенрёдене ланд» («Страна утренней зари»), в которой описывается Советская Грузия.

История с солдатом и его подружкой — уничтожающая ирония. Писатель одной фразой показывает, чего стоят и что представляют собой все те клеветнические измышления, в которых изощряются иные иностранные журналисты и радиокомментаторы. В «утке» копенгагенской газеты отразилась лживость буржуазной пропаганды, все представляющей в искаженном свете, все ставящей с ног на голову, белое делающей черным, а черное — белым.

В книге датского писателя Иоханнеса Енсена Шерфиг прочел: «Характерные плоды коммунизма — упадок городов. Они снова превращаются в степи».

И вот он приехал к нам и увидел новые города, выстроенные в пустыне, и пустыни, превращенные в сады. Он увидел Грузию девятой пятилетки, гигантскую стройку ИнгурГЭС, а на тбилисских улицах долго любовался «удивительно красивыми грузинскими буквами на вывесках и световых рекламах». Его охватил радостный трепет, когда он познакомился с седой древностью и с лучезарной юностью Грузии.

«Новое время очень молодо в Кутаиси», — записывает он в своей записной книжке. Шерфига поразили и обрадовали люди Грузии, полные жизни и энергии, будь то старики или молодежь, его покорила юная работница текстильной фабрики и изумил председатель колхоза, который, приветствуя его, принес свои извинения за то, что не знает датского, а знает только грузинский, русский, греческий, турецкий и абхазский. А потом его избрали почетным членом колхоза в грузинской деревне — деревне, имеющей свой театр на 300 мест, свою художественную школу и картинную галерею. И тогда вспомнил он строки своего соотечественника Иоханнеса Енсена — города перестают существовать и превращаются в пустыни. Как же они перестают существовать, если села приближаются к городам, догоняют города, если стирается грань между городом и деревней?!

В сказках «Тысяча и одна ночь» рассказывается об одном восточном царе. Была у него единственная дочь — писаная красавица; и состарился царь, и, видя, что он уже не может управлять страной, стал думать о преемнике своем, о будущем царе. Долго он думал, много всякого передумал и так решил: выдам-ка мою красавицу дочь за того, кто сумеет придумать самую дерзкую, самую удивительную, самую невероятную ложь, — тому и трон мой, и скипетр.

И вот врали со всех краев и земель повалили на царский двор. Вроде как всемирный фестиваль вранья, что ли... И не нужно им было ни микрофонов, ни ультракоротких волн, они чудесно обходились без всего этого. Сидят перед царем-арбитром и плетут небылицу за небылицей. Чья небылица не понравится царю, того взашей гонят, зуботычинами и пинками награждают. Один враль другого сменяет, один другого затмить хочет: еще бы, кто откажется от царевны-красавицы да трона в придачу?

Я не знаю, что сулят шефы радиостанции «Свобода» своим комментаторам-вралям — Тамазу Цискаришвили, Гиви Иоселиани, Алмазу Джикия, Резо Цигнадзе, Дмитрию Маршания и другим. Вряд ли дочерей для всех хватит, чтобы в зятья их брать, наоборот, — того и гляди взашей погонят — больно уж бестолково лгут эти господа. Каждую ложь они предваряют словами **«будто бы»**, **«оказывается»**, **«якобы»**... Скажешь так, и знай мели, что душеньке угодно. Эфир все стерпит!

Французская газета «Монд» сообщает, что «якобы» в Тбилиси состоялась огромная демонстрация протеста; западногерманский журнал «Квик» от себя дополняет: «якобы» во время демонстрации арестовали 1500 человек, в основном — молодежь, националистически настроенных руководителей партии, писателей и журналистов.

Засим следует еще тысяча всяких **«якобы»**, **«будто бы»**, **«оказывается»**...

Однако радиокомментаторов «Свободы», видимо, не смущает, что все эти «якобы» и «будто бы» ставят под сомнение следующие за ними в повествовании факты, указывают на то, что данное событие или явление не таково в действительности, каким его преподносят, что оно скорее всего вовсе не соответствует действительности. И ведь так оно и есть! Демонстрации в Тбилиси, конечно же, происходят, но демонстрации, говорящие о нерушимом единстве Коммунистической партии и народа, о безграничной любви и доверии народа к Центральному Комитету нашей партии. В третий, решающий год пятилетки грузинские трудящиеся — рабочие, колхозники, интеллигенция — положили начало новой замечательной традиции. А традиция эта заключается в том, что коллектив предприятия, победившего в социалистическом соревновании, завоевывает право идти во главе первомайской или октябрьской демонстрации. Это огромной важности патриотическое начинание, и говорит оно о том, сколь почетно и желанно для каждого советского гражданина открывать торжественное шествие, быть во главе праздничных колонн демонстрантов. Эта традиция успела утвердиться не только в столице Советской Грузии, но и в районных центрах, в городах и деревнях республики.

Вот она какова, подлинная действительность, если отбросить все эти «якобы»!

«Что происходит в Грузии?», «Как там идут дела?» — вопрошают радиокомментаторы «Свободы». А уж какой шум они подняли, какую тревогу забили, когда в руководстве республики произошли изменения и Компартия Грузии вместе со всем народом с новой энергией, с новыми силами взялась за восполнение отдельных пробелов, уничтожение теневых сторон, которые имели место.

Большая работа эта принесла хорошие результаты, потому-то грузинские писатели назвали нынешнюю весну доброй весной.

И прозаики, и поэты, и публицисты, весь народ грузинский с небывалым подъемом творит, трудится, работает. А как примечателен, как отраден следующий факт: приезжает в колхоз или на далекие пастбища корреспондент из города, и простой колхозник или колхозница поручают ему передать в столице: «Скажи руководителям республики, пусть знают, что мы не подведем, пусть надеются на нас так, как мы на них надеемся».

Да, сегодня вся наша республика охвачена единым трудовым подъемом, а партийные организации направляют наше движение вперед, стремятся к одному — чтобы все делалось для счастья и благополучия советского человека, для нового экономического и культурного расцвета страны.

Вот что происходит в Грузии, господа!

Дела тут хороши и на фабриках, и на заводах, и в колхозах...

А комментаторы «Свободы» ищут, за что бы ухватиться, ищут мух, чтобы сделать из них слона, всячески пытаются убедить слушателей, что Грузия... гибнет, и в доказательство приводят статью из газеты «Комунисти», в которой сообщалось, что в один магазин в Цхалтубо не завезли вовремя овощи.

Господа, очевидно, вам неведомо, с какой целью, для чего печатаются в газетах подобные статьи? С единственной целью, чтобы завтра овощей было вдоволь и другие продукты поступали бесперебойно. Вот для чего печатаются подобные статьи в газетах.

Ошибается тот, кто подумает, что комментаторов «Свободы» вправду интересует состояние овощного магазина, в который беспечный работник треста опоздал доставить товар. Нет, их гложет иная забота.

«Для чего в Грузии идут судебные процессы над Лазишвили?» — псевдотрагическим тоном вопрошает в очередной передаче комментатор «Свободы». Во-первых, уточним: не «процессы», а процесс; да, был такой процесс. А во-вторых, — что странного и трагического в том, что вора, пойманного с поличным, отдают в руки правосудия? Что в этом возмутительного и неслыханного? Во все века, во все времена, во всех странах и у всех народов вора и корыстолюбца ловили и наказывали, и никто из-за этого не бил тревогу.

Платон более 2300 лет назад в своих «Законах» писал: «Гражданин должен быть казнен за свое корыстолюбие, которое он ценил превыше всего».

Жулика Лазишвили никто не четвертовал, не вешал, — напротив, советский суд судил его с присущей ему гуманностью, которая поразила бы философа античности.

Так к чему были вопли и причитания на весь мир?

По самые ватные враки и небылицы распространяют радиокомментаторы «Свободы» по поводу национальных культур наших народов. И тут они действуют по своему излюбленному методу: небыль выдают за быль, брехню за правду. Пятого июля, повествует комментатор, состоялась пресс-конференция (где — никто не знает), на которой известный норвежский профессор (без имени и фамилии) категорически заявил, что в Советском Союзе идет «плановое уничтожение национальной и социальной культуры украинцев, грузин и армян...». Далее этот «профессор икс» присовокупляет, что «в Тбилиси происходит выражение спонтанного протеста населения».

В заключение комментатор сетует, что этих высказываний и сообщений норвежского профессора грузинская пресса, радио и телевидение и не отрицают, и не подтверждают, и вообще на них не откликаются.

Действительно, не откликаются. Но почему? Во-первых, потому, что помнят мудрую народную пословицу «Собака лает — ветер носит». Во-вторых, как же откликаться, если «профессор», делающий эти сообщения, не имеет ни имени, ни фамилии, ни, по-видимому, фигуры!

Если уж они так жаждут откликов, извольте: нет ничего легче, чем вывести на чистую воду «профессора икс». Достаточно приехать и пожить какой-то срок, ну хотя бы месяц, в Киеве, Ереване, Тбилиси. Здесь легко увидеть, как расцвела, развилась национальная культура этих народов, каких вершин она достигла на пути, указанном ленинской партией. Наша партия, как отмечалось на XXIV съезде, постоянно заботится о расцвете равноправных социалистических наций, об укреплении монолитного единства народов Советского Союза. Партия растит и воспитывает трудящихся в духе глубокого уважения ко всем народам и нациям. В Тбилиси, как и в любом другом городе и селе Грузии, на каждом шагу видны факты, говорящие о расцвете национальной культуры.

Безусловно, большее доверие, чем сообщение «норвежского профессора», вызывают слова знаменитого датского физика Нильса Бора, который в последние годы жизни посетил Грузию и, восхищенный увиденным, сказал: «Весь мир знает о любви грузин к поэзии. Но теперь мы узнали о высокоразвитой науке в Грузии!»

Коль скоро речь зашла о поэзии и литературе, нельзя умолчать о том, что грузинские поэты и прозаики в советское время впервые вышли на мировую арену. Это Руставели, Бараташвили и Важа Пшавела. Это современные наши советские писатели — Константин Лордкипанидзе, чей роман о первом грузинском трактористе «Заря Колхиды» совершил прямо-таки триумфальное шествие по Европе и теперь переправился на американский континент, — в Канаде его перевод вызвал восторженные отклики читателей и прессы.

А герой Нодара Думбадзе — Зурикела — обошел весь мир, всюду завоевывая всеобщую любовь и симпатию. В Японии пишут, что Зурикела — это неугомонный японский мальчуган, во Франции его признали французским парнишкой... И ходит Зурикела из страны в страну, и говорит людям, что все они братья и должны жить в мире. Такой же всемирный резонанс имели романы писателей старшего поколения — Константина Гамсахурдиа, Лео Киачели... В небольшой статье всех не назовешь!

Выступая в Тбилиси на торжественном заседании в честь 50-летия Грузинской ССР и Коммунистической партии Грузии, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Никогда еще горы Кавказа, убеленные сединами вечных снегов, не видали такого взлета массового социального творчества, такого идущего из глубин народной души порыва к свету, к свободе и прогрессу!» Грузинская культура движется вперед на всех участках, во всех областях, во всех сферах, будь то живопись или музыка, архитектура или театральное искусство. Великое наследие прошлого только сегодня сделалось достоянием народа. Совсем недавно вышел в свет IV том «Картлис цховреба» — «Летописи Грузии», который содержит 1102 страницы большого формата. Весь этот том занимает труд знаменитого летописца Вахушти Батонишвили. Грузинский читатель впервые познакомится с этим трудом полностью.

Символично, что грандиозный труд Вахушти Батонишвили написан в Москве, в 1725—1745 годах, на Пресне, где жили грузины, покинувшие свою разоренную врагом родину. Тогда, в тот мрачный и тягостный XVIII век, нашли в Москве приют грузинская мысль и грузинское слово. В этом явлении, как и в судьбе Гурамишвили, чья книга тоже писалась в Москве и на Украине, явственно просматриваются глубокие исторические корни и истоки того великого братства, которое сегодня, в новой исторической обстановке, в процессе строительства коммунизма, превратилось в такую могучую силу.

Братство и неразрывная дружба народов Советского Союза — вот гранитный фундамент всех наших побед.

Именно это братство, эта дружба не дают покоя недоброжелателям Советской страны, и среди них в первую очередь клеветникам и лжецам из «Свободы».

Но, как говорят, комарам солнца не заслонить!

Упомянутый выше Алмаз Джикия страшно зол и разгневан по поводу того, что на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, состоявшемся в Кремле в ознаменование полувекового юбилея Советского Союза, посланец Грузии Э. А. Шеварднадзе отметил в своем выступлении: «История никогда не забудет того факта, что на грузинскую землю с вечным миром пришел русский солдат».

Кстати, неужели господину Джикия не известно, что задолго до наших дней туже мысль высказал знаменосец национально-освободительного движения Грузии XIX века Илья Чавчавадзе, человек, которого грузинский народ зовет мудрым отцом своим? «Русское войско вошло в Тбилиси, — писал Чавчавадзе. — С этого достопамятного дня Грузия обрела мир».

Так писал Илья Чавчавадзе, большой писатель, мыслитель, носитель и проповедник самых передовых, самых прогрессивных идей, писал, мечтая о возрождении своей нации и о лучшем будущем для человечества.

Это он первым приветствовал пламенными стихами Парижскую коммуну, он назвал ее знамя знаменем освобождения труда, знаменем избавления и спасения всех угнетенных и униженных земного шара.

Он хорошо знал, куда идет история!

А вы, господа, оставьте в покое грузинский народ, у него свои дела — рука об руку и плечом к плечу с другими братскими народами Советского Союза он строит новый мир, строит светлое здание коммунизма, и с этого пути его никто никогда не собьет!

ОТВЕТ КЛЕВЕТНИКАМ

Георгий НАТРОШВИАИ, главный редактор журнала «Мнатоби», депутат Верховного Совета Грузинской ССР

КОМАРАМ СОЛНЦА НЕ ЗАСЛОНИТЬ!

Грузинский писатель разоблачает антисоветчиков, выступающих у микрофонов радиостанции «Свобода» со злобными нападками на Советскую Грузию.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ

«ТОПОР ИЗ-ЗА УГЛА»

Чтобы все рос, его надо рубить. Избавляться от больных деревьев, расчищать излишне затененные и захламленные участки, делать экологические прогалины, стимулирующие приживаемость и подрост хвойных. Так считает Министерство лесного хозяйства СССР. На официальные ответы мы и публикуем сегодня.

Статья «Топор из-за угла» обсуждалась в Министерстве лесного хозяйства РСФСР и в отдельных местах подвергнута критике, сформулированы ошибочные положения, содержащиеся в статье. Министерство лесного хозяйства СССР. Их официальные ответы мы и публикуем сегодня.

Коллегия Министерства лесного хозяйства РСФСР 12 июля 1973 года рассмотрела статью специального корреспондента «Литературной газеты» В. Травинского и считает, что в ней правильно освещаются недостатки при проведении санитарных рубок предприятиями лесного хозяйства Архангельской области, где об этом рассказал В. Травинский в корреспонденции «Топор не за углом» («ЛГ», № 27, 1973).

В статье В. Травинского правильно отмечаются недостатки в проведении санитарных работ в Архангельской области. Допущенные работниками лесного хозяйства нарушения не связаны с выполнением государственного плана лесозаготовок и являются результатом слабого контроля. По действующим правилам, утвержденным Минлесхозом РСФСР, до проведения рубок ухода и санитарных рубок должен производиться отбор и клеймение деревьев, подлежащих рубке, с последующей проверкой правильности этого отбора специалистами управлений лесного хозяйства и лесхозов.

Народнохозяйственным планом Гослесхозу СССР на 1973 год утверждено задание по вывозке древесины в объеме 42,4 миллиона кубометров, в том числе деловой древесины 28 миллионов кубометров. Для выполнения этого плана Гослесхозу СССР выделен необходимый лесосечный фонд главного пользования, который, по предложению Гослесхоза СССР, распределен между республиками, краями и областями.

В малолесных краях, областях и республиках (там, где не работают предприятия Минлеспрома) лесхозы заготавливают и вывозят около 37 миллионов кубометров. Плюс к этому в многолесных районах РСФСР заготавливается более 5 миллионов кубометров. В Архангельской области предусмотрено заготовить 298 тысяч кубометров.

Необходимо иметь в виду, что на Севере, Урале и в Сибири имеются и относительно малолесные районы, где предприятий лесной промышленности не имеется, там рубка леса в пределах расчетной лесосеки должна проводиться лесхозами.

В соответствии с поручением Совета Министров СССР вопрос о снижении объемов заготовки древесины предприятиями лесного хозяйства в районах Севера, Урала, Сибири будет рассмотрен в Госплане СССР при разработке пятилетнего плана на 1976—1980 годы.

В. ТАТАРИНОВ, начальник отдела лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности Госплана СССР

В статье В. Травинского правильно отмечаются недостатки в проведении санитарных рубок предприятиями лесного хозяйства Архангельской области. Об этом рассказал В. Травинский в корреспонденции «Топор не за углом» («ЛГ», № 27, 1973).

Коллегией Министерства лесного хозяйства РСФСР 12 июля 1973 года рассмотрена статья специального корреспондента «Литературной газеты» В. Травинского и считает, что в ней правильно освещаются недостатки при проведении санитарных рубок предприятиями лесного хозяйства Архангельской области, где об этом рассказал В. Травинский в корреспонденции «Топор не за углом» («ЛГ», № 27, 1973).

Обращено особое внимание на повышение ответственности руководителей и главных лесничих предприятий и управлений за качество работ по уходу за лесом, на строгое соблюдение требований действующего наставления по рубкам ухода. Предусматривается широкое внедрение «поквартального способа» — метода, позволяющего на определенном участке леса (квартале) провести полный и последовательный цикл санитарных работ, что усиливает техническое руководство и контроль за ними, значительно сокращает затраты труда и средств.

Рост туризма, увеличение загородных поездок трудящихся диктуют необходимость создания красивого, полноценного пригородного ландшафта. Поэтому министерством намечено удалить больше внимания рубкам ухода в лесных массивах, зеленых зонах вокруг городов, рабочих поселков, курортов, а также в защитных насаждениях и на участках лесных посадок.

Министерство поручило соответствующим подразделениям выработать четкий порядок определения и утверждения ежегодного размера санитарных рубок в лесах РСФСР. Приняты меры по обеспечению предприятий лесного хозяйства необходимыми средствами для ухода за лесом, а также по улучшению планирования работ.

В то же время имеется ряд объективных, не зависящих от Министерства лесного хозяйства причин, отрицательно влияющих на рубки ухода. Главные из них: отсутствие заказов на мелкотоварную, мягколиственную древесину, крайне слабое материально-техническое обеспечение лесхозов, недостаточное выделение капитальных вложений, отсутствие для работников лесхозов тех льгот, которые действуют в лесной промышленности, и, наконец, практика планирования лесозаготовок в многолесной зоне. Решение этих вопросов выходит за пределы компетенции министерства, в связи с чем подготовлено ходатайство об их рассмотрении в вышестоящих организациях.

О. РОЖКОВ, заместитель министра лесного хозяйства РСФСР

ЧТО В ОСТАТКЕ...

Александр ЛЕВИКОВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

Фото С. СУББОТИНА

Мы научились создавать первоклассные современные предприятия большой индустрии: электростанции, автомобильные, металлургические, химические гиганты. Но выдерживается ли тот же научно-технический уровень, соблюдается ли такая же высокая культура проектирования и строительства при сооружении новых крупнейших предприятий промышленности потребительских товаров! Оказывается ли им такое же внимание!

Этим вопросам посвящена публикуемая сегодня статья.

1.

Вот достроят знаменитый КамАЗ, и, вполне возможно, редактор подпишет мне командировку в Набережные Челны: порасспросить руководителей автогиганта о том, как их детищу живется-работается в первый год после пуска. Поверите ли вы мне, если я попробую представить себе такой разговор:

— Оно бы ничего, — скажет, допустим, генеральный директор, — но только КамАЗ так долго строили, что за это время вся техника морально устарела. Теперь и на ЗИЛе, и на Горьковском автозаводе, и на БелАЗе прессы и автоматические линии более современные. Там успели обновиться, а у нас — старье.

— Плохо еще, что КамАЗ создавали без головы, — добавит главный инженер. — По проекту мы должны были быть велозаводом. Потом буквально на ходу, уже стройка шла, переделали на завод инвалидных колясок. А в самый разгар работ проектировщики сообразили, что в стране грузовиков не хватает. Пришлось все менять — и оборудование, и технологию, и здания перекраивать. Потому и строили одиннадцать лет.

— Если вы хотите понять, что такое КамАЗ, то запишите так: старое предприятие на новом месте и в новых стенах, — подведет черту генеральный директор. — В качественном отношении другие советские автозаводы дадут нам сто очков вперед. Мы у них учимся, а им у нас учиться нечему. А с лучшими зарубежными фирмами и вовсе сравнивать не приходится...

Автору самое время воскликнуть: «И тут я проснулся!». Пора, пора уже, а не то побьют камнями, не дочитав статью до конца. Слышу возмущенные голоса:

— Что это вы тут наплели о КамАЗе? Откуда такая чепуха?.. Галиматья... Бред...

А наиболее принципиальные товарищи, возможно, уже берутся за перья: «Автором допущена явная клевета...» И приводят в опровержение моей клеветы выдержки из недавней статьи в «Правде» С. Богатко и Р. Сабирова «Берег стальных челнов»:

«Вещи познаются путем сравнения, а КамАЗ сравнить не с чем... Только так и надо строить — быстро и решительно...» «Наш принцип, — говорит генеральный директор комплекса Л. Б. Васильев, — брать для оснащения предприятий самое лучшее. Среди этого лучшего много превосходных станков и оборудования советского производства... В то же время почему бы не воспользоваться машинами и инженерными решениями, которые удачнее получились, скажем, у специалистов США, Франции или Японии? В условиях научно-технической революции запереться в «натуральном хозяйстве» — значит отстать, а мы планируем завод завтрашнего дня».

Перед лицом таких доказательств, а также многих других, хорошо известных, автор публично признает себя виновным. Каюсь, все что я выше написал о разговоре с руководителями гиганта автомобилестроения, — сущий вымысел. Не потому вымысел, что не было такого разговора, а потому, что его не может быть. Ни через год, ни через пять. Никогда. Техническая отсталость новейшего автомобильного гиганта? Это даже представить себе невозможно. Чудовищное, немыслимое допущение... Но я спрошу: вызвало бы у вас столь же активный внутренний протест, такое же возмущение, такое же страстное и мгновенное желание опровергать, если бы... Если бы я написал о технической отсталости новейшего гиганта текстильного? Ответьте, положа руку на сердце: показалось бы вам, что такого не может быть? Или жизненный опыт продиктовал бы вам иное отношение к сообщенному мною факту? Не посчитали бы вы его, признайтесь, достаточно ординарным? И не свидетельствовало бы такое ваше отношение о некоей досадной привычке считать тягач важнее ботинка, мотор важнее сукна?

Если вы хоть отчасти согласны со мной, то я прошу вас судить меня, как говорится, по другой статье. По моей статье «А» и «Б», напечатанной «Литературной газетой» 15 ноября 1972 года. С вашего разрешения, позволю напомнить из нее одну-единственную фразу: «...Может случиться, что мы построим Камский автозавод-красавец, но в магазинах будем покупать ткани с «шишковатостью» и платья «с отделочными кружевами изнанкой на лицевую сторону».

Это может случиться, если вопреки известным решениям XXIV съезда партии, вопреки курсу на быстрое развитие товаров народного потребления мы по-прежнему в глубине души будем считать легкую промышленность делом второй руки. И нужды ее — делом второй руки. И стройки ее — тоже. А разве мы так считаем? Кто так считает? Отвечу: сплошь и рядом так считают строители, местные организации, плановые органы, разного ряда ведомства, да что греха таить — просто люди, мы с вами так считаем. Считаем по традиции, по плохой привычке видеть и чувствовать индустриальную мощь страны только лишь по домнам и прокатным станам, электростанциям и автогигантам. Мне уже приходилось об этом писать. Но писать нужно еще и еще, ибо от некоторых привычек избавиться не так-то просто. Сложившееся положение с производством товаров народного потребления, говорится в недавнем постановлении ЦК КПСС, «свидетельствует также о том, что партийные и советские органы некоторых союзных республик, краев и областей не сделали должных выводов из решений XXIV съезда КПСС о коренном улучшении качества и ассортимента потребительских товаров и продолжают относиться к этим вопросам как к второстепенным...»

Вот тут-то я и признаюсь, что ни одного словечка не придумал в своей вступительной «клевете». Не клевета это, граждане общественные судьи, а самая чистейшая правда. Могу подтвердить документально. Только отнесите сказанное не к автомобильному гиганту, а к гиганту текстильному, не к новостройке группы «А», а к новостройке группы «Б», не к Набережным Челнам, а к окрестностям Читы.

2.

Крупнейший камвольно-суконный комбинат построен в пятнадцати километрах от Читы. Побольше знаменитых Ивановского и Мошинского. Огромный — под стать сибирским и забайкальским просторам. Недавно я вернулся оттуда. Крыша — шестнадцать гектаров. Аэродром! Я не забирался наверх, но главный инженер Илья Ильич Червяков говорит: «Когда в центре стоишь, края не видно, хоть в футбол гоняй». Не в тридцатые, не в пятидесятые годы построен — новенький, последняя очередь сдана в канун семьдесят третьего. Такой же богатырь в своей отрасли, как КамАЗ в своей. И такой же флагман, пример для других? Нет уж, извините...

Это о нем, Читинском камвольно-суконном комбинате (КСК), можно сказать с полной уверенностью: старое предприятие на новом месте и в новых стенах. Это он учится у текстильщиков ивановских и московских, а им у него учиться нечему. Это он был задуман и осуществлен по принципу «запереться в натуральном хозяйстве» и по своей технической вооруженности отстал уже от действующих производств, не говоря о зарубежных.

— Пока строили одиннадцать лет, оборудование морально устарело, — говорит главный инженер И. И. Червяков. — Уже в стране появились прядильно-крутильные машины, во всех отношениях более совершенные и производительные, чем то оборудование, что стоит в нашем прядильном цехе. Уже выпускаются и мотальные автоматы, почти полностью исключающие ручной труд, а наши мотальщицы пользуются устаревшей техникой. Уже сняты с производства ленточные машины, которыми оснащен наш КСК. И в ткацком цехе среди хороших станков есть у нас и безнадежно устаревшие, которые Ивановский комбинат, например, в прошлом году вообще выбросил. А есть и прямо казусы...

Пожалуй, главный инженер употребил самое деликатное из возможных выражений. Признаюсь, я воспользовался более крепким словом, когда в красильном цехе по рассеянности чуть не провалился в преисподнюю: под ногами вдруг оказалась большая дыра. Рядом заметил такие же ямы, перекрытые досками. Кто нарешетил огромными воронками весь пол в цехе?

— Тут стояли красильные аппараты, — говорят мне, — мы их выбросили, ждем других.

— Устарели?

— Да нет, новенькими выбросили. Они оказались неработоспособными.

Все годы, сколько существует красильный цех, читинцы мучились с этими чудо-изделиями чебоксарского завода «Химтекстильмаш», а потом терпение лопнуло. Разобрали семнадцать аппаратов и в присутствии свидетелей, депутатов местного Совета, аккуратненько, сличая с комплектной ведомостью (чтобы авторы потом не обижались), сложили в ящики, забили покрепче гвоздями — и в вагоны! Забирайте ваши цацки, гоните назад восемьсот тысяч рублей. В полу осталось семнадцать дыр. А красильный цех уже несколько лет по документам считается действующим.

Впрочем, не удивляйтесь. На «КамАЗе текстильном» не то еще возможно. Читинский комбинат проектировали как предприятие костюмных тканей из штапельного волокна. Соответственно оборудование заказывали, соответственно здание строили. В разгар стройки «переиграли»: быть ему камвольно-суконным! Стали думать и гадать, куда теперь девать суконное производство, ранее не предусмотренное? Как перекроить все прочие помещения и коммуникации?

К тому же строил КСК — что там говорить — не «Камгэсэнергострой»; в Чите комбинат сооружало управление маломощное и плохо организованное, не имевшее (и не имеющее до сих пор) своей строительной базы, возившее плиты за тридевять земель — из Иркутска в Читу.

Мы подсчитали с Николаем Гавриловичем Марковым (молодым энергичным директором «текстильного КамАЗа», успевшим уже в свои годы и два вуза окончить — по специальности и экономический, — и пройти все профессиональные ступени от поммастера до руководителя крупнейшего предприятия), что КСК, если бы он строился не одиннадцать лет, а четырепять, да еще как положено по науке, уже дал бы стране 120 миллионов погонных метров тканей. Вполне реально: его проектная мощность — двадцать миллионов метров в год. А в действительности КСК за все время своего существования сделал лишь десять миллионов. Десять вместо ста двадцати! Свыше ста миллионов метров — как корова языком слизала. А ну-ка, любители «опоясывать земной шар», прикиньте, сколько раз можно было «опоясать»? Желающие могут вычислить и количество «украденных» костюмов, которые, между прочим, нужны и строителям КамАЗа, и тем, кто будет там работать, и тем, кто поведет грузовики по дорогам, и монтерам, и писателям, и математикам, и продавцам газет — костюмы всем нужны! Более ста миллионов метров тканей «украдены» у каждого из нас, у всего нашего общества, у всего народа. Вот почему можно утверждать: проигрыш по всем пунктам текстильного гиганта гиганту автомобильному — это крупный счет не в нашу пользу. В нашу пользу в данном случае была бы ничья. Такая ничья, при которой новые большие предприятия обоих подразделений экономики — и группы «А», и группы «Б» — планировались и строились бы, говоря словами генерального директора КамАЗа Л. Б. Васильева, «как заводы завтрашнего дня».

Да, КамАЗ так и строят. Он двинет отрасль вперед. Это будет резкий рывок к уровню мирового автомобилестроения, и, что самое отрадное, рывок в обгон, а не вдогонку. В обгон, а не вдогонку! Выражение принадлежит не мне. Однажды его вынес в заголовок статьи мой коллега, московский журналист Анатолий Шахов, и эта мысль представляется мне очень точной для обозначения нынешней экономической ситуации. В обгон, а не вдогонку — по такому принципу мы строим и новейшие химические предприятия. Соглашение с американской фирмой Хаммера о строительстве в СССР крупного комплекса по производству удобрений, помимо всего прочего, преследует еще и цель технического и технологического роста всей отрасли. В обгон, а не вдогонку... А кого обогнал самоновейший Читинский комбинат? Вышел ли из него «завод завтрашнего дня»?

3.

Ну скажите, разве это завтрашний день, когда в цехах холод и прядильщицы работают в пальто и телогрейках? Когда на производстве нет воды и канализации, «все удобства», извините, во дворе через дорогу? Когда рабочие живут в производственных бытовках, помещениях конторы и даже в директорском кабинете?

К сожалению, именно так выглядела первая очередь Читинского камвольно-суконного. Завтрашним днем даже не пахло. Это вчерашний, если не позавчерашний день нашей индустриализации. Сделаем поправку — сейчас уже все четыре очереди КСК вступили в строй. Тепло, электричество и канализация теперь есть. Но семнадцать воронок в полу вместо красильных аппаратов — это сегодня. Но лишь в мае нынешнего года переселили рабочих из последней производственной бытовки, наспех приспособленной под общежитие. Но в середине августа я услышал в кабинете директора Николая Гавриловича Маркова такие разговоры:

— Селите людей в школьных классах.

— Так там же через две недели занятия начинаются!

— Начнется учеба — переселим на месяц в техникум. У них пока недобор.

— А наберет техникум?

— Куда-нибудь еще приткнем. Задача такая: но что бы то ни стало продержаться до ввода общежитий. А не то мы и оставшихся людей порастеряем...

Шедевр планирования и комплексного строительства: несколько домов для комбината соорудили задолго до появления самого КСК. Не пустовать же квартирам целых пять лет, когда в городе нужда в жилье? Естественно, дома распределили. К моменту пуска первой очереди у предприятия не оказалось ни одного общежития. Не было и техдокументации на строительство домов. Денег тоже не было. А потом одно за другим вводили в строй новые производства и в десять раз меньше самой минимальной потребности получали жилья. Потому и пришлось директору потесниться, уступив свой кабинет под общежитие.

Шедевр научного проектирования: Ивановский ГПИ-6 на 1334 человека ошибся в численности работающих. Разумеется, в меньшую сторону. Массовые нормы обслуживания машин, похоже, исчисляли по выдающимся рекордам в прядении и ткачестве. Предполагалось, видимо, что забайкальские девчонки, выпускницы школ и техучилищ, дочки и внучки женщин, в глаза не видевших текстильного производства, понятия о нем не имевших, придут к станкам и машинам и сразу выдадут производительность, которую у нас показывают лишь герои труда. Проектный институт признал свою ошибку. Признание официально подтверждено компетентными инстанциями. Все интеллигентно, вежливо: «Извините, просчитались». Извинят? Но комбинат уже построен, и на «пропущенных по ошибке» 1334 человека не предусмотрено ни одного квадратного миллиметра общежитий, ни одной дырочки в лейке душа, ни одного стула в столовой.

Дело хуже — комбинат обоснованно утверждает, что проектировщики ошиблись не на тысячу, а по меньшей мере на две тысячи человек. Инспектирующие комиссии приходят к выводу, что расчеты комбината правильные. Для выполнения производственной программы 1973 года КСК нужно 7700 человек. А официально установленный ему лимит численности — 5595 человек. Не хватает более 2000 работников.

— Да, если сравнивать нашу потребность и плановую численность, — говорит директор. — А в действительности нам не хватает гораздо больше. Около 3000 человек недостает.

Люди — жилье — план... Все это завязано в узел. Работников не хватает, поскольку некуда их селить. (Есть и другие причины, я о них еще скажу, но главное — острейший дефицит общежитий и квартир.) Станки и машины стоят, поскольку нет людей. Вот и в нынешнем году комбинат в лучшем случае справится лишь с половиной производственной программы.

Возьметесь ли вы утверждать, что и для КамАЗа это окажется возможным — работа вполсилы, половина плана? Программа КамАЗа — полтораста тысяч грузовиков в год. Так можно ли себе представить, чтобы в деньги-то нашлись! Выделены большие средства на строительство в поселке камвольно-суконного комбината общежитий, больницы, школы. Дома культуры. Нашлись деньги и на пятнадцатикилометровую троллейбусную линию от Читы до КСК. Нашлись через пять лет после ввода первой очереди комбината и почти через год после пуска последней. Пришли к выводу, что без приведения в полное соответствие друг с другом производственного и социально-бытовых комплексов все равно не обойтись. Никуда не денешься. Конус не поставишь на вершину. Во всех случаях «квартирные», «магазинные», «детсадовские», «больничные», «школьные» деньги придется доставать из кошелька. Сделаешь это вовремя и с умом — получишь, как могло быть в Чите, миллионы погонных метров тканей и много тысяч тонн пряжи. Сделаешь это поздно, сообразишь, как французы говорят, «на лестнице», потеряешь — что и вышло в Чите — миллионы метров тканей и много тысяч тонн пряжи, которую, между прочим, из-за дефицита ее в стране мы прикупаем на валюту. «Выбирай на вкус»...

У директора КСК Николая Гавриловича Маркова сейчас просто голова кругом — куда селить прибывающих, как «выбить» в банке зарплату, которую каждый квартал из-за невыполнения плана надо выпрашивать в Москве, где найти тысячи новых работниц и т. д. и т. п. Лишь через несколько лет, может быть, к концу семьдесят пятого года, считает Марков, комбинат сможет выйти «из-под этой коряги». Я и сам видел: предпринимаются едва ли не героические усилия, чтобы удержать кадры и приобрести новые. Это дьявольски трудно: в прошлом году уволился каждый третий. За пять лет на КСК пришло одиннадцать тысяч человек — осталось работать меньше половины.

И все-таки руководители комбината делают все возможное и невозможное для формирования коллектива и в первую очередь — стабильного инженерно-технического, командного персонала. При фантастических, прямо-таки отчаянных трудностях с жильем они каким-то чудом умудряются расселить приезжающих специалистов. Денно и нощно форсируют в Чите строительство общежитий для рабочих. Марков говорит: «Стоквартирный дом дает сто работников, а общежитие — сразу пятьсот. За три последних года мы ввели более 2000 мест в общежитиях, планируем построить еще на 2000 человек. Общежитие — вот наш единственный шанс. Мы и жилые дома приспосабливаем под общежития: в однокомнатной квартире — три человека, в двухкомнатной — шесть, в трехкомнатной — десять. Так даже лучше, больше бытовых удобств: все-таки есть кухня, ванна...»

Да, такое сложилось положение. Сотни станков и машин работают в одну смену или вообще стоят. Где взять для производства несколько тысяч прядильщиц, ткачей, отделочниц? Директор говорит: «Мы ожидаем примерно 800 десятиклассников. Ну, еще в Чите и области можно с трудом набрать человек триста. Это тоже будет непросто: ведь и на других городских предприятиях дефицит кадров. Но так или иначе — тысячу наскребем в Чите. Остальных надо нам искать в центральных и южных областях России, в других республиках. И, значит, единственный наш выход — общежития».

Все правильно. Сегодня нет другого шанса вытащить текстильный гигант из трясины, куда он попал по милости непродуманного планирования, проектирования и строительства еще до своего рождения. Если человек вплавь пытался перебраться через реку и начал тонуть, то его надо срочно спасать, а не устраивать дискуссии о необходимости сооружения моста. Но когда неудачника вытащим, подумаем и о мосте.

4.

Тактически общежития — это выход. А стратегически? Если заглянуть на десять, пятнадцать и поболее лет вперед?

В Забайкалье нет текстильных династий, нет текстильных традиций. Нет их и в Сибири, где сейчас создается еще ряд таких же крупных комбинатов, как читинский. Это вам не Подмосковье, не Ивановская область, в которых ткацкий станок с древних времен стоял в каждом деревенском доме, в которых, что ни город — то несколько текстильных фабрик, нет семьи, так или иначе не связанной с этой профессией.

В Забайкалье и Сибири эту профессиональную среду надо создавать на чистом месте. И уже первые попытки показывают, насколько тяжело создавать. Домашнее воспитание и традиции порождают в этих местах скорее недоверие к прядению и ткачеству, чем интерес и симпатии. В Чите не без труда преодолели слухи, что камвольно-суконный комбинат — «химически вредное предприятие». Здесь на вес золота каждая девчонка, которая уже привыкла к прядильной машине, освоилась, работает два-три года. Таким нет цены, ибо с ними связаны все надежды на будущие текстильные династии, текстильные традиции Забайкалья. И как же больно, обидно, что именно эти, проработавшие несколько лет прядильщицы покидают комбинат! «Из числа квалифицированных работниц мы потеряли каждую вторую, — говорит прямо-таки с тоской Николай Гаврилович Марков, — родили детей и ушли...»

Вот они, вопросы стратегии! Три года можно жить в общежитии, но потом появится семья, дети. Уже сейчас 800 новых семей на КСК с нетерпением ждут квартир. Их пока кое-как устроили в общежитиях. «Но больше не выдержат, — говорит заместитель директора по быту Е. И. Белокопытов. — Надо их оттуда переселять, иначе они уйдут». Нужны квартиры. Здесь, как нигде, каждой новой семье текстильщиков нужны квартиры. В отличие от прочих географических мест здесь — я подчеркиваю: здесь, в Забайкалье, в Сибири, — нужна поощрительная, протекционистская квартирная политика, преследующая специальную цель: создание профессиональной среды потомственных текстильщиков. Иначе вот что получится (именно так и получается сейчас): год за годом мы будем привозить девушек со всей страны и селить их в общежития. Освоив профессии, выйдя замуж, они уедут. Мы наберем новых. И так будет без конца. Удел такого предприятия — вечная неопытность кадров, вечное ученичество, низкая производительность труда, плохое качество продукции, брак, убытки, убытки и убытки. Таким способом не поднимешь легкую промышленность в новых для нее географических границах Сибири и Забайкалья, даже если строить крыши не в шестнадцать гектаров, как в Чите, а в тридцать два или шестьдесят четыре.

Тот же вопрос — о стратегии — возникает и в отношении зарплаты. Если в Чите нет своих рабочих-текстильщиков, то тем более нет текстильщиков-специалистов. Их уговаривают перебраться в Забайкалье из центральных областей и юга России, с Украины. Соблазняют невиданными грибными урожаями тайги (подтверждаю: сам, не будучи грибником, в воскресенье собрал за час два ведра рыжиков и маслят), будят в них естественную тягу к «перемене мест», рисуют перспективы сказочно быстрой карьеры. Попадаются и любители грибов, но в основном едут на более высокие должности. Поммастер — начальником цеха. Начальник цеха — руководить производством. Заместитель начальника производства — главным инженером. Начальник производства — директором. Сотни и сотни сержантов, лейтенантов без всякой подготовки принялись командовать ротами и батальонами, старшие лейтенанты и капитаны «сели» на полки. И теперь это войско, в котором к тому же недостает несколько тысяч штыков и сабель, пытается организовать круговую оборону. О наступлении речи пока нет. Молодой задор — прекрасно, но мы знаем, что только сочетание задора и опыта дает надежный руководящий сплав. Неопытность оборачивается элементарными управленческими ошибками, растерянностью, инерцией кругозора (начальники цехов мыслят, как поммастера), а в конечном счете — новыми и новыми человеческими и материальными потерями.

Почему? Почему нельзя пригласить начальника смены начальником смены и начальника цеха начальником цеха? Потому, что зарплата та же. Одинаковая на одной и той же должности в Орехово-Зуеве и в Чите. В Чите даже хуже — здесь нет премиальных, нет прогрессивки, весь состав НТР не получает ее уже несколько лет. А разве можно сравнивать между собой работу на устоявшемся, налаженном производстве и лихорадку освоения новостройки? Почему мы считаем, что это одинаковой сложности труд? Почему равно оплачиваем его? Убежден — неправильно это, близоруко.

Напряжение и столь нужное для страны, для народа дело освоения, я бы сказал — подвиг освоения, должно стимулироваться обществом и государством. Освоительская надбавка к зарплате, специальная освоительская надбавка, пусть временная, но заметная, рассчитанная минимум на пятилетку, пока новостройка не станет твердо на ноги. — это ни в коем случае не роскошь, не мотовство, не разврат — это крайняя стратегическая необходимость.

Я понимаю, конечно, что проблемы освоения шире, чем вопрос о развитии легкой индустрии. Но давайте решим их постепенно, сначала хотя бы применительно к промышленности потребительских товаров, новостройки которой нуждаются в особом стимулировании и внимании общества.

Клин выщибают клином. Слишком долго мы считали второстепенным то, что для нас наиважнейшее.

Прекрасно, что мы научились строить во всех отношениях совершенные «камазы» тяжелой индустрии. Но и «камазы текстильные» следует создавать по тому же здравому принципу — как **«заводы завтрашнего дня»**. А это требует такого же сосредоточения всех сил и ресурсов, всей мощи науки и техники, всего управленческого внимания, всей доступной нам на сегодня культуры проектирования и строительства, всего идеологического и информационного обеспечения, которые наша страна блестяще демонстрирует в Набережных Челнах.

ЧЕЛОВЕК ЗАДУМАЛСЯ...

ПРИРОДА И МЫ

ДОЛГОТЕРПЕНИЕ:

П. ВОЛИН,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

НАМ ЗДОРОВО повезло. Пока мчались в машине из Баку, мимо рощ нефтяных вышек — неизменная деталь апшеронского пейзажа! — только и было разговору: увидим или не увидим? Уж больно пугливы...

Но лишь закрылись за нами ворота заповедника Шахова коса, не проехали мы и двухсот метров, как кто-то из нас тихо воскликнул: «Джейран!»

...Он стоял на пригорке недвижим, как изваяние. Гордо посаженная голова с остро выброшенными небольшими рогами, прямые тонкие ноги, плавный изгиб шеи и спины... Изящество и благородство, вылепленные самой природой!

Осторожно, стараясь не шуметь, мы вышли из машины. И долго молчали, не в силах оторвать взгляд от этого чуда... Неожиданно джейран повернул к нам голову и какое-то время глядел на нас темными, полными затаенной нежности и грусти глазами.

Потом мы увидели еще одного джейрана, без рогов, самку. Она неслась вдоль дороги, впереди нас, перемахнула, словно на лету, почти не касаясь асфальта, через шоссе и исчезла за холмами. Потом заметили вдали еще одного... А перед взором все стоял тот, первый, увиденный вблизи. Огромные, в вечном испуге глаза, пружинистое — сплетение нервов и мускулов — тело... И вдруг я вспомнил, как описали на страницах «Литературной газеты» корреспонденты Э. Агаев и Р. Бахтамов отлов этих животных в заповеднике на острове Булла. Мотоциклы, сети, собаки, крики загонщиков... И живо представил себе, что должны были испытать джейраны, когда на них обрушился шквал криков, лая, грохота. Вот, испуганные до безумия, они стрелой летят по степи, им легко уйти от преследователей, но впереди — водная гладь, море... Их хватают, тащат куда-то и, обессиленных, дрожащих, кидают в кузов... Лишь немногие животные могли перенести шок. Одни гибли прямо при отлове, другие — в пути, третьи — по прибытии на Шахову косу.

За убийство одного джейрана грозит строгая кара — 500 рублей штрафа и тюремное заключение до трех лет. Здесь же за умерщвление десятков животных не был наказан никто. А ведь джейран взят под защиту государства, его охраняют в специально отведенных местах обитания, он занесен в международную Красную книгу.

Два слова об этой книге. Она недаром названа Красной: красный цвет издавна — знак тревоги. Ученые уже давно обращали внимание правительств и мировой общественности на опасность исчезновения отдельных представителей растительного и животного мира. Во-первых, это ведет к нарушению всего природного комплекса, последствии чего — иногда трагические, необратимые — даже трудно предугадать. А во-вторых, люди часто не ведают, не предполагают, какую роль в их жизни сыграет в будущем тот или иной живой организм. Думал ли, например, кто-нибудь, что самая обычная, «противная» плесень послужит созданию антибиотиков, спасших миллионы жизней?

В свое время из-за охотничьей страсти почти выбили бизонов. А если бы выбили до конца? В Канаде не удалось бы вывести новую породу коровы, отлично приживающуюся благодаря тому, что в ее жилах течет бизонья кровь, аж за Полярным кругом! Одним словом, беречь все многообразие живых организмов, охранять генетический фонд планеты — задача для человечества наиважнейшая. Вот почему Международный союз охраны природы и природных ресурсов составил список животных, находящихся под угрозой полного уничтожения или вымирания, с тем чтобы государства, национальные и международные организации сделали все от них зависящее для сохранения таких животных. В Красную книгу был включен и джейран — его остается все меньше, а кто знает, чего мы лишимся в будущем, если не останется совсем?

Ресурсы живой природы в нашей стране всегда считались национальным богатством, и Советское государство с самого начала своего существования — еще задолго до появления Красной книги! — прилагало немало усилий, даже в трудные времена шло на значительные затраты, чтобы не только сохранить исчезающих животных, но и заметно увеличить их поголовье, превратить из редких в широко обитающих. Наши успехи в этом деле огромны, примеров тому сколько угодно. Вспомним сайгака, лося, соболя...

Однако судьба джейрана, обитающего в небольшом количестве в Азербайджане, как видно, мало волнует руководителей республиканского Комитета по охране природы. Как, впрочем, и судьба других ценнейших животных — таких, как пятнистый олень, зубр, фазан, турач... Они гибли в результате служебных нарушений, проступков ряда работников комитета. Об этом наша газета писала трижды: 18 октября и 29 ноября прошлого года, 31 января сего года. В статьях приводилось множество конкретных примеров, фактов, цифр. Были поименно названы и виновные, в том числе председатель комитета Б. Адыгезалов.

Больше полугода прошло со времени последнего выступления «ЛГ», в котором выражалась надежда услышать в связи с этим авторитетное и веское слово правительства Азербайджанской ССР. Сообщений от него в редакцию еще не поступало. Но к полной для нас неожиданности пришли две телеграммы.

«МОСКВА ЛИТГАЗЕТА ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ВАШЕЙ ГАЗЕТЫ КОМИТЕТ НАРОДНОГО КОНТРОЛЯ РЕСПУБЛИКИ ПРОИЗВЕЛ ПРОВЕРКУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСКОМИТЕТА ОХРАНЫ ПРИРОДЫ ТЧК ВСКРЫТО МНОЖЕСТВО БЕЗОБРАЗИЙ И ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЧК ПРОШЛО ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ ПОСЛЕ ПРОВЕРКИ ЗПТ РЕЗУЛЬТАТОВ НЕТ ТЧК ДЕЛАЮТСЯ ПОПЫТКИ ВВЕСТИ ДИРЕКТИВНЫЕ ОРГАНЫ ЗАБЛУЖДЕНИЕ ТЧК ПРЕСТУПЛЕНИЯ АДЫГЕЗАЛОВА И ЕГО ГРУППЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ ТЧК ДЕЛО ДОШЛО ДО ТОГО ЧТО РАЙОННЫЕ КОМИТЕТЫ ПАРТИИ САМОСТОЯТЕЛЬНО ЗПТ ВОПРЕКИ ЖЕЛАНИЮ АДЫГЕЗАЛОВА ИЗГОНЯЮТ ПРОВОРОВАВШИХСЯ НАЧАЛЬНИКОВ МЕЖРАЙОННЫХ ИНСПЕКЦИЙ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ ТЧК ТОЛЬКО ДНЯМИ РАЙКОМАМИ ПАРТИИ СНЯТЫ С РАБОТЫ ДВА НАЧАЛЬНИКА МЕЖРАЙОННЫХ ИНСПЕКЦИЙ ЗПТ ТРЕТИЙ ПОЛУЧИЛ СТРОГИЙ ВЫГОВОР ТЧК ТЧК ТЕКУЩЕМ МЕСЯЦЕ ПОГИБЛО ЕЩЕ ПЯТНАДЦАТЬ ДЖЕЙРАНОВ ТЧК СЕЙЧАС АДЫГЕЗАЛОВ ПОДВОДИТ ПОД СОКРАЩЕНИЕ ТЕХ КТО ВЫСТУПАЛ С КРИТИКОЙ ЕГО АДРЕС ЗПТ НЕУГОДНЫХ ЕМУ ЛЮДЕЙ ТЧК БЕЗОБРАЗИЯ И БЕЗЗАКОНИЯ ГОСКОМИТЕТА ОХРАНЫ ПРИРОДЫ НАСТОЛЬКО СЕРЬЕЗНЫ ЧТО ЧЛЕНЫ КОЛЛЕГИИ ЗПТ МНОГИЕ КОММУНИСТЫ НЕОДНОКРАТНО ОБРАЩАЛИСЬ ДИРЕКТИВНЫЕ ОРГАНЫ ТЧК ПРОШУ КОМАНДИРОВАТЬ ВАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА ТЧК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСПЕКТОР ГОСКОМИТЕТА ОХРАНЫ ПРИРОДЫ КОММУНИСТ МАРТИРОСЯН».

***

«МОСКВА ЛИТГАЗЕТА ПРОВЕРКА ОСНОВНОМ ЗАВЕРШЕНА ТЧК ВСКРЫТО МНОГО НОВЫХ РАНЕЕ НЕИЗВЕСТНЫХ ФАКТОВ БОЛЬШАЯ ЧАСТЬ КОТОРЫХ УГОЛОВНОГО ПОРЯДКА ТЧК УБЕДИТЕЛЬНО ПРОШУ РЕДАКЦИЮ СРОЧНО ПРИСЛАТЬ КОРРЕСПОНДЕНТА ТЧК СЕКРЕТАРЬ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСКОМИТЕТА ПО ОХРАНЕ ПРИРОДЫ АЗЕРБАЙДЖАНА МЕДЖИДОВ».

ЧЕМ ОБЪЯСНИТЬ планомерные, задуманные действия ответственных должностных лиц, приведшие к гибели десятков животных? Тех лиц, на которых государство возложило охрану этих животных? Некомпетентностью? Профессиональной безграмотностью? Конечно, охрана природы требует высокой квалификации, серьезной подготовленности, тонкого знания дела. Но ведь есть вещи элементарнейшие, известные даже ребенку. Нелепо было бы предположить, будто в Комитете по охране природы просто-напросто ни сном, ни духом не ведали, что любым животным, в том числе живущим в заповедниках и госзаказниках, необходима пища и потому необходимо позаботиться об обеспечении их кормом; что за прихотливыми животными требуется особый уход, и, скажем, пугливых, нежных джейранов нельзя отлавливать методом дикой травли; что улучшать ту или иную породу — а это одна из задач комитета — можно лишь на основе лучших и уж по крайней мере здоровых особей, а потому, допустим, больных фазанов, выращенных в вольерах, никак нельзя выпускать на волю, дабы они не заразили тысячи своих сородичей...

Все это, разумеется, как дважды два было известно в комитете, и тем не менее иные его работники делали как раз наоборот: заведомо шли на всяческие нарушения, обрекая животных на гибель. И объяснить это можно лишь одним: уверенностью в полной своей безнаказанности за совершенные действия. Той самой безнаказанности, о которой мы последнее время так много говорим и пишем... Надо сказать, основания для такой уверенности — и это, пожалуй, самое горькое, самое страшное — у них были.

...В практической жизни часто случается так. Предстоит, допустим, проверка работы того или иного учреждения или стало в этом учреждении известно,

НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

«Литературная газета» уже трижды писала о серьезных нарушениях законов охраны животного мира в Азербайджане. Тревожные вести из республики заставляют еще раз вернуться к этой теме.

Половое просвещение или половое воспитание? — такова тема полемических заметок известного психолога А. Петровского.

ПЕДАГОГИКА

ПОД СТРЕЛАМИ

А. ПЕТРОВСКИЙ,
академик АПН СССР

ЭТО БЫЛ обыкновенный учебный фильм, созданный с соблюдением всех дидактических требований. Шведская учебная лента, вероятно, очень полезная педагогу, готовящемуся к изложению темы. Я видел ее за рубежом. В кадре класс, подростки 14—15 лет. Мальчики и девочки, спокойные, серьезные, без смущения и хихиканья, и учительница, объясняющая им, как пользоваться противозачаточными средствами. Педагог излагал материал очень уверенно, четко прибегая к схемам, рисункам, муляжам, побуждая учеников и учениц к вопросам и исчерпывающе точно на них отвечая. Что это? Новый прогрессивный подход к половому воспитанию, учитывающий акселерацию современных подростков и срывающий ненужные покровы тайны с естественных отношений между полами? В тех странах, где «сексуальная революция» написала на своих знаменах лозунг терпимости к половой распущенности, подобная педагогическая стратегия вполне понятна. Но, может быть, она и не должна быть другой и широкое половое просвещение уже в подростковом возрасте снимет остроту проблем, которые тревожат воспитателей не только за рубежом, но и у нас?

Вначале немного истории.

Более десяти лет назад в «Учительской газете» была опубликована моя статья «Педагогическое «табу». После долгих поисков я наконец нашел среди бумаг и рядно пожелтевшие газетные листки. «Как же случилось, — писал я тогда, — что такая бесспорно важная тема стала своего рода педагогическим «табу»?» Это было одно из первых выступлений, в котором ставилась под педагогическое сомнение стыдливость, с коей некоторые воспитатели боялись признать любовь и где содержался призыв писать статьи и книги по проблемам полового воспитания.

Итак, прошли годы, любовь в школьном возрасте вроде бы давно уже не под запретом, вышло немало книг, в которых содержится разговор на эту трудную и всегда острую тему. Казалось бы, нет необходимости обращаться к ней в плане полемическом... И все-таки некоторые обстоятельства заставляют обратиться. И выразить опасение по поводу направления, которое принимает широкая популяризация проблем педагогики и психологии пола.

Но прежде всего надо уяснить себе, что представляет собою та модель личности и ее взаимоотношений с субъектами противоположного пола, которая положена в основу столь широкой просветительской деятельности. Для этого придется обратиться к трудам специалистов.

Как известно, область сексуальных проявлений в течение длительного времени считалась у нас заповедной областью фрейдизма. В двадцатых и в первой половине тридцатых годов фрейдизм был подвергнут острой и справедливой критике. Но... было прекращено и изучение полового развития в детском и юношеском возрасте, и педагоги были дезориентированы на веру принятым мифом о сексуально беспорочном ребенке. Так проблемы, связанные с детской сексуальностью, по существу, оказались между Сциллой извращенных представлений о ребенке-эротомане и Харибдой ханжеских взглядов на ребенка как некое сугубо нейтральное существо.

Что же представляет собой сегодня лоция этого опасного плавания? К сожалению, она еще не написана. Складывается между тем впечатление, что некоторые педагоги взяли на себя нелегкую задачу пока что объединить два этих подхода в один, построить модель воспитания личности, исходя из представления о том, что школьник на самом деле, конечно, гиперсексуал, которого разбирает бес, но воспитывать его надо так, как если бы он был ангелом. Как это лавирование выглядит на деле, мы сейчас и увидим.

МАДАМ БОВАРИ ИЗ 6-го «В»

Девочки — старшие подростки... Возраст Наташи Ростовой — в ту пору, когда она обменялась с Борисом Друбецким поцелуем, стоя на цветочной кадке. Милый возраст, когда «девочка уже не ребенок, а ребенок еще не девушка» — как определяет его Л. Толстой. Что вы знаете о пробуждении чувства пола в этом возрасте? Оставим в покое классиков, попробуем вам помочь, использовав длинную цитату из книжки А. И. Краковского «О подростках (содержание возрастного, полового и типологического в личности младшего и старшего подростка)». Вот что говорится о «содержании полового»:

«Девочки — старшие подростки... В массе своей лишены еще специфически женских возможностей самоутверждения, что не мешает им, впрочем, переоценивать значение для женщины внешней привлекательности; обнаруживают потребность нравиться; затрачивают немало усилий на ее удовлетворение, хотя усилия эти чаще всего и оказываются тщетными; не игнорируют более сверстников своих — мальчишек; не отвергают их ухаживаний; обнаруживают потерю чувствительности к попыткам делить людей на группы по признаку пола; самым поразительным образом сочетают в себе при этом чувство «женского патриотизма» в специфической его форме с отчетливо выраженной неприязнью к женщинам и плохо маскируемой завистью к представителям мужского пола; заняты поиском Героя; любят строго избирательно; чувство это окрашено у них в сексуальные тона и приводит к разрушению сексуального барьера по отношению к любимому; рассчитывают на взаимность; восприимчивы к половой морали; озабочены наращиванием нравственного потенциала...» и т. д. и т. п.

К сведению читателя, старшие подростки — это двенадцати — четырнадцатилетние девочки. Само собой разумеется, что среди них есть немало таких, которые рассчитывают на взаимность одноклассников, но немало таких, которые на это не надеются; у одних усилия поправиться оказываются действительно тщетными, а у других отбою нет от воздыхателей. Одни озабочены «наращиванием нравственного потенциала», а другие об этом не помышляют. Категоричность приведенных выше заключений может вызвать только улыбку у всякого, кто знает подростков, тем более что А. И. Краковский на протяжении всей книги умалчивает о тех конкретных психологических методиках, при помощи которых он «читал в сердцах» подростков. Но дело не в этих претенциозных и поверхностных наблюдениях.

Оставим в стороне совершенно справедливое, хотя и далеко не оригинальное заключение о том, что девочки-подростки больше не игнорируют сверстников-мальчишек... И тогда перед нами скорее психологический портрет женщины бальзаковского возраста с ярко выраженной сексуальной озабоченностью и озлобленностью в связи с тщетными зачастую попытками заманить в свои сети Героя, чем образ типичной шестиклассницы, даже и подверженной действию современной акселерации. Сносит, явно сносит педагогическую ладью А. И. Краковского биологизаторское течение, и крушение становится неминуемым.

Откровенная биологизация возрастных психологических особенностей школьниц в сфере их взаимоотношений с мальчиками; пошлые рассуждения о «специфически женских возможностях самоутверждения». Наконец, фрейдистские реминисценции по поводу «отчетливо выраженной неприязни к женщинам» у девочек-подростков и их «плохо маскируемой зависти к представителям мужского пола». Краковский собственных объяснений этому поразительному феномену, правда, не дает, но вносит необходимые количественные уточнения: подобными особенностями, оказывается, обладают 41 процента школьниц. По всей вероятности, представление о том, что, применительно к проблеме полового воспитания, именно физиология является основной детерминантой поведения и психологических особенностей школьников, рассматривается как своего рода «новое слово» в педагогике и возрастной психологии. Подобная позиция не менее ложна и по своим последствиям опасна, чем педагогическое ханжество.

ОДИН ЗА ЗДРАВИЕ, ДРУГОЙ ЗА УПОКОЙ

Еще более тягостное впечатление производят попытки механически совместить и ту, и другую позиции. Это, как нетрудно будет убедиться, ведет не к преодолению ошибочных взглядов, а к их удвоению. В книжке «Психология и гигиена пола» (авторы кандидат медицинских наук В. Д. Кочетков и кандидат педагогических наук В. М. Лапик) функции педагога и врача разделены совершенно четко: «Педагоги, раскрывая на повседневных примерах сущность коммунистической морали, и врачи, освещая анатомо-физиологические особенности половой функции с естественнонаучной точки зрения, закладывают фундамент, на котором родителям легче направлять поведение детей в плане наиболее интимных психологических переживаний. Неумелое вмешательство педагога в мир сексуальных переживаний учащихся может оставить нежелательные последствия». Обе упомянутые линии, не пересекаясь, выдерживаются в книжке до последней страницы.

На стр. 7 мы читаем: «Огромный вред воспитанию наносят необоснованные подозрения, сплетни, ненужные намеки в адрес добрых чувств подростков и первых проявлений их искренней дружбы и любви». Как с этим не согласиться! Но уже на стр. 9 предлагаются иные рекомендации: «Родители в свою очередь должны предостеречь подростка от некоторых крайностей первой любви (ранняя половая жизнь, беременность, венерические заболевания, перспектива бездетного брака и т. д.). О таких эксцессах следует говорить в виде намеков как о возможных ошибках (но роковых!) первого полового чувства».

Вряд ли можно придумать более бестактное вмешательство в мир интимных переживаний двенадцати-, тринадцатилетней девочки, у которой проклюнулось робкое чувство первой любви, чем намек на то, что неплохо бы попросить у избранника ее сердца медицинскую справку! Трудно придумать более медвежью услугу родителям, чем подобные советы тиражом сто тысяч экземпляров.

В книжке В. Д. Кочеткова и В. М. Лапик мальчики и девочки подросткового и даже младшего школьного возраста утверждаются в устойчивой позиции гиперсексуалов. Чего стоит утверждение, относящееся к характеристике младшего школьника, что в «состоянии полового возбуждения мальчик склонен капризничать и настаивать, чтобы его положили спать с мамой», или что, оставшись наедине, дети не стесняются «ни слишком смелых жестов, ни даже проявления захватившей их потребности физической близости», и т. д. и т. п. Подобные преувеличения сексуальных устремлений младшеклассников и подростков делают понятным тот ужас, который охватывает авторов, когда они сталкиваются с фактом знакомства подростков с книгами Мопассана и Куприна. Не без оснований сетуя по поводу родителей, которые без объяснений запретили шестикласснице Вере А. «подобные книги», В. Д. Кочетков и В. М. Лапик дают вариант нравоучительной беседы со школьницей: «И если в руках у девочки книга Мопассана, сумейте объяснить ей, в чем своеобразие его творчества. Расскажите об эпохе, в которую жил писатель, о нравах, присущих его героям — представителям разных слоев капиталистического общества Франции. Подчеркните, что не каждый может понять сущность обстановки того времени, особенно младшие учащиеся». К сожалению, авторы не поясняют, должны ли родители после квалифицированного историко-литературного экскурса вернуть Вере книжку Мопассана, чтобы она лучше разобралась в нравах его героев, или строго запретить подобное непозволительное чтение. И это не случайно. Ошибочная педагогическая концепция выхолащивает возможность дать научно обоснованные рекомендации, замыкая читателя в круг бесплодных и выспренних общих рассуждений.

Между тем А. С. Макаренко, на которого неоднократно ссылаются авторы книжки, дает очень четкую позицию именно в связи с вопросом о том, что делать с подростками, в чьи руки попадают книги Мопассана, Куприна, Цвейга. Вот что он пишет об этом: «Это закономерный мальчишеский взрыв острого интереса к половому натурализму. Поэтому пусть лучше он прочитает Мопассана. Тогда у него вся эта область предстанет хотя в волнующем оформлении, но все-таки в искусстве, в антураже человеческих страстей, несчастий, радостей». Педагогическая задача, по-видимому, состоит не в том, чтобы решать, «что делать», когда у школьника или школьницы уже в руках «Милый друг» Мопассана или «Яма» Куприна, а так организовать круг чтения подростка, чтобы в его руки попадали книги, соответствующие возрасту и предназначенные для этого возраста.

ОСУЖДЕНИЕ ПАОЛО И ФРАНЧЕСКИ

Казалось бы, ничто не отстоит дальше от биологизации чувства любви, чем ханжеское отрицание ее сексуальной основы, чем стремление закрыть глаза на интимные ее проявления. Но это кажущаяся, чисто внешняя противоположность. Крайности сходятся. Анекдотическая гувернантка боялась выходить на улицу — там мужчины. Окружающие удивлялись: но они же одеты? Да, возражала она, но под одеждой они все-таки голые. Как не понять, что ханжество — это ширма представлений о животной

Фотографии Л. НИСНЕВИЧА

ДО КАКИХ ЖЕ ПОР!

что готовится критическое выступление о нем в печати, — уже одно это подсказывает его руководству «верный ход»: быстренько подтянуться, исправить, насколько возможно, недостатки и огрехи. И пока там проверяют, выясняют, разбираются, а учреждение, глядишь, уже работает иначе, пусть еще не совсем так, как нужно, но перемены — налицо. Одна только угроза — критики, наказания, санкций и т. п. — уже сама по себе заставляет как-то перестроиться, предпринять экстренные меры.

Деятельность Азербайджанского комитета по охране природы проверялась различными органами неоднократно, пресса — центральная и республиканская — только за последние два года писала о нем, притом весьма и весьма нелестно, двенадцать раз (!), а сколько-нибудь заметных изменений в его работе не происходило, как говорится, ни до, ни во время, ни после. Председатель комитета Б. Адыгезалов, казалось, был обеспокоен одним: приукрасить картину, опорочить, вопреки мнению других членов коллегии, печатные выступления. Иногда прямым опровержением, иногда косвенным, но в том и другом случае искажая истинное положение дел. Недостатки же в работе комитета, опасное состояние охраны животного мира республики тревожили его мало, ибо он давно уверился, что ничем более или менее серьезным это ему не грозит. Так же, как ничто серьезное не грозило другим работникам комитета, виновным в различных должностных проступках, со стороны самого председателя.

Передо мной официальная справка, составленная Комитетом народного контроля республики два года назад и озаглавленная достаточно недвусмысленно: «О серьезных недостатках в стиле и методах работы Государственного комитета Совета Министров Азербайджанской ССР по охране природы». Я читаю этот документ — и глазам своим не верю: как будто он составлен только вчера! Что ни факт, что ни пример — ну прямо-таки вышеназванная ситуация! Все тот же варварский отлов джейранов, гибель большей части фазаньего молодняка, назначение на ответственные должности лиц, не имеющих никакого отношения к охране природы (товаровед, библиотекарь и т. д.), либеральное отношение к работникам, совершающим беззакония, и снисходительное отношение к жалобам на таких работников, корыстное использование государственного имущества в целях обогащения... Последнее тогда обнаружилось, правда, в Кировабадском охотхозяйстве: вырубка деревьев и кустарников, отвод работниками охотхозяйства больших земельных угодий под собственные огороды. Не знаю, как обстоит там с этим сейчас, побывать на месте мне не удалось, но могу свидетельствовать — видел своими глазами — подобные же «индивидуальные» арбузные плантации, обработанные вполне современным индустриальным способом, имеются в заповеднике Шахова коса.

А ведь каждый занятый под бахчевые гектар — это опять-таки удар по заповедным животным. Джейран питается чем угодно — полынью, злаками, но никак не арбузами... Где же ему тут пропитаться?

Впрочем, у Б. Адыгезалова, видимо, на этот счет другие взгляды. Однажды он отдал письменное распоряжение директору Айриджинского госплемпитомника об отстреле на территории питомника двух кабанов. Как бы вы думали, для чего? Оказывается, для откорма... фазаньих цыплят! Не говоря о том, что двух кабаньих туш за глаза хватило бы для длительного прокорма многих тысяч фазанов, а в питомнике их всего-навсего несколько сот штук, — не говоря об этом, науке вообще не известно, чтобы фазаны когда-либо питались мясом. Разве уж совсем с голодухи...

Заведующий бюро жалоб и предложений трудящихся Комитета народного контроля Азербайджана С. Тагиров, возглавлявший комиссию, которая проверяла деятельность Комитета по охране природы в 1971 году, сказал мне:

— Тогда Адыгезалову был объявлен выговор.

Вот тут-то я и перестал удивляться, что ничего не изменилось в стиле и методах работы Комитета по охране природы. Последнее, кстати, признает и сам тов. Тагиров, возглавивший такую же комиссию и теперь...

НЕЗАДОЛГО до отъезда из Баку мы, группа журналистов, отправились на остров Песчаный, который называют младшим братом знаменитых Нефтяных Камней, чтобы посмотреть, как добывают в открытом море нефть. Мы ехали по гигантским, уходящим от берега эстакадам, мимо вышек на «стальных» подошвах, гудящих труб... А кругом, сколько хватало глаз, била в металлические опоры темно-зеленая каспийская волна. Но меня поразили даже не эти грандиозные сооружения, меня поразила вода. Чистая, прозрачная, будто не в «пропитанном» нефтью Каспии, а в каком-то далеком горном озере.

Главный инженер нефтегазодобывающего управления имени Серебровского Артем Николаевич Сирунян объяснил:

— В санитарном отношении контроль у нас жесточайший, и мы делаем все, чтобы не допустить хотя бы малейшего загрязнения моря. А как же иначе? Нефть на воде хотя бы не большое пятно — такой штраф наложат, что никакими премиями не покроешь.

Наверное, получать из моря нефть было бы проще, легче и дешевле, не обращая внимания на чистоту воды. Однако требовательность и жесткий контроль (кстати, не со стороны Комитета по охране природы) заставили нефтедобытчиков думать об окружающей среде не меньше, чем о самой добыче.

Да, в Азербайджане делается немало, чтобы сберечь в целостности великолепную, неповторимую природу республики, не только не растерять, но и приумножить это неоценимое народное достояние. Тем более трудно понять столь мягкое, терпимое, примиренческое отношение к работникам главного природоохранительного учреждения республики, именно к тем, кто вот уже какой год наносит непоправимый ущерб живой природе, вместо того чтобы — исходя из прямых служебных обязанностей — беречь ее и приумножать. Прямо-таки удивительное долготерпение. Поневоле накипает вопрос: до каких же пор?!.

МЕДИЦИНА

МОЖНО ЛИ КУПИТЬ БЕССМЕРТИЕ?

СВИДЕТЕЛЬСТВО ПРЕССЫ

ЗАВЕЩАЯ старуха с косой в руке преподнесла Аристотелю Онассису страшный сюрприз, отняла у него двадцатичетырехлетнего сына Александра, которого богатейший греческий судостроитель считал своей «опорой на старости лет»... В ближайшие годы Александр должен был заменить отца у кормила одной из величайших финансовых монополий мира. Внезапная смерть сломала все семейные расчеты Александр, опытный спортсмен-пилот, имевший в активе более тысячи летных часов, разбился на своем двухмоторном самолете на территории Афинского аэропорта.

Казалось, Аристотель Онассис обезумел от горя. Узнав, что сердце его наследника перестало биться, он то и дело повторял: «Все распродам и уеду куда глаза глядят». Правда, кое-кто утверждает, будто фраза эта звучала несколько иначе: «Если бы я мог все распродать, я уехал бы куда глаза глядят». «Если бы мог...» — слова эти как нельзя лучше характеризуют Онассиса — любящего отца, пережившего страшную трагедию и все-таки остающегося прежде всего прожженным дельцом, который ради приумножения собственного богатства готов оказывать безусловную поддержку даже греческим полковникам.

И вот, когда смотришь на фототелеграммы из Афин, на которых запечатлены проливающие слезы Аристотель и Жаклин, невольно приходит в голову мысль, что Онассис, или, как зовут его друзья — Ари, могущественный финансовый магнат, тоже оказался уязвимым: перед смертью он так же бессилен, как и все.

Любопытно, что совсем недавно газеты раскрыли секрет супругов Онассис. Они разнесли весть об их «сделке со смертью». Это стало известно из мемуаров бывшего лакея судовладельца Кристиана Караракиса. Как явствует из мемуаров, Аристотель и Джеки заранее распорядились, чтобы после смерти их тела были заморожены. Вы спросите: зачем? А затем, чтобы в один прекрасный день они могли стать бессмертными. Идея эта, как утверждает все тот же Караракис, пришла в голову бывшей миссис Кеннеди.

Для успешного проведения такой операции труп необходимо заморозить буквально через несколько секунд после наступления клинической смерти, а затем хранить его в герметически закупоренном цилиндре, наполненном жидким азотом.

Делается это для того, чтобы выиграть время и дождаться, когда медицина найдет средство борьбы с болезнью, вызвавшей смерть. Если замороженное тело сохранять при определенной температуре, то его через какое-то время можно пробудить к жизни и вылечить средствами, которые будут к тому времени открыты учеными. В этом убеждены не только супруги Онассис: в Соединенных Штатах, где и родилась идея сохранять тела в состоянии анабиоза, терпеливо ждут своего «воскрешения» уже сотни умерших. В городке Фарминдейле вот уже два года функционирует самая настоящая «клиника для мертвецов», которой руководит некий Кертис Гендерсон. Покойники в ожидании своего воскрешения лежат под стеклянными колпаками, покрытыми ледяной коркой.

«Чтобы сохранить своих пациентов, — сказал Кертис Гендерсон на состоявшейся недавно пресс-конференции, — я тщательно выполняю предписания доктора Роберта Эттинджера—физика, открывшего этот способ замораживания. Через несколько минут после смерти клиента я выкачиваю всю кровь из его тела, а затем впускаю в вены специальный глицериновый раствор. После чего, обернув тело в станиоль, помещаю его в сосуд с сухим льдом, сохраняющим температуру 79 градусов ниже нуля. Выполнив эту первую операцию по замораживанию, я наконец помещаю тело в катафалк со стеклянным куполом и герметизирую его. Под куполом находится жидкий азот. Если своевременно менять азот, труп никогда не разложится».

Существуют, конечно, и другие методы замораживания. Профессор Пол Сигал обеспечивает своим «клиентам» пребывание в холодильнике цилиндрической формы, куда умирающий позволяет закачать себя еще до наступления клинической смерти. «Там он пробудет, — утверждает профессор Сигал, — до тех пор, пока наука не сможет побороть болезнь, от которой он умер, и обеспечить ему новую, здоровую жизнь».

Однако не все ученые разделяют эти смелые теории. Нейрофизиолог Питер Гаурас не без основания замечает, что основные клетки человеческого мозга начинают дегенерировать сразу же после наступления клинической смерти из-за отсутствия кислорода: в течение одного часа они погибают окончательно. «Криогенетика, эта «погребальная» наука, обещающая бесконечно долго сохранять живыми клетки человеческого организма при чрезвычайно низких температурах, — всего-навсего грандиозная финансовая афера, коммерческая операция, не имеющая под собой ни теоретической, ни экспериментальной основы». С этим согласен и канадский специалист доктор Эдмунд Декорм. «Замораживание, — говорит он, — может затормозить некоторые биологические процессы, но исключить их совсем оно не может. Какой бы ни была степень замораживания, в мертвом теле неизбежно происходит процесс молекулярного распада. При температурах, используемых криогенистами, в организме происходят изменения, которые за 4—5 часов становятся необратимыми».

«Не думаю, что больные, желающие, чтобы их заморозили, могут питать какие-то надежды, — сказал Владимир Александрович Неговский, один из самых известных в мире патофизиологов, директор Московского центра реанимации. — Техника еще не в состоянии обеспечить достаточно низкие температуры, которые позволили бы избежать распада нервных клеток и других тканей. Я знаю лишь один подобный случай со счастливым концом: это случай со спящей красавицей. От столетнего сна ее пробудил поцелуй. Это тоже способ реанимации, да к тому же еще и приятный».

Однако супруги Онассис, по-видимому, не обескуражены подобными высказываниями ученых. Чтобы обеспечить себе бессмертие, они не поскупились на затраты. А затраты, надо сказать, требуются немалые. Один лишь страховой полис, оформленный Уилтширским институтом, стоит двадцать четыре миллиона восемьсот тысяч лир в месяц! О регулярном внесении этой суммы должны заботиться наследники. Но греческий «денежный мешок» может позволить себе и не такую роскошь.

С. МАРИОТТИ

КОММЕНТАРИЙ УЧЕНОГО

ЧЕЛОВЕК всегда мечтал о бессмертии. Эти мечты стимулировали религиозное мифотворчество, создавшее утешительные легенды о бессмертной душе, о воскрешении из мертвых, о загробной жизни. Вместе с тем реальная жизнь сформировала стойкие представления о смерти как о необратимом мгновении жизни, которое возникает в момент остановки сердца, в момент последнего вдоха. Современная наука, сделавшая грозное явление — смерть предметом объективного исследования, опровергла не только древние мифы, но и суждения так называемого здравого смысла. Смерть оказалась не мгновением, не скачком, а более или менее длительным процессом, состоящим из ряда последовательных физиологических стадий. Было установлено, что между моментом остановки сердечной деятельности, прекращения дыхания и моментом, когда в клетках и тканях возникают необратимые изменения, существует определенный временной интервал: так, например, сердце может быть оживлено через много часов после его остановки, активность дыхательного центра может быть восстановлена через 40—50 минут, и даже наиболее чувствительные клетки коры головного мозга могут быть спасены через 4—6 минут после остановки кровообращения. Так были сформулированы два новых понятия: клиническая, или обратимая, смерть и смерть биологическая, или истинная. Возникла новая наука — наука об умирании и оживлении организма — реаниматология. И в последние десятилетия факты оживления людей после клинической смерти, факты «воскрешения из мертвых» стали обыденным чудом современной жизни.

Конечно, сегодня это чудо может быть совершено далеко не во всех случаях клинической смерти. Однако с развитием реаниматологии ограничений становится меньше и меньше. Еще недавно к ним принадлежала смерть от инфаркта, а теперь с помощью реанимации уже спасены жизни сотен больных с коронарной недостаточностью. Возвращаются к жизни люди, пережившие клиническую смерть от кровотечения, травмы, дыхательной недостаточности, отравления, утопления и других причин.

Вот эти реальные достижения медицины, эти гуманистические завоевания научной мысли и породили новые надежды — иногда обоснованные и реальные, иной раз фантастические и спекулятивные. К числу последних, на мой взгляд, относится и идея о вечном продлении жизни при помощи низких температур.

Энтузиаст этой идеи американский ученый Эттинджер опубликовал в 1964 году книгу «Перспективы бессмертия». В ней подробно изложены доводы автора о возможности бесконечного продления жизни путем замораживания тела человека во время клинической смерти и последующего размораживания. Уже в 1964 году в Соединенных Штатах было организовано «общество продления жизни», которое стремилось широко пропагандировать новое движение и вступать по этому поводу в контакт с учеными всех стран. В частности, и я получил в свое время от этого общества письмо и различные материалы, характеризующие его деятельность и цели, которые оно преследует. Впоследствии в некоторых штатах Америки и в ряде других стран возникли самостоятельные «крионические общества», а в 1967 году был впервые заморожен в состоянии клинической смерти согласно изъявленному им ранее желанию профессор психологии Джеймс Бедфорд, погибший от лейкоза. В настоящее время в США подверглись этой процедуре, по-видимому, еще несколько десятков человек.

Как отнестись к этим фактам?

Сама по себе идея использования низких температур в медицине не нова. Холод замедляет процесс обмена веществ, значительно снижая потребность организма в кислороде, а после прекращения сердечной деятельности и дыхания в какой-то степени задерживает неминуемый процесс распада тканей и таким образом фактически удлиняет срок клинической смерти (то есть период времени, который может пережить организм после прекращения сердечной деятельности и дыхания). Исследования в этом направлении ведутся во многих странах мира. Имеются уже и практические результаты, заключающиеся в том, что охлаждение организма (гипотермию) с успехом применяют при некоторых операциях на сердце. При этом, однако, всегда используют плюсовые температуры, в зависимости от надобности: +28, +25° С или более низкие (так называемая глубокая гипотермия: +10, +12° С).

Как известно, срок клинической смерти у человека в условиях нормальной температуры не превышает 3—5 минут.

В руководимой мною лаборатории было показано, что, охладив собаку до +10 — 8° С, можно и после двух часов клинической смерти добиться полноценного восстановления всех жизненных функций организма животного. У человека в подобных условиях срок клинической смерти может быть продлен до 40—60 минут.

Такие факты обнадеживают, показывают необходимость интенсивных исследований возможности применения низких температур при реанимации. Вот почему я не могу полностью отвергнуть все исследования, которые проводят сторонники идеи замораживания. Я сказал бы, что лично я отношусь к этой идее как к научной фантастике, в которой обычно есть какое-то рациональное зерно. Речь идет не о замораживании трупов и их оживлении через сотни лет. Я имею в виду исследования криогенистов, которые, возможно, помогут нам (наряду с исследованиями других ученых, исходящих из общепринятых в настоящее время концепций) создавать состояние приостановленной жизни, помогут найти пути безопасного охлаждения организма до более низких температур по сравнению с теми, которые мы применяем сейчас при гипотермии, а точнее — до минусовых температур. Последнее дало бы возможность не только удлинить срок клинической смерти (для применения всех необходимых реанимационных мероприятий), но и добиться у человека состояния, подобного анабиозу. Тогда уже, может быть, не покажутся столь фантастичными романы современных писателей-фантастов, предлагающих использовать анабиоз в межпланетных путешествиях.

Вместе с тем надо с полной определенностью сказать, что практика замораживания трупов с целью их оживления через десятки, сотни лет никак не может считаться научно обоснованной. Этим и вызвано отрицательное отношение большинства ученых всего мира к подобной практике.

В настоящее время применение минусовых температур при замораживании живых тканей и клеток организма приводит к их гибели, разрушению. Применение же плюсовых температур хотя и вызывает, как я уже говорил, замедление процессов распада, но лишь на минуты и часы, а никак не на месяцы и годы. Таким образом, и в том, и в другом случае низкие температуры не могут спасти замороженный после клинической смерти организм от наступления биологической смерти, после которой никакое оживление в принципе невозможно.

Как можно рассчитывать на возможность размораживания ныне замороженных людей, когда известно, что само замораживание необратимо губит живой организм? Холод повреждает ядра живых клеток, превращает тканевые жидкости в кристаллы льда, разрушаются клеточные структуры. Конечно, в принципе нельзя считать невозможным решение задачи снизить температуру тела теплокровного животного до температуры, близкой к нулю, скажем, до —5—10° с последующим полноценным восстановлением жизни организма. Работы в этом направлении ведутся. Обнадеживающие результаты получены при использовании различных фармакологических средств. Установлено также, что глицерин действительно затрудняет образование кристаллов льда в клетке: помещая отдельные полоски ткани или сердце эмбриона цыпленка в глицерин, удается снизить температуру почти до абсолютного нуля, а затем восстановить полностью жизнедеятельность этих тканей. Однако в отношении целого организма этого пока никто не сумел достигнуть. Надо еще много работать, чтобы научиться так бережно замораживать организм, чтобы само замораживание не приводило к его гибели.

Разработав методику замораживания тела человека, но возложив решение задачи «размораживания» полностью на ученых будущих времен, криогенисты тем самым вольно или невольно вводят в заблуждение тех, кто уже сегодня доверяет им свою «будущую» жизнь.

Здесь мы уже выходим за рамки научного обсуждения проблемы и вступаем в область ее нравственных и социальных аспектов.

Говорят, что смерть уравнивает всех людей. Если это и так, то, как видно из статьи итальянского журнала, в классовом обществе делаются попытки превратить «воскрешение из мертвых» в привилегию господствующих классов. Процедура замораживания и хранения тела стоит огромных денег. Это доступно только очень богатым людям. И за свое богатство они стремятся купить бессмертие. Как же должны быть извращены человеческие отношения в том обществе, которое, по существу, отвергает равноправие людей даже перед лицом смерти!

Наука гуманистична, она должна служить людям, человечеству. Ее истинные цели, ее заботы и стремления лежат на путях, далеких от спекуляций на «посмертном эгоизме» кучки богачей. Реаниматология стремительно развивается для того, чтобы спасать человеческие жизни от необоснованной, случайной смерти, возвращать этот бесценный дар тем, кто еще способен жить и трудиться в нашем сегодняшнем мире.

В. НЕГОВСКИЙ,
член-корреспондент АМН СССР, руководитель лаборатории по оживлению организма АМН СССР

НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

Мечта о бессмертии... Способна ли современная наука «реализовать» эту извечную мечту? Итальянский журнал «Джорни» сообщает: в Америке заморожены сотни людей, рассчитывающих на будущее «воскрешение из мертвых». Статью публициста С. Мариотти комментирует профессор В. Неговский.

КУПИДОНА

сущности, которая якобы присуща человеку. Ханжество всегда порождало подозрительность, приличное любопытство, критические замечания, написанные детгем на воротах.

Вернемся к нравоучительным примерам той же брошюры. Влюбленные в парке, первая пара: «Оба идут с сияющими лицами, держась за руки... Свободная скамейка... Иван заботливо расстилает газету Юноша, чтобы не запачкалось белое платье его спутницы Достали книгу. Читают вместе, склонясь над страницей. Потом он чертит палочкой на песке какую-то схему, видимо, что-то объясняет. Благодарная улыбка девушки, понимающий кивок головы... Уходят». Авторы благословляют парочку, желают им остаться такими прекрасными, чистыми, скромными. Вторая пара: «Они идут так, как ходят сейчас многие их ровесники — тесно-тесно прижавшись друг к другу. Рука юноши обвилась вокруг тела девушки... Оба останавливаются... Будто о чем-то шепчутся. Целуются. «На глазах у всех, смотрите, бесстыдники, — возмущенно бормочут сидящие на скамейке, а многое переходит в свою противоположность, где вчерашний «успех» становится исходной позицией для новых «завоеваний», а случайная замена «пустого «вы» сердечным «ты» воспринимается как величайшая радость и победа. Только осознав эту живую диалектику чувства, можно наметить тактику отношения взрослых к юным влюбленным. Модель же взаимоотношений полов, положенная в основу педагогических концепций А. П. Краковского, В. М. Ланик и В. Д. Кочеткова, явно не соответствует действительности и может дать лишь искаженные ориентиры для воспитательной работы.

Да, конечно, без любви, уважения и чувства долга интимная близость снижается до элементарного физиологического уровня, а мальчики и девочки смотрят друг на друга лишь как на объект сексуальных домогательств. В то же время меньше всего, говоря о половом воспитании, следует опасаться признания сексуальной подоплеки взаимоотношений юноши и девушки и торопиться осуждать Паоло и Франческу.

вчие бабушки-пенсионерки. — Разве мы такими были? Да разве так могли делать? Где у них стыд?» Молодые люди, игнорируя общественное осуждение, уходят в укромную аллею, там же тесно прижавшись друг к другу. И взрослым становится тревожно за них. Сердца авторов вообще исполнены осуждения и тревоги: «Такие же манеры можно наблюдать и у молодых людей, ведущих в вагоне метро, в трамвае, сидящих на скамеечках парка. Уединенные места вечерами заполнены силуэтами сидящих. Вдалеке от глаз взрослых можно сесть свободнее, развязнее».

Полноте! А не кажется ли вам, что избран не лучший плацдарм для морального осуждения молодежи? Приглядимся внимательнее: две ли пары прошли перед нами в парке? Мне думается, одна. Поначалу чувство только зарождалось. Но, как известно из истории Паоло и Франчески, привычка к совместному чтению может оказаться чреватой таким непредвиденным последствием, как поцелуй, и в следующий раз те же юноша и девушка появились в парке уже после этого «фатального события». И стремление уединиться у влюбленных не относится к разряду дурных манер. Скорее наоборот — дурно подглядывать за молодыми людьми, когда они уединяются.

Никого не обогатят неумеренные восторги по поводу целомудренности отношений первой пары и стародевические ужасы по поводу укромных аллей. Необходим психологически обоснованный анализ развития эмоций, которые не могут не изменяться, в которых ничего не стоит на месте,

ПАРАЛЛЕЛЬНО! НЕТ, ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО!

Проблема полового воспитания — большая, важная и, скажем прямо, труднейшая педагогическая проблема. И подходить к ней надо со всей серьезностью, которой она заслуживает. А. С. Макаренко подчеркивал, что воспитание полового чувства не может быть осуществлено «отдельно». Оно является результатом воспитания гражданина. Эта совершенно справедливая мысль неоднократно цитировалась. Но, поставив после хорошей цитаты точку, педагоги нередко затрудняются в логическом продолжении макаренковской мысли. Да, конечно, всякая попытка вынести «содержание полового» (пользуясь термином Краковского) за скобки в деле коммунистического воспитания была бы крупнейшим педагогическим просчетом. Но значит ли это, что не существует собственных проблем полового воспитания, его специфики, не сводимой к общим принципам воспитательной работы? Конечно, такая специфика существует, и игнорировать ее неправомерно. Это важный раздел нравственного воспитания, который должен иметь свою специальную педагогическую и психологическую теорию. Всякие попытки подменить теоретическую разработку вопросов полового воспитания и строящуюся на ее основе систему воздействий постным морализированием, за которым, как мы могли убедиться, нередко скрывается биологизация зарождающегося чувства, могут только принести ущерб.

Одна из основных педагогических ошибок, связанных с неверно сконструированной моделью межполовых взаимоотношений, — безоговорочное и ставшее привычным отождествление полового воспитания и полового просвещения. Между тем это более чем сомнительный тезис. Думается, что здесь вообще нет однозначной связи.

Здесь важно правильно расставить акценты и видеть то главное, что определяет отношения между полами, и именно на этом строить стратегию воспитательных воздействий. Образно намечает эту стратегическую линию афоризм: любовь — это пьеса с короткими актами и длинными антрактами... Надо уметь вести себя в антрактах!

Половое воспитание начинается с детства, причем весьма раннего. Моя маленькая приятельница, четырехлетняя Наташа, поделилась как-то с мамой своими заботами: «Знаешь, мамочка, Игорек — очень, очень хороший мальчик. Он, мамочка, даже лучше меня. Но я ему этого не скажу — а вдруг мы поженимся!» Отношения между малышами уже не лишены определенной подоплеки, хотя далеко не всегда, разумеется, оснащены столь хитроумной женской тактикой. Половое воспитание — это важная сторона формирования нравственного облика подрастающего поколения. Оно обеспечивает усвоение общественно-исторического опыта взаимоотношения полов, а с ним — богатства подлинно человеческих чувств. Договоримся сразу, что мы понимаем под половым воспитанием целенаправленное формирование таких взаимоотношений между полами, которые были бы опосредованы нравственно оправданными ценностями.

Иное дело — **половое просвещение**, то есть организованное информирование молодых людей об особенностях и механизмах (физиологических и психологических) половой жизни. Несколько лет назад в одном из наших популярных журналов приводились цифры, которые свидетельствовали, что только 16,8 процента мальчиков и девочек получают сведения о половой жизни в школе, 6—7 процентов — от родителей, а все остальные — из случайных источников, и утверждалось, что цифры обвиняют семью и школу в безразличии к одному из важнейших вопросов воспитания. Да, конечно, сведения из «случайных источников» могут быть приправлены изрядной долей цинизма (это более чем вероятно), но где гарантия, что знания в области сексуальных отношений, первоначально полученные в семье или в школе, не обрастут достаточно грязными деталями, взятыми из тех же «источников»? И самое главное: нужно ли, за исключением необходимых гигиенических сведений, вообще организованное половое просвещение подростков, то есть ребят до 15 лет?

Позвольте, возразят мне, а известно ли вам, что имеются случаи сожительства мальчиков и девочек весьма юного возраста? Да, известны. Вот один, к примеру, о котором мне рассказали буквально на днях, во время поездки на августовские учительские совещания в одну из наших северных областей. Ученица шестого класса прибежала домой взволнованная и, отозвав в сторону мать, с явным ужасом рассказала, что учительница собрала всех девочек класса и объясняла им, как пользоваться противозачаточными средствами. Как оказалось, где-то в их районе имел место прискорбный факт беременности шестиклассницы. Последовала инструкция — предостеречь! Этот возмутительный случай, когда изъяны полового воспитания одного подростка пытаются прикрыть обидными заплатами полового просвещения всех ровесников, весьма показателен.

Вероятно, это прозвучит парадоксом, но, быть может, половое просвещение следовало бы разворачивать лишь тогда, когда половое воспитание фактически уже завершается. Во всяком случае лишь тогда оно пойдет впрок и принесет пользу. Другими словами, начинать его нужно, когда у молодого человека, уже вышедшего из подросткового возраста, физиологическое в любви окажется опосредовано духовным, нравственным содержанием его эмоциональной жизни. И пусть оно, это просвещение, будет исчерпывающе полным. И тогда вовсе необязательно эти научные, физиологические знания об интимной стороне отношений между полами оправдывать залпом назиданий и моральных сентенций. Тогда любые, самые откровенные объяснения и рекомендации не замутят чистоты отношений между мужчиной и женщиной и будут лишь способствовать созданию их подлинной гармонии.

В МИРЕ ПОПРАННЫХ ПРАВ

ИЗРАИЛЬ. Полиция зверски избивает арабов протестующих против выселения из родных деревень

(«Нойес Дойчланд»)

США. День за днем стоят американские рабочие у биржи труда. Пять процентов всех трудящихся страны являются безработными

(«Нойес Дойчланд»)

ФРАНЦИЯ. Против трудящихся завода «ЛИП» в Безансоне были брошены отряды полицейских

(«Ви увриер»)

ФРГ. Забастовка рабочих на заводе «Опель»

(«Коннрет»)

ТОЛЬКО ЦИТАТЫ

X СЪЕЗД КПК: ОЧЕРЕДНАЯ ПЕРЕТАСОВКА

Состоявшийся в конце августа X съезд Коммунистической партии Китая, по-прежнему зафиксировав в своих решениях сверхреакционную концепцию классовых либеров, закрепив связанный с именем Мао Цзэдуна политический курс, по существу, не дал конкретной программы. Все это на фоне X съезда, как-то незаметно, почти буднично прошла жизнь Китая. Ее вчерашний день, как и день нынешний, развивается в рамках, каждая из которых завершается одним сообщением, не требующим комментариев.

«ТАЙНОЕ СОБРАНИЕ»

Информационные агентства западных стран, снабжаемые тщательно отмеренными дозами секретов из пекинских источников, на протяжении нескольких недель намекали, что в Китайской Народной Республике готовится «великое собрание».

Развитие событий прошло точно в соответствии с заранее составленным сценарием. Тайное собрание, которое должно войти в историю как X съезд Компартии Китая, обязано создать из так называемого «дела клики Линь Бяо» главное направление пропаганды.

«Правда»
(ЧЕХОСЛОВАКИЯ)

Коммюнике сообщает, что перед съездом делегаты обсудили все его документы. По мнению наблюдателей, этот специфический метод проведения съезда послужил тому, чтобы обеспечить осуществление компромисса, разработанного на самом высоком уровне руководства как в отношении политических, так и персональных вопросов. Секретное проведение съезда нужно было китайским руководителям для того, чтобы в случае, если намеченный ход развития событий нарушится, съезд можно было бы считать несостоявшимся.

Агентство МТИ
(ВЕНГРИЯ)

X съезд был самым коротким из трех съездов, проведенных после прихода коммунистов к власти в 1949 году. Это был единственный съезд, который хранили в тайне до его окончания. До сих пор не сообщали, где он проходил. Поскольку от китайских должностных лиц нельзя получить сведений, многие иностранные наблюдатели считают, что съезд был отложен на одну-две недели, а затем поспешно проведен после того, как политические вопросы были тщательно и возможно, не без споров согласованы заранее.

«Таймс»
(АНГЛИЯ)

Консервация и секретность, окружающие партийные съезды КПК, не являются чем-то новым, но достаточно хорошо раскрывают характер китайской партии, который она приобрела под маоистским руководством. Можно предположить, что одной из причин секретности является желание скрыть существующие в партии острые разногласия между отдельными группировками.

«Жиче Варшавы»
(ПОЛЬША)

Представляется поистине странным, что в стране, где, как утверждают, у власти стоят коммунисты, съезд партии проходил фактически в подполье. По сути дела, это был маоистский национал-шовинистический съезд, оторванный от социалистического содружества, от международного рабочего движения и от прогрессивных сил.

«Трибуна популар»
(ВЕНЕСУЭЛА)

В докладе, прочитанном за тщательно закрытыми дверями X съезда, Чжоу Энь-лай фактически ничего не сказал об экономическом положении Китая. Но он заявил: «Хорошо обстоит дело с промышленностью, сельским хозяйством, транспортом, финансами и торговлей в нашей стране». Однако не приводится ни фактов, ни цифр, чтобы проиллюстрировать эти достижения.

«Морнинг стар»
(АНГЛИЯ)

СООБЩЕНИЕ АГЕНТСТВА ЮНИ

Число беженцев из Китая в Гонконг непрерывно возрастает. Лишь в 1972 году сюда прибыло около 6 500 человек. То, что рассказывают беженцы о ситуации в стране, разительно отличается от картинок официальной пропаганды Пекина, обильно распространяемых со времени начала «дипломатии пинг-понга». Многие жалуются на острую нехватку продовольствия, чрезмерную продолжительность рабочего дня. Среди беженцев немало таких, кого насильно пытались поселить в деревнях, для «перевоспитания».

Бегство сопряжено с огромными трудностями. Нередко волны выносят на берег трупы неудачников. Все же число беженцев возрастает, и это весьма симптоматично.

ДЕЛО ЛИНЬ БЯО?

В отношении приверженцев Линь Бяо, которого сейчас хулят как «буржуазного карьериста, заговорщика, контрреволюционного обманщика, ренегата и предателя», организована настоящая травля — очевидно, с целью найти козла отпущения.

«Нойес Дойчланд»
(ГДР)

Смерть Линь Бяо, происшедшая якобы во время его бегства из Китая после провала запланированного переворота против Мао, и смещение большинства военачальников, входивших в состав Политбюро, сопровождались еще одной широкой чисткой на более низких уровнях. За два года, прошедших с тех пор, атмосфера неопределенности сохранялась в руководстве Китая.

«Нью-Йорк таймс»
(США)

Доклад премьер-министра на съезде — это, главным образом, документ для знатоков маоистской теологии, в котором очень мало говорится о фактических разногласиях между Линем и остальной партией и об обстоятельствах его заговора.

«Таймс»
(АНГЛИЯ)

СООБЩЕНИЕ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»

Пятидневный съезд опубликовал коммюнике, где называет Линь Бяо «заговорщиком, ренегатом и предателем», и официально исключил его из рядов партии. В коммюнике не сообщается подробностей о заговоре Линь Бяо, но оно свидетельствует о том, что это дело активно обсуждалось.

Из доклада съезду явствует, что Линь Бяо был самым рьяным приверженцем «культурной революции» потому, что она давала ему возможность устранить весьма серьезного соперника в борьбе за власть — Лю Шао-ци, бывшего тогда главой государства.

После устранения Лю Шао-ци Линь Бяо перенес свое внимание на «своего самого серьезного конкурента» — премьера Чжоу Энь-лая. Однако в защиту премьера выступил сам Мао Цзэдун.

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Китайское агентство Синьхуа характеризовало закончившийся в обстановке строжайшей секретности X съезд КПК как «съезд сплочения и победы». Однако даже из той незначительной информации о решениях съезда, которую обнародовало Синьхуа, видно, что ни о каком единстве в рядах КПК, ни о каких «победах» и речи быть не может.

В плане борьбы за власть внутри партии X съезд оказался большим обманом, чем предыдущий. Он не способствовал укреплению партийных рядов, а усилил фракционную борьбу.

«Патриот»
(ИНДИЯ)

Правители Китая заявляют, что в ходе длительной борьбы против ревизионизма и подрывной деятельности они проведут страну через ряд культурных революций. В новом уставе говорится, что «в дальнейшем такие революции нужно будет проводить много раз».

Агентство Рейтер
(АНГЛИЯ)

Теоретически казалось, что в условиях, когда с делом Линь Бяо покончено, а X съезд партии благополучно проведен, среди 28 миллионов членов Коммунистической партии Китая должны были бы теперь царить мир и согласие. Но факты говорят об обратном. Самый решительный намек на то, что китайские радикалы рвутся в бой, появился в аллегорической форме в статье газеты «Жэньминь жибао», написанной одним преподавателем философии «якобы под предлогом критики Конфуция. Каким же был тот трех Конфуция, который больше всего перекликается с современностью? Это было его решение, как премьер-министра, «вернуть к власти тех, кто канул в безвестность» вернуть «старых и умирающих» с тем, чтобы укрепить свое реакционное правление».

«Экономист»
(АНГЛИЯ)

В настоящее время борьбу за власть в Пекине ведут три основные группировки. Чжоу Энь-лай со своим окружением, «придворные» Мао Цзэдуна, многие из которых находятся в родстве с ним и, наконец, представители вооруженных сил, «вознесенные на вершину власти «культурной революцией».

«Курир»
(АВСТРИЯ)

Некоторые люди, указывая на возросшую критику левыми силами политики Чжоу Энь-лая, задумываются: не свидетельствует ли характер проведения этого съезда о том, что в руководстве существуют противоречия и слабости.

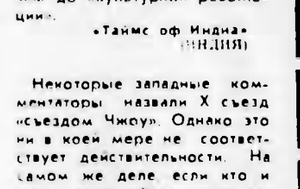
«Вашингтон пост»
(США)

СООБЩЕНИЕ «ГАРДИАН»

Слухи о происходивших политических трениях в Китае до X съезда КПК подтвердились сообщениями о массовых выступлениях в одной из важных провинции страны — Шаньдуне (север КНР). Имеются данные, хотя и менее подтвержденные, что существует оппозиция Чжоу Энь-лаю.

ГЛАВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ — АНТИСОВЕТИЗМ

Итоги X съезда Компартии Китая доказали, что руководство КПК по-прежнему проводит свою политику раскола и стремится к ослаблению антиимпериалистической борьбы. Миф о «советской угрозе», которую пытаются распространять китайские руководители, служит агрессивным кругам стран НАТО для оправдания их политики гонки вооружений и саботажа разрядки международной напряженности.

Из выступления председателя Германской коммунистической партии Макса Реймана

Руководители Коммунистической партии Китая провели в Пекине X общенациональный съезд. Затем Мао Цзэдун, Чжоу Энь-лай и все остальные отпраздновали долгожданное коммюнике — документ, заслуживающий внимания только потому, что в нем объявлено новое руководство в Пекине, и еще потому, что оно ругает Советскую Россию, называя ее по имени, и лишь для проформы проходится по адресу Соединенных Штатов.

«Нью Йорк дейли ньюс»
(США)

Высказывания Чжоу Энь-лая на съезде явились логическим следствием деятельности руководства КНР по подрыву международного коммунистического движения. Прикрываясь ультрареволюционными фразами, маоистское руководство пытается представить, что его разногласия с Советским Союзом носят якобы национальный характер. В действительности маоисты понимают, что первая в мире социалистическая страна и партия, созданная В. И. Лениным, представляют основное препятствие в осуществлении их гегемонистских устремлений.

«Сигло»
(ЧИЛИ)

Сейчас в Китае Москву так же предают проклятию, как это было с Соединенными Штатами. Снова и снова китайцы требуют от европейцев, в том числе от политических деятелей и журналистов, не верить русским.

«Генераль-анцайгер»
(ФРГ)

Косвенным признаком того, что маоистское руководство охвачено междоусобными разногласиями, может служить и активизировавшаяся пропагандистская кампания под лозунгом «Дать отпор советской угрозе». Этот миф нужен клике Мао для того, чтобы отвлечь внимание китайского народа от кризисной экономической и внутриполитической ситуации, от становящихся все более явными вспышек противоречий между лидерами КПК.

«Джанюг»
(ИНДИЯ)

СООБЩЕНИЕ АССОШИЭЙТЕД ПРЕСС

Китайские официальные лица провели группу западных журналистов по туннелям подземных убежищ в Пекине. Они подчеркивали, что готовы отразить любой удар русских и что Западная Европа также должна подготовиться к этому.

Они квалифицировали «советский ревизионизм» как своего основного врага и в то же время редко упоминали о Соединенных Штатах.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Мнение китайцев о том, что нынешним миром управляет борьба за гегемонию двух ядерных сверхдержав — Соединенных Штатов и Советского Союза, не изменилось. Однако основным объектом китайской критики все же является Советский Союз.

«Асахи иввинг ньюс»
(ЯПОНИЯ)

Армейская иерархия, несомненно, остается гораздо более важным элементом китайской политической структуры, чем до «культурной революции».

«Таймс оф Индиа»
(ИНДИЯ)

Некоторые западные комментаторы назвали X съезд «съездом Чжоу». Однако это ни в коей мере не соответствует действительности. На самом же деле, если кто и испытывает сейчас, после завершения съезда, чувство страха перед дальнейшим развитием событий, так это Чжоу Энь-лай. Более чем кто-либо другой он помнит во всех подробностях интриги против Линь Бяо, последовавшие немедленно за окончанием в апреле 1969 года так называемого «съезда Линя».

«Линия»
(ИНДИЯ)

СООБЩЕНИЕ «ДЕЙЛИ ТЕЛЕГРАФ»

Снимок человека, только что занявшего третью ступень в китайском руководстве, — Ван Хунвэня, вырезанный из «Жэньминь жибао», сейчас приколот к углу обязательного цветного портрета председателя Мао во многих домах на улочках Пекина. Фотографы, делающие цветные снимки, граверы и даже ткачи начали работать над портретами Ван Хунвэня, но пока, несмотря на большой спрос на них в универсальном магазине № 1 можно купить лишь его фотоснимки, сделанные на X съезде партии.

В последнее время устанавливаются новые стенды, несколько напоминающие времена «культурной революции». Прилепленные к ним плакаты призывают массы «разгромить» остатки антипартийной клики, которую прежде возглавлял «предатель Линь Бяо». Имя Линь Бяо пишется крупными иероглифами вверх ногами, что означает самое большое оскорбление, придуманное «красными охранниками» для «штрейкбрехеров, просоветских ревизионистов и империалистов» во время «культурной революции».

Плакаты и лозунги, призывавшие пролетариев всего мира к единению, исчезли.

Досье составил
М. МАКСИМОВ

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 9-й СТР.

9.00. Президент Альенде заканчивает запись на пленку своего четвертого, последнего обращения к народу, в котором, в частности, говорится о том, что «происходящие события покрывают позором вооруженные силы».

9.10. Президент звонит на радиостанцию «Радио Портале». Ему отвечают, что радиостанция подверглась бомбардировке самолетами ВВС. Еще на одной радиостанции, куда он сам звонит, произошло то же самое. Третий звонок — на радиостанцию «Магальянес», находящуюся под контролем коммунистов. Там еще держатся. Президент диктует свое последнее обращение к трудящимся и ответ предателям из вооруженных сил, которые потребовали, чтобы он сдался.

10.25. В зале Тольса президент собрал всех, кто находился во дворце Твердым и спокойным голосом он говорит присутствующим, что через несколько минут начнется штурм дворца. «Никакая революция, — говорит он, — не может победить, если ее руководитель не способен встретить опасность в трудный момент и бороться до конца. Это справедливо. Но справедливо и то, что бессмысленные жертвы абсолютно ничем не могут помочь делу революции. Наоборот, они вредят ей.» Президент приказывает всем, кто не имеет прямого отношения к охране дворца, покинуть его, пока это еще можно сделать. Что касается охраны, то он предоставляет ей полную свободу действий. Он же останется здесь. Это его долг. «Я не уйду из «Ла Монеды». Если нужно, я погибну здесь.»

Никто не сдвинулся с места.

10.55. Танки выходят на боевую позицию перед зданием дворца. Через несколько секунд раздаются первые выстрелы. Орудия бьют прямой наводкой.

11.05. Альенде еще раз требует от всех, кто не связан с охраной дворца, выйти через двери, которые еще не обстреливаются. В это время президент уже сбросил пиджак и верхнюю рубашку. Он остался в майке с короткими рукавами, на голове — серая стальная каска, в руках — автомат.

Первая атака пехоты и танков на дворец длилась около 20 минут. Она закончилась безрезультатно. Телефоны во дворце еще работали. Как только затихли выстрелы, во дворец снова позвонил генерал Пиночет. «Я даю вам 15 минут для того, чтобы вы объявили о сдаче».

Президент даже не стал ему отвечать.

Он обратился к женщинам, которые были во дворце: «Я прошу вас уйти отсюда, иначе вы заставите меня самого выйти на улицу...» Женщины, среди которых были две дочери президента, подчинились.

12.00. Президентский дворец был подвергнут обстрелу с воздуха. Два самолета атаковали дворец, лишенный противовоздушной обороны. Били ракетами, сбрасывали бомбы. И во внутренний двор — гранаты со слезоточивым газом.

Президент не знал, что в это же время самолеты бомбили его личную резиденцию на улице Томаса Мора, где оставалась его жена. Когда самолеты улетали, чтобы снова загрузиться бомбами и ракетами, по резиденции били из автоматов Ортенсия Бусси де Альенде пробовала звонить во дворец и связаться с мужем — узнать, жив ли он. Но безуспешно.

Президент не знал также, что первый удар в Сантьяго мятежники нанесли по зданию ЦК Компартии Чили, тому самому зданию, где на фронтоне была установлена красная пятиконечная звезда и висел огромный портрет Сальвадора Альенде.

Первая небольшая группа мятежников под командованием капитана Роберто Гарридо ворвалась во дворец через дверь со стороны улицы Моренде приблизительно в 13.45. Спустя несколько минут они распахнули дверь кредитного кабинета Альенде, стоял в комнате спиной к двери. Его автомат лежал на стуле. Рядом с ним стояла группа его друзей.

Гарридо крикнул: «Сдавайтесь!»

Президент не обернулся.

— Сложите оружие — сказал он друзьям. — И идите вниз. Не нужно лишней крови. Идите. Я останусь здесь.

ЧИЛИЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Он обернулся к капитану:

— Сдавайтесь! — снова крикнул тот президенту.

— Подойдите ко мне, — сказал ему Альенде. И сам сделал шаг к нему.

Капитан нажал на спусковой крючок автомата.

Президент упал на пол. Рядом с ним легли тела его ближайших помощников.

Это случилось приблизительно в 14.10 11 сентября.

Труп Альенде вынесли на развалины дворца, завернули в полосатое крестьянское одеяло и на военном грузовике отвезли на военный аэродром.

Жене Альенде сказали, что муж ее ранен, находится в госпитале. Как к нему пройти? Не известно. В каком он госпитале? Не известно. Только на следующий день, уже на военном аэродроме, куда ее привезли, чтобы отправить на самолете в Винья дель Мар, город, где похоронены родные Альенде, узнала она, что муж ее мертв.

Ей так и не разрешили увидеть его тело.

Такова картина тех трагических последних часов жизни Альенде, какой она видится сейчас. Детали иногда противоречивы. Возможно, время кое-что уточнит. Но одно останется неизменным. Он был верен революции до последнего дыхания. Был верен чилийскому народу.

Заговор перед заговором

Наверное, будет написано немало статей, очерков, скрупулезно рассказывающих о каждой минуте этого дня. И я тоже надеюсь в своих следующих репортажах рассказать о новых подробностях, которые мне удастся здесь найти. Пока хранится в тайне сам механизм подготовки заговора генералов.

Но к этому преступлению вело другое — гораздо более крупное по масштабам. Заговор военных был только частью, правда, последней, решающей, гораздо более широкого заговора, предшествовавшего событиям 11 сентября. «Переворот в Чили был неизбежен из-за экономического хаоса, в который повергло страну правительство Сальвадора Альенде». Это «тезис» абсолютного большинства статей буржуазных комментаторов контрреволюционного мятежа в Чили. Не знаю, принимали ли участие в перевороте 11 сентября силы, находящиеся за рубежами Чили. Но в заговоре по созданию кризисного положения в экономике Чили они принимали участие самое активное. Это был международный империалистический заговор.

Вот несколько свидетельств, которые я получил или о которых узнал здесь, в Лиме.

Свидетельство Ортенсии Бусси де Альенде, вдовы убитого президента (в интервью, данном мексиканскому корреспонденту): «Забастовка (речь идет о забастовке владельцев грузовиков, которая предшествовала перевороту и прервала доставку продовольствия из деревни в город, а также связь между всеми районами страны. — Г. Б.) продолжалась 47 дней или около того. И уже эта продолжительность доказывает, что забастовка финансировалась из-за границы.»

Свидетельство известного перуанского публициста Франсиско Монклоа (в беседе со мной в Лиме 22 сентября сего года): «Не нужно быть агентом 007, чтобы разведать, кто финансировал забастовку, предшествующую перевороту. Достаточно проанализировать рынок. «Черный рынок», я имею в виду. На «черном рынке» в Сантьяго шла спекуляция долларом. За 3—4 месяца до переворота доллар там продавался по цене, в 10 раз превосходившей официальный курс. Но когда началась забастовка транспортников, цена доллара на «черном рынке» резко упала. Откуда такое? Все объясняется весьма просто. Именно в то время в страну хлынули доллары для финансирования забастовки. И спрос на них уменьшился. Иногда, как вы видите, разоблачение преступления приходит с самой неожиданной стороны.

А вот другой интересный факт. Вы знаете, что организация чилийских фашистов «патриа и либертад» давно занималась диверсиями и саботажем против правительства Альенде. Но большей частью все эти акты диверсий устраивались на любительском уровне. Взрывают мачту электропередач, а она не взрывается. Поджигают телеграфный столб, а он, падая, давит одного из диверсантов. Подрывают динамитом стену заводского цеха, а в результате ранены трое из пятерых динамитчиков. И так далее. Они были фашистами, но им не хватало профессионализма в диверсионном деле. И вдруг приблизительно за месяц до переворота они стали организовывать одну диверсию за другой. И все — безукоризненно с точки зрения технического выполнения. Откуда вдруг такой резкий скачок профессионального мастерства? Откуда вдруг такое умение?

Думаю, нетрудно ответить на этот вопрос. Поэтому мне не обязательно самому ставить точки над «и»...».

Свидетельство крупного чилийского профсоюзного деятеля, имя которого я по понятным причинам назвать не могу (в беседе со мной в Лиме 21 сентября сего года): «...Урожай 1972/73 сельскохозяйственного года был неплохим. Мы получили 1 миллион 200 тысяч тонн пшеницы — то, что планировалось. Чтобы помочь крестьянам, правительство назначило закупочную цену на пшеницу 500 эскудо за центнер. Это на 60 процентов выше того, что предлагали раньше частники. Крестьяне были очень довольны. И вдруг, когда началась закупочная кампания, неожиданно появились частные закупщики, которые начали предлагать крестьянам по тысяче эскудо за центнер. Мы стали выяснять, что это за люди. Оказалось, лица, у которых не могло быть таких денег. Их финансировали со стороны, для того чтобы скупить пшеницу. Скупить и уничтожить — сбросить в море, сжечь, отравить, припрятать...»

Припрятать... Я помню, как в марте прошлого года был свидетелем того, как министр экономики, развития и реконструкции Педро Вускович приехал в один из магазинов Сантьяго, торговавший школьной формой. Он вошел. Полки были пусты. Министр попросил позвать хозяина магазина. Тот появился — лысоватый, небольшого роста.

— Где школьная форма? — не повышая голоса, устало спросил Вускович.

— Нету, — развел руками лысоватый.

— Вам вчера завезли форму.

— Продали, — стоял на своем хозяин.

— Всю?

— Почти всю.

— Покажите мне это «почти».

— Вы не имеете права! — засуетился хозяин. — Я владелец магазина, а не вы.

Вускович не говорил ни слова. Стал посреди магазина, чуть закрыв усталые глаза (утром он провел несколько таких рейсов, потом сядил на фабрики, взятые под контроль государства, потом был на заседании в правительстве, вечером ему предстоял телевизионный диспут с демохристианами об экономической политике правительства), и не двигался. Хозяин все суетился, бил себя по ляжкам, кричал, что не позволит. Лысина его покрылась потом.

Вускович дождался, пока хозяин выкричится. Наконец произнес хрипло:

— Покажите все же.

Воцарилось молчание. Хозяин смотрел исподлобья. Потом протянул Вусковичу ключи, а сам ушел куда-то к себе. Управляющий магазином повел Вусковича на склад во двор. Там лежали на полках в аккуратных целлофановых пакетах сотни костюмчиков для школьников и школьниц и еще столько же валялось в куче на полу.

После переворота Педро Вусковича — министра экономики правительства Народного единства, — как говорят, расстреляли одним из первых...

Я рассказал немного о заговоре перед заговором просто для того, чтобы стало понятно, что означают слова об «экономическом хаосе, в который повергло страну правительство Альенде».

Генрих БОРОВИК,
специальный корреспондент АПН и «Литературной газеты»

ЛИМА. (По телефону)

В эти дни на улицах Сантьяго.

К 50-летию АНТИФАШИСТСКОГО ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН БОЛГАРИИ

Георги КАРАСЛАВОВ

ВЕРНОСТЬ РЕВОЛЮЦИОННЫМ ИДЕАЛАМ

В эти дни вся Болгария живет под знаком славной даты — 50-летия Сентябрьского восстания. Пять десятилетий тому назад рабочие и трудовые крестьяне поднялись под руководством Болгарской коммунистической партии на вооруженное сопротивление реакции, выступив против надвигавшейся коричневой фашистской чумы. В этой борьбе их окрыляло великое дело Октябрьской революции. Восстание не победило, его утопили в крови. Но восстание стало грандиозной генеральной репетицией совершившейся два десятилетия спустя под руководством Болгарской коммунистической партии социалистической революции. «Самая непосредственная, самая прямая связь пролегает от сентября 1923 года к победоносному сентябрю 1944 года. Опыт болгарской революции, как и весь опыт человечества после Октября 1917 года, говорит о неодолимости законов истории, о неизбежной победе социализма», — сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, выступая на митинге в Софии.

Событие, которое потрясло весь народ, которое навсегда оставило след в его душе своим героизмом и своей трагедией, не могло не найти достойного отображения в болгарской литературе. Сентябрьское восстание породило страницы, которые делают ей честь, которые составляют ее гордость. Прошли годы, но эта тема в болгарской литературе не утратила своего значения.

Особенно последовательными и настойчивыми в разработке сентябрьской темы были те писатели старшего поколения, которые сами дышали воздухом восстания, жили в неповторимой атмосфере революционного энтузиазма и глубокой горечи поражения. Среди них и академик Георги Караславов, один из общепризнанных мастеров современной болгарской литературы, писатель богатого и разностороннего дарования. Уже первый сборник его рассказов, появившийся в 1926 году, явился отзвуком памятных сентябрьских дней, а его последнее произведение — пьеса «Мать всех», которая сейчас идет на сценах многих театров и показывается по телевидению, — также возвращает нас к этим дням.

— Когда вспыхнуло восстание, — вспоминает писатель, — я был в Казанлыке. Я приехал в этот небольшой южный город пятью днями раньше и тотчас же включился в работу комсомола, у которого там была очень сильная организация. Вся гимназия, где я учился, жила под ее влиянием. Но пароль восстания в город не дошел. Огонь восстания был потушен. В город приводили арестованных. Вся школа была заполнена ими. Невозможно забыть жестокость реакционеров, показавших свое звериное лицо. Эти люди, боявшиеся за свое классовое господство, дрожали от страха, испугавшись успеха коммунистов. Они превратились в бессердечных убийц, закоренелых палачей.

Я помню и костры, на которых сжигалась марксистская и демократическая литература, горевшие в тот сентябрь в Казанлыке. Так что и сожжением прогрессивных книг Геббельс позднее не смог претендовать на оригинальность: болгарские фашисты опередили его.

— Кроме драмы «Мать всех», которую вы написали специально к 50-летию Сентябрьского восстания, недавно появился и новый том вашей эпопеи «Простые люди», в которой вы также изображаете события и героев тех памятных лет. Болгарская критика по праву отметила, что страницы вашего масштабного произведения займут достойное место среди лучших книг в нашей литературе, рассказывающей о Сентябре 1923 года. Расскажите об общем замысле вашей эпопеи.

— «Простые люди» охватывают три десятилетия — от 1914 до 1944 года. Сейчас я работаю над последним, шестым томом. Это определенный этап нашей новой истории, который связан и с моей судьбой. В романе я хочу показать, как под влиянием Великой Октябрьской революции и под руководством Болгарской коммунистической партии страна наша созрела и была подготовлена к великой борьбе, к первому антифашистскому восстанию. Болгария была страной, которая не послала ни одного солдата на Восточный фронт, ни разу не выстрелила против Советского государства. В течение всего этого периода формируются характеры моих героев, рождается новое сознание, утверждается правда нового мира — мира коммунизма. Заветы сентябрийцев не были забыты, идеалы их торжествуют сегодня в обновленной и свободной Болгарии.

Беседу вел
Атанас СВИЛЕНОВ
СОФИЯ. (По телефону)

Асен РАЗЦВЕТНИКОВ

Бессмертные

Хранят еще плахи
жертв своих трепет,
нож еще кровн
по-прежнему хочет,
и на пустынные
падают степи
смутные дни
и безумные ночи.

Но, обожженные
гибельным ветром,
черным неверьем,
восторгом сраженья,
мы поднялись.
Мы восстали из пепла,
и снова дрожат города
и селенья.

Сильны наши плечи,
обветрена кожа.
Мускулы наши
тверже алмаза.
Нам смерть не страшна.
Нас нельзя уничтожить.
Мы — миллиардная
грозная масса!
Идем мы навстречу
надежде и вере
вдоль рвов и могил
по дорогам несметным.
Разрушив железные
вечные двери,
мы смело плодом
завладеем запретным!

Перевела Лорина ДЫМОВА

Николай ЗИДАРОВ

В лесу близ Крона

Край листов, край роз
и тишины...
Поляны — словно
лобные места,
О родина, со всех тропинок
к ним
Тебе поклон шлют жизнь
и доброта.
Твоих легенд
сентябрьская скорбь
Сгибает вниз подсолнухов
венки,
Свобода-мать спустилась
к детям с гор,
Священное тепло ее руки!
Край тишины... Но камни,
как знамена
Окаменевшие, не спят
в лесу близ Крона.

О родина, ты видишь след
слезы
На торопливом облаке
с Триглава,
А там, где Крна,
как школьник-озорник,
Играет ветер в лиловатых
травах,
Но чудится, застрявшие
в стволах,
Стремятся пули вырваться
со свистом.
Все шире разливается
закат,
И тонут тени
в заалевших листьях.
И сумрак полон
горестного звона
Печальных крокусов
с полян а лесу
близ Крона.
Мне кажется, я вижу
трех повстанцев,
Свет молнии на их груди
горит,
И этой вечной чистоты
сиянье,
Как дар священный,
родина хранит.
Нетленная канва
воспоминаний,
И слово песни,
как далекий взрыв,
И губы сжатые,
и взгляд прощальный —
Последний — на товарищей
своих,
Сошедших навсегда
в земли родимой лоно,
И бесконечна ночь их сна
в лесу близ Крона.

Перевел с болгарского
Н. РАЗГОВОРОВ

КТО, ГДЕ, КОГДА

Оперный театр в Сиднее

Свой первый сезон откроет 28 сентября Сиднейский оперный театр. Девятнадцать лет назад правительство Нового Южного Уэльса приняло решение о создании грандиозного театрального комплекса, и вот столь длительный период строительства завершен. 100 миллионов австралийских долларов стоит этот комплекс, при сооружении которого были использованы последние достижения науки и техники. Это будет единственный в мире театр, где кресла оснащены специальными приспособлениями, бесшумно опускающимися и поднимающими сиденья. Помимо оперного театра, вмещающего 1550 зрителей, в здании расположатся концертный зал на 2700 человек, драматический театр на 550 человек, выставочный зал, многочисленные фойе, залы для приемов и встреч, два ресторана.

На открытии сезона будет показана опера Прокофьева «Война и мир».

На 20 октября намечена официальная церемония открытия, на которой будет присутствовать королева Елизавета II. Тогда же начнется двухнедельный фестиваль национальных танцев и музыки. 300 участников фестиваля приедут в Сидней с островов южной части Тихого океана.

На снимке: Сиднейский оперный театр.

Жан ШАЛОН, французский критик

ДВАДЦАТИЛЕТНИЕ: НАДЕЖДЫ И РАЗОЧАРОВАНИЯ

Недавно газета «Фигаро» опубликовала большую анкету — результат исследований, проведенных критиком Жаном Шалоном среди молодых французских литераторов.

Трудности, с которыми сталкиваются молодые писатели, отражают общий кризис буржуазного общества, порождающий тенденции к эскапизму, бегству от реальных жизненных проблем. Разумеется, анкета Жана Шалона охватывает лишь часть вопросов и позволяет судить скорей о настроениях, чем о самом творчестве молодых французских литераторов. Но и в этом виде собранные Шалоном сведения и высказывания представляют собой несомненный интерес.

СРЕДИ животных видов, находящихся на пути к исчезновению, не принадлежат ли молодые писатели к виду, обреченному на гибель в самом ближайшем времени? Их сманивает кино, их поглощает журнализм, их услуги охотно принимает песенная индустрия — в результате двадцатипятилетний писатель становится все большей и большей редкостью.

Когда я начал эту анкету, посвященную авторам, которым еще не исполнилось тридцати, я думал, что столкнусь со столь широкими возможностями выбора, что не смогу охватить все имена. Несколько писем, вроде того, что я получил от Франсуазы Лебер, пресс-атташе издательства «Ляффон», быстро охладили ни на чем не основанный оптимизм, сопровождавший мои первые шаги. «Увы,— прочел я в ответе Лебер,— факты превзошли все мои опасения, я могу вам назвать имя только одного-единственного молодого автора, чья книга выйдет у нас в мае...»

Чтобы застраховать себя от полного блуждания в потемках, я подумал тогда сразу о трех молодых писателях, наиболее известных среди самой молодежи,— это Патрик Модиано (26 лет), Франсуа-Мари Банье (25 лет) и Дидье Декуэн (28 лет). После того как я побеседовал с ними и подвел, так сказать, прочный фундамент под свои изыскания, я попытался связаться еще с десятком других и сразу же столкнулся со всеми «прелестями» жизненных неудобств. Мне пришлось путешествовать по самым отдаленным окраинам Парижа, взбираться на восьмые этажи домов без лифта, мои письма возвращались с пометкой «не проживает по этому адресу».

Можно было бы не рассказывать обо всем этом, если бы подобные розыски не привели меня уже к некоторым выводам. Молодой писатель часто перебирается из одного случайного угла в другой и, как правило, живет один. И однако у всех на устах — при встречах — было только одно: «человеческие отношения», «человеческие связи»... Никогда еще целое поколение не говорило столько о связях, так страдая от одиночества. «С первых же слов начинаем говорить друг другу «ты», чтобы создать иллюзию душевной близости, хотя на самом деле она не возникает почти никогда»,— сказал мне один из собеседников.

Это также первое послевоенное поколение. Оно родилось после окончания войны, оно было слишком молодо, чтобы действительно участвовать в алжирском конфликте, и оно замыкается сейчас в ожесточенном индивидуализме. Эти юноши с наслаждением любуются своей собственной тенью. У них нет никаких властителей дум. Не то, что они кого-либо отвергают, они просто живут как бы в другом мире. Ни один не назвал ни имени Мальро, ни Камю, ни — на худой конец — Роб-Грийе. Создается таким образом своего рода новый расизм, столь же губительный, как и все другие,— расизм молодости. На все, чему больше тридцати лет, ставится позорное клеймо: «Это старо». Из необходимости книги, как маленькие фильмы». Все сочинения Андре Жида охотно отдаются за одну сценку Лоузи. Лоузи прежде всего, затем следуют Висконти, Феллини, Энди Уорхол и реже — Франсуа Трюффо. Вот корифеи, с которыми юные литераторы охотно бы встретились. Писатель, которым они восхищаются и чьим другом они хотели бы стать, — это Патрик Модиано. Почему? «Потому что Модиано — в стороне, сам по себе». Быть в стороне, быть «вне», сохранять свои отличия от других — вот их главная забота. Когда я сообщил Патрику Модиано, что он избран принцем своего поколения, он только рассмеялся и пожал плечами.

— В стороне?.. Это верно, что я немного мрачноват,— признал автор «Ночного дозора» и «Площади Этуаль». Потом, как своего рода знак протеста, добавил: — Может быть, они не знают, что я только что женился? Как бы там ни было, мы все в достаточной мере «сами по себе», несмотря на то, что некоторые писатели моего поколения имеют между собой несомненные эпидермические сходства.

«Эпидермическое сходство» — вот неплохое заглавие для какого-нибудь из новых романов Франсуа-Мари Банье.

Среди молодых писателей Франсуа-Мари Банье считается своего рода легендарной фигурой, хотя его и недолюбливают, обвиняя в карьеризме, снобизме и тысяче прочих грехов. Он относится к этому с образцовым равнодушием, регулярно ведет записи в своем интимном дневнике и судит о нашем времени в достаточной мере сурово.

— Мое поколение страдает не от трудностей жизни, а от трудностей находиться за ее бортом, — говорит он. — Во Франции делается все, чтобы воображение натыкалось всюду на преграды и препоны. Стремление весьма распространенное — свести все к некоему среднему уровню — заставляет французов отворачиваться от Жана Кокто, поскольку он не соответствует никаким буржуазным нормам, и снимать шляпу перед Жюлем Роменом, ибо всегда можно рассчитывать, что младший отпрыск в семействе может стать как раз столь же знаменитым писателем. Каждый может стать Жюлем Роменом, но вряд ли мы дождемся нового Жана Кокто. Мое поколение обвиняют в нарциссизме, а как же может быть иначе? У нас нет больших сюжетов: и темы войны, и темы семьи — все это уже не для нас.

Отсутствие значительных сюжетов нисколько не беспокоит Дидье Декуэна. Он нашел персонажей для своего выходящего вскоре романа в Греции времен Перикла. Книга выходит в издательстве «Сей», она называется «Те, кто полюбит друг друга», и отнюдь не исключено, что она получит Гонкуровскую премию или премию Французской академии. Внешний вид Дидье Декуэна отмечен признаками будущей знаменитости: безукоризненный клетчатый костюм, синий галстук, задумчивое лицо. И не следует забывать, что его последний роман «Абраам Бруклинский» разошелся в количестве 100 000 экземпляров. Несомненный успех — автора можно было бы назвать счастливчиком, но счастье, поискам которого посвящены «Те, кто полюбит друг друга», не укладывается в понятие успеха. «Я хочу, чтобы счастье, — говорит один из героев, — распространилось, как чума, пусть все будут больны счастьем».

Ну а Симону эти поиски универсального всеобщего и не слишком точно определенного счастья тоже очень близки. Ему 29 лет. Он автор двух романов, вышедших в издательстве «Грассе», — «Разноцветные дни» и «Человек-радуга».

— Моя мечта, или, вернее, жизнь, о которой я мечтаю, — это непрерывное приключение, изменения, я боюсь надолго привязываться к какому-либо определенному месту, к какому-нибудь одному лицу. Я хочу приобщиться ко всему.

У него все шансы стать французским Джеком Керуаком. Прошлым летом, путешествуя «автостопом», он провел шесть недель в США. Вряд ли можно назвать оптимистическим такое его высказывание: «Все идет слишком быстро. Пропасть между поколениями устанавливается теперь за четыре года. Я чувствую, что уже далек от тех, кому 25, и мне почти нечего сказать восемнадцатилетним».

Молодые писатели с абсолютным презрением относятся к тому, что принято называть успехом, и ко всякого рода почестям. Они отказываются делать карьеру. Они хотят где-нибудь спокойно жить и работать в своем уголке, вернее, в любом уголке, ибо им также чужд инстинкт собственности. Они очень редко также бывают знакомы друг с другом и против того, чтобы организовывать какие-либо литературные общества. Одно упоминание о литературных салонах былых времен вызывает у них смех. М с жаль будущую хозяйку дома, которая желала бы пригласить на званый обед своего писателя. Впрочем, такое стремление к независимости может только порадовать, ибо на писателя в светских кругах никогда не смотрели иначе, чем на шута. Двадцатилетние авторы не хотят больше быть ничьими шутами. Им удалось добиться редкостного чуда: быть одновременно и серьезными, и веселыми. Что не мешает им, конечно, как и каждому из нас, испытывать иногда приступы отчаяния, которое вызывает пребывание в царстве бетона и бетонной тупости, где все мы обретаемся в наши дни.

В чем их сила? В их внутренней вере в правоту чувств. Я уже сказал и повторяю: любовь — основа жизни и творчества. Между деньгами и любовью, между любовью и успехом, между любовью и карьерой они без колебаний выбирают любовь. Весьма мало склонные к мистицизму, может быть, они представляют собой начало современного гуманизма, зарождения романтизма, но романтизма с крепкими мускулами. Может быть, будем надеяться на это обновление при условии, конечно, что эта молодая поросль не будет пожрана кино и фабрикантами песен.

КТО, ГДЕ, КОГДА

Энциклопедия подвига

«Энциклопедия подвига» — так озаглавил свою рецензию Кирил Топалов, рассказывая в газете «Литературен фронт» о вышедшей в Софии книге «Сентябрьское восстание 1923. Энциклопедия».

Завершена огромная работа по систематизации и обработке многочисленного материала: в книге опубликовано около 1600 статей и справок, приведены подробные характеристики различных организаций, литературных изданий и лиц, принимавших участие в сентябрьских событиях.

«Авторам удалось выяснить все важнейшие вопросы, связанные с подготовкой и возникновением восстания, раскрыть руководящую роль БКП а сплочении народных сил для борьбы против фашизма и показать (особенно в биографических справках) героизм повстанцев. Многочисленные фансимиле документов, прогрессивных литературных изданий, схемы боевых операций, фото видных революционных деятелей увеличивают научную ценность издания»,— пишет Кирил Топалов.

«Любовная история»

Известная французская актриса Жанна Моро снялась недавно в фильме режиссера Филиппа де Брока «Любовная история» в роли немолодой уже и одинокой учительницы. Эта женщина, похоронив мать, с которой она прожила последние годы, переезжает в другой город. Здесь она встречается с молодым парнем, приехавшим во Францию в поисках работы, — наивным, необразованным, выросшим в бедной семье. Она предоставляет ему кров, помогает устроиться на работу, учит читать и писать на чужом ему языке и в конце концов становится его любовницей. Но в один прекрасный день парень все же покидает возлюбленную. Однако женщина находит в себе силы выдержать этот удар, не утрачивает своей веры в людей, своей любви к жизни.

Критика высоко оценивает игру Жанны Моро в новом фильме.

На снимке: Жанна Моро.

КТО, ГДЕ, КОГДА

Энциклопедия подвига

«Энциклопедия подвига» — так озаглавил свою рецензию Кирил Топалов, рассказывая в газете «Литературен фронт» о вышедшей в Софии книге «Сентябрьское восстание 1923. Энциклопедия».

Завершена огромная работа по систематизации и обработке многочисленного материала: в книге опубликовано около 1600 статей и справок, приведены подробные характеристики различных организаций, литературных изданий и лиц, принимавших участие в сентябрьских событиях.

«Авторам удалось выяснить все важнейшие вопросы, связанные с подготовкой и возникновением восстания, раскрыть руководящую роль БКП а сплочении народных сил для борьбы против фашизма и показать (особенно в биографических справках) героизм повстанцев. Многочисленные фансимиле документов, прогрессивных литературных изданий, схемы боевых операций, фото видных революционных деятелей увеличивают научную ценность издания»,— пишет Кирил Топалов.

«Любовная история»

Известная французская актриса Жанна Моро снялась недавно в фильме режиссера Филиппа де Брока «Любовная история» в роли немолодой уже и одинокой учительницы. Эта женщина, похоронив мать, с которой она прожила последние годы, переезжает в другой город. Здесь она встречается с молодым парнем, приехавшим во Францию в поисках работы, — наивным, необразованным, выросшим в бедной семье. Она предоставляет ему кров, помогает устроиться на работу, учит читать и писать на чужом ему языке и в конце концов становится его любовницей. Но в один прекрасный день парень все же покидает возлюбленную. Однако женщина находит в себе силы выдержать этот удар, не утрачивает своей веры в людей, своей любви к жизни.

Критика высоко оценивает игру Жанны Моро в новом фильме.

На снимке: Жанна Моро.

У ПОЛКИ С ПЕРЕВОДАМИ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬДА

Джордж Гордон Байрон. «Паломничество Чайльд-Гарольда. Дон-Жуан». Перевод с английского. Издательство «Художественная литература» М. 1972.

Джордж Гордон Байрон. «Паломничество Чайльд-Гарольда». Перевод с английского Вильгельма Левика. Издательство «Художественная литература», М. 1973.

ДА, ОН *ПРИШЕЛ* к нам вновь, пилигрим, чей романтический образ тан восхитил всех полтораста лет назад. Он вернулся *со своим* творцом, в новом поэтическом облачении, столь прекрасном, что невольно настраиваешься на возвышенный лад.

Однако читатель вправе узнать, чем вызван столь редностный *феномен* — восторг критика. Спешу объяснить. Речь идет о томе Байрона в «Библиотеке всемирной литературы». Готовя книгу, редакция не могла не испытывать затруднений, обычных для этого издания, ибо каждому автору, как правило, отводится лишь один том. Выход был найден: ограничились тем, что напечатали только два произведения — «Паломничество Чайльд-Гарольда» и «Дон-Жуан». И верно! В поэмах — весь Байрон, вся суть его могучего поэтического дара, великолепно сочетавшего лирическое начало с эпическим, яркий и глубоко личный взгляд на мир с поразительным умением создавать запоминающиеся картины действительности. Байрон в них весь еще и потому, что над двумя великими творениями он работал почти всю свою творческую жизнь — без малого четверть века. От песни к песне он рос и менялся; и личность поэта, и его мировоззрение, и мастерство раскрываются перед нами в их развитии.

Обе поэмы представлены в современных переводах. О «Дон-Жуане» в переводе Татьяны Гнедич нет нужды говорить. Работа Гнедич публикуется уже третий раз и вошла в нашу переводческую классику. Новинкой не только то тома, но и всей нашей переводной поэзии является «Паломничество Чайльд-Гарольда», воссозданное Вильгельмом Левиком.

Я не стану возносить новую работу, хуля старые переводы. Они выполнили свою благородную роль и позволили завязать знакомство с замечательной поэмой тем, кто не знал языка подлинника. Опыт работы предшественников не *прошел даром* и для нашего поэта. Но он опирался и на собственный долгий опыт. Вспомним его многочисленные переводы других европейских поэтов-романтиков, его блистательного байроновского «Беппо», наконец фрагменты из «Чайльд-Гарольда», увидевшие свет много лет назад. И вот — завершенный «Чайльд-Гарольд»!

В *новом переводе* Байрон зазвучал свежо и сильно. Поэтическая лексика В. Левика, ритм и интонации его стиха возвращают нас к подлинному Байрону, насколько это возможно в переводе. Воссоздано благозвучие байроновского стиха, его необыкновенно разнообразная мелодика. Элегия и инвектива, исторические реминисценции и выходы в тогдашнюю современность, красочная словесная живопись и философские размышления, ирония и страсть, скорбь и могучее жизнелюбие — все это, звучащее у Байрона, требует от переводчика очень богатой палитры.

Но, может быть, лучшая похвала переводчику то, что, говоря о его работе, невольно думаешь уже не о нем, а о поэте, в которого он перевоплотился. Нет, он не «соперник», а влюбленный в Байрона поэт, удивительно настроившийся на его лад, чутко улавливающий все изгибы подлинника, *его поэтизмы* и обыденные интонации, героическую настроенность и необыкновенную остроту мысли великого революционного романтика.

В наш век едва ли ногонибудь увлечет «мировая скорбь» Чайльд-Гарольда. Он явно герой не нашего времени. Но не увяли пафос самого Байрона, его живая мысль и страстное отношение к миру, глубина его лиризма, смелая гражданственность.

«Он был, о море, твой певец», — мы чувствуем это в полной мере, когда читаем у Левина:

Тебя любил я, море!
В час покоя
Уплыть в простор, где
дышит грудь вольней,
Рассечь руками шумный
вал прибоя —
Моей отрадой было
в юных дней.

Байрон жил в начале той эры, когда машинная техника капитализма уже грозила лишить человека индивидуальности. Как и другие романтики, он бежал из города на лоно нетронутой природы:

Есть наслажденье
в бездорожных чащах.
Отрада есть на горной
крутизне,
Мелодия в прибое
волн ярящих
И голоса в пустынной
тишине.
Людей люблю, природа
ближе мне.

Культ природы был попыткой отстоять личность от нивелирующей мещанской «цивилизации». Покидая это общество, поэт хотел сохранить себя:

Замечу кстати: бегство
от людей —
Не ненависть еще и не
презренье.
Нет, это бегство
в глубь души своей...

Неприятие современной действительности имело у Байрона ярко выраженный революционный характер. Он жил в эпоху реакции, торжествовавшей всеевропейскую победу над французской революцией, которую мракобесы всячески поносили. Байрон видел теневые стороны буржуазной революции, но не смешивал крайностей переворота и его идейных стремлений. Видит он и закономерность того, что буржуазная революция ведет к возрождению личной власти в лице военного диктатора Наполеона. И все же он осудил не революцию, а изменившего ей Наполеона. Никакие зигзаги истории не обесценили для Байрона освободительных идеалов:

И все-таки твой дух,
Свобода, жив,
Твой стяг под ветром
плещет непокорно...
...Ты мощный дуб,
дающий лист упорно, —
Он топором надрублен,
но цветет.
И Вольностью
посеянные зерна
Лелеет Север,
и настанет год,
Когда они дадут уже
не горький плод.

Школьные определения гласят, что романтики превозносили чувство в противовес разуму. О Байроне этого не скажешь. Поэт могучих страстей, он оставался поборником *идеалов* разума. В то время как реакционные писатели и мыслители всячески превозносили иррациональные элементы в человеке, интуицию, Байрон, отдавая должное эмоциям, оставался верен разуму как единственной духовной силе, способной противостоять господствующей феодально-монархической реакции:

Так будем смело мыслить!
Отстоим
Последний форт средь
общего паденья.
Пускай хоть ты
останешься моим,
Святое право мысли
и сужденья...

Читая ожившие перед нами строки благородной поэмы, впитывая ее свободолюбивый дух, восхищаясь обилием ее поэтических красот, богатством мыслей, прелестью того, что сам Байрон назвал «летучими сценами», испытываешь радостное чувство духовного подъема, которое дает истинная поэзия. Вновь приникая к животворному источнику байроновской поэзии, отдадим должное тому, кто привел нас к нему.

Вильгельм Левик переводит много и всегда мастерски. Но есть в его творчестве работы, где ощущаешь полное растворение поэта в стихии подлинника. Перевод «Чайльд-Гарольда» — создание именно такого рода.

А. АНИКСТ,
доктор
филологических наук

АНКЕТА «ЛГ»

СОЦИОЛОГИЯ И ЛИТЕРАТУРА: ГДЕ ПРОХОДЯТ ИХ ГРАНИЦЫ?

Дональд БИССЕТ,
английский писатель

СТУПЕНИ ВООБРАЖЕНИЯ

У АНГЛИЙСКОГО писателя, носящего псевдоним Саки, есть рассказ о даме, едущей в поезде с тремя непослушными детьми. Дама, стараясь занять детей, начинает рассказывать им нравоучительную историю — дети от скуки балуются еще сильней. Тогда сосед по купе просит у дамы разрешения рассказать детям другую историю и, получив согласие, начинает: «Жила-была маленькая девочка. И была она преужасно хорошенькая...» Сразу же он полностью завладел вниманием своих юных слушателей, удивив их необычным соединением слов «преужасный» и «хорошенький». Этого пассажира условно можно назвать социологом, так как он обращался к детям с учетом их психологии.

Мне думается, что каждый писатель — в какой-то мере социолог, но только а то время, когда он не пишет. Социолог же редко бывает писателем или художником. Он слишком много размышляет над результатами своего труда. В конце монолога Гампета «Быть или не быть» есть такие строки:

И так решимости
природный цвет
Хиреет под налетом
мысли бледным,
И начинанья, взнесшиеся
мощно,
Сворачивая в сторону
свой ход,
Теряют имя действия.

Если обратить эти слова в формулу, можно получить приблизительно такой вывод: социология — это сознание, это содержание. Искусство же — и содержание, и форма, существующие нераздельно. Если социология, предположим, вытеснит искусство, человек будет знать, куда идет, к чему стремится, достигнет в конце концов намеченной цели, но не двинется дальше. Так как знание само по себе не может определять человеческую деятельность, оно — результат опыта.

Не кажется ли вам, что правомерна следующая схема, поясняющая сущность искусства: в основании — социолог, накапливающий факты действительности, далее более высокая ступень — социолог, обобщающий накопленные факты и придающий им определенное значение, наконец — художник, который создает произведения искусства под влиянием вдохновения, фантазии, путем художественного воображения.

По-моему, писатель должен быть прежде всего художником, как, например, Николай Евдокимов в «Рассказе о красном галстуке», опубликованном в одном из последних номеров журнала «Советская литература» на иностранных языках.

Социолог всегда зорко смотрит вокруг — и для социологии это прекрасно. Но в искусстве дело обстоит несколько иначе — художник, который постоянно думает о том, что он делает и как он это делает, неизбежно начнет спотыкаться, подобно танцору или пианисту, когда те во время исполнения задумаются вдруг над правильностью какого-то движения или аккорда.

В моей книге «Потерянный день рождения» есть рассказ «Сейнт Панкрас и Кингз Кросс». Я написал его в один вечер, когда мне надо было к утру сдать редактору обещанную рукопись. Я сел за стол, посмотрел в окно и увидел вдали два вокзала — Сейнт Панкрас и Кингз Кросс. Дальше я почти не думал, и рассказ был написан. Через год мой друг, по профессии психолог, сказал: «Это рассказ о том, какая была бы неразбериха, если бы вдруг машины обрели чувства. И одновременно это заметки о человеческих эмоциях, о том, к какой путанице они нас подчас приводят».

Так вот. Если бы в тот вечер я сел за стол и начал думать: «Надо написать рассказ о человеческих эмоциях и о той путанице, к какой они нас приводят», — я скорей всего ничего не написал бы или написал бы очерк. То есть выступил бы в роли социолога.

Пожалуйста, не думайте, что я недооцениваю социологов. Напротив, я их очень ценю. Но пусть социологи пишут научные труды и очерки. А писатели пусть пишут рассказы. Для всех есть место. И так, по-моему, должно быть всегда.

ЛОНДОН

КЛУБ 12 СТУЛЬЕВ

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА

СТАРО-ОБРЯДЕЦ

Анатолий ТАРАСКИН

(Последнее слово подсудимого Кукушкина А. А.)

— ГРАЖДАНЕ судьи, и особенно гражданин прокурор, который, на мой взгляд, требует очень сурового наказания за то, что наша наука не открыла еще все тайны природы! Я обращаюсь к вам с последним словом пострадавшего от нового обряда — чаепития. Я и подумать не мог, что это серьезно, я решил, что Лобанов темнит. Лобанов — это механик из нашего гаража.

Приходит он в пятницу на работу и объявляет:

— По случаю окончания рабочей недели приглашаю всех к себе на чашку чая!

А? Каков гусь, гражданин прокурор?! «На чашку чая»! Я все понимаю — у человека всегда может повод случиться. Но зачем темнить-то? Хорошо, я человек прямой, к этой всякой дипломатии не привык. Подхожу к Лобанову и спрашиваю:

— Чего нам купить?

Нормально спросил, по-свойски. А он мне с таким гонором отвечает:

— Ничего не надо, все есть.

Но я не обиделся.

— Тогда, может, — говорю, — по троячку сбросимся?

А он свое твердит:

— Все уже куплено, ничего не надо.

Должен я, граждане судьи, верить человеку? Ладно.

После работы своей обычной компанией — я, Чичинава и Лапшов, они проходят по этому же делу, — отправились к Лобанову.

Приходим. Встречает нас сама. Все путем. Только на столе как-то необычно нарядно. Пригляделся, мать честная! Самовар, стаканы в подстаканниках, бублики и сухари. Сухари, правда, ванильные. Но ни картошечки, ни огурчиков, ни того, ради чего пришли, нет!

Сама видит мое удивление и смеется:

— Мы с Семеном решили новый обряд ввести — чаепитие. Пожалуйста, гости дорогие, к столу.

А мужики смеются, вроде бы им эта затея с новым обрядом нравится.

Сели за стол. Лобанов чай из самоварника наливает, сама варенье в розеточки накладывает.

Чичинава берет стакан чая и произносит тост. Он у нас постоянный тамада, потому что грузин.

— Разрешите, — говорит, — дорогие друзья, поднять этот маленький стакан, но с большим чувством за здоровье хозяина дома. Пусть его жизнь будет такой же приятной, как этот чудодейственный напиток...

Короче, говорит, как всегда красиво. Я заслушался, забыл, что у меня в руке, да как хвачу одним глотком. Господи! Даже глаза на лоб полезли. Ребята ржут.

— Закусывай, — кричат, — а то окосеешь!

А чем закусывать? Сухарями? «Интересно, — думаю, — когда они шутить перестанут и закуску выставят?»

А наши уже по третьему стакану хлещут. Лобанов опять мне предлагает. Я с намеком так отвечаю:

— Чай не водка, много не выпьешь.

И с отвращеньем стакан от себя отодвигаю. Лобанов делает вид, что намеков моих не понимает. А мужики веселятся так, как будто уже по полбанки приняли.

Лапшов, он у нас коллекционер, марки собирает, начал рассказывать, как ему удалось достать марку с одним лишним зубчиком. Рассказывает и заливается, ну прямо как ребенок. А все делают вид, что им этот зубчик очень нужен. Не люблю я, гражданин прокурор, этого притворства!

— Ты, — говорю, — лучше расскажи, как в прошлом году на юге с одной коллекционеркой марками занимался. Помнишь, у меня на именинах рассказывал?

Покраснел Лапшов, руками замахал:

— Перестань! Неудобно! Это я тогда выпил, вот меня и понесло!

— Ясно, — говорю. — За этим дело не станет. Сейчас организуем.

Короче говоря, пока Лобановы на кухне с чаем возились, успел я вниз в гастроном сбегать, взял две бутылки белоголовой и портвейну.

Ребята для виду поломались, конечно.

— Зачем ты, Кукушкин, вечер портишь? Так хорошо чайком баловались...

— Побаловались, — отвечаю, — и хватит. Надо совесть иметь. Разливай! Тамада, тост за хозяйку дома!

А тут как раз сама и входит. С самоваром в руках. Чичинава навстречу.

— Разрешите поднять этот маленький стакан, но с большим чувством...

Умеет же, подлец, сказать, если захочет!

Хватил я одним глотком. Вот это совсем другое дело! По всем жилкам разлилось! Тут же ахнули по второй. И понеслось!

Сколько раз в гастроном бегали — я уж и не помню. Лобановых в ванной заперли, чтоб не мешали. Самовар — на пол, а бублики стали на люстру закидывать, кто точнее.

Лапшов про свои южные похождения рассказал. Короче говоря, повеселились от души.

Потом, помню, Чичинава на люстру полез: ему показалось, что он на один бублик больше забросил. А вот как у нас сосед оказался, простите, потерпевший — убей, не помню. И кто бил — не помню. Очнулся я уже в милиции. А все он виноват, новый обряд. — чаепитие! И наука! Которая еще не все тайны природы открыла, и в том числе действие на наш организм чая!

А пока наша славная наука не на высоте, нечего там разные новые обряды выдумывать! Я лично за старый обряд — бутылка на троих! Ну, если вам обязательно нововведения нужны, можно и на двоих!

Я кончил, граждане судьи! Если есть вопросы, я с удовольствием отвечу!

— Вопрос был один: сколько дать? Но на него отвечали за закрытой дверью

ПЕРЕВОДЫ ДЕБЮТАНТОВ

Януш ОСЕНКА

СПИЦА В СПИНЕ

ИНСПЕКТОР молчал и нервно протирал лупу.

— Ну что ж, восстановим события того вечера, — наконец произнес он.—Итак, вы, пан инженер, подошли к окну и зашторили его.

— Точнее говоря, — инженер от волнения даже привстал со стула, — я подошел к зеркалу, чтобы выдернуть из носа волосок. В зеркале видна была спина судьи.

— Без спицы? Так, так. Повторите все, что вы делали в тот вечер. Сержант исполнит роль судьи. В зеркале вы увидите спину сержанта. Сержант, вы захватили с собой состав для снятия отпечатков пальцев?

— Так точно, пан инспектор.

— Держите наготове. Он нам скоро понадобится. Итак, инженер подходит к зеркалу, и в этот момент адвокат роняет на пол французский гаечный ключ. Кстати, пан адвокат, а почему вы развлекались именно французским ключом?

— Видите ли, — заерзал на диване адвокат, — Франция — моя давнишняя и постоянная любовь. Но в этом году я не смог выбраться на Ривьеру, а быть к ней поближе хотелось. Понимаете? Только поэтому. Клянусь!

— Ладно, проверим. Нагнитесь, пожалуйста, будто хотите поднять ключ.

Адвокат нагнулся. Атмосфера была просто-таки наэлектризована. Инспектор беспрерывно протирал лупу.

— И тогда вы, — неожиданно обратился он ко мне, — подали судье депилятор. Где вы его взяли?

— Я вам уже миллион раз говорил, но скажу в миллион первый. Выиграл в фанты.

— Хорошо, проверим. А что было дальше?

— Судья взял его, но без особого интереса.

— А почему вы решили, что без особого?

— Потому что один глаз у него был искусственный, стеклянный. Так вот, депилятор он рассматривал именно этим глазом.

Тяжело вздохнув, инспектор потер свой лоб. Он чертовски устал. Он уже которую неделю подряд не видел жены и детей.

— Будьте любезны подать депилятор сержанту! Точно так же, как судье!

Атмосфера накалилась до предела.

— Тогда судья еще был жив?

— Думаю, да. Потому что выглядел он абсолютно всем довольным.

— А что в это время делали вы, пан фармацевт? — не отступал инспектор.

— Я подошел к бару, — фармацевт судорожно проглотил слюну, — и налил себе стакан воды. Отпил несколько глотков.

— А потом?

— Потом подержал воду во рту. Она отдавала хлоркой, и мне не хотелось ее глотать. С водой во рту я решал, как мне быть дальше.

— И что же вы решили?

— Выйти из комнаты и выплюнуть воду.

— Прошу выйти и войти.

Фармацевт вышел и вновь вошел. В воздухе что-то висело.

— Когда вы опять оказались в комнате...

— То заметил, что спица от зонтика торчит не на своем месте.

— А где же? — насторожился инспектор.

Развязка была близка. Все затаили дыхание.

— Я не хотел бы... Мне показалось... что она торчит в спине судьи!

Тут я заметил, что инженер нервно закусил губы, адвокат сильно побледнел, а фармацевт до боли сжал ладони на подлокотниках кресла.

— Сержант! — торжествующе взглянул на нас инспектор. — Результаты экспертизы уже получены?

— Так точно. Уличная пыль — из района расположенной на окраине города скотобойни. Волос принадлежит шимпанзе.

— Прекрасно! Теперь я знаю, кто убил судью!

Наступила гробовая тишина. Долгая и мучительная, лишь изредка нарушаемая жужжанием мух. Наконец, мы не выдержали:

— Кто? Кто убийца?

Инспектор молчал, сверля нас испытующим взглядом, затем вдруг сгорбился и закрыл лицо руками:

— Поражение! Провал! Полный крах! Я думал, нервы преступника не выдержат, он бросится бежать и тем самым выдаст себя... Но нет! Я просчитался!

Действительно, никто никуда не пытался бежать. Инспектор чуть ли не рыдал. Это было его первое самостоятельное расследование. Как он теперь будет смотреть в глаза своим подчиненным?

— Может, еще бросится... — пытался утешить его адвокат.

— Нет, нет, все пропало, все! — безнадежно махнул рукой инспектор.

— Да плюньте вы, право же, плюньте! Подумаешь, на разоблачили одного преступника! Да вы их еще сотни разоблачите! — ободрял его фармацевт. Но отчаяние все больше и больше овладевало инспектором. Он уже бог знает сколько времени не был дома. И ровно столько же не видел жены и детей. И тогда я, после непродолжительной внутренней борьбы, принял единственно правильное решение:

— Судью убил я!

— Вы? — удивился инспектор, не скрывая, однако, своей радости. — Великолепно. Выходит, убийца пойман... — и на моих запястьях щелкнули наручники.

Возможно, не каждый на моем месте поступил бы, как я, но нельзя было позволить инспектору усомниться в самом себе. Это было его первое самостоятельное расследование, и он уже много недель не видел ни жены, ни детей. А настоящего убийцу совесть пусть мучает вдвойне.

Перевел с польского А. КЛАПОУХ

ПОДРАЖАНИЯ

Павел ХМАРА

Я. АКИМУ

Мне странно

«Мне странно, что
я еще жив,
Хожу, просыпаюсь
в постели.
Что бомбы и голод и тиф
Меня одолеть
не сумели...»
(Я. АКИМ. «День поэзии 1972», стр. 54).

Кошмары мелькают в очах.
Удастся ли выжить —
не знаю.
Как странно,
что я не зачах.
Не умер. Скриплю.
Ковыляю.
Повсюду опасностей тьма.
На чем только держатся
жизни!
Аппендиксы. Голод. Чума.
Машины. Бои. Аневризмы!
Невзгодам не видно
конца —
В морях, в поднебесье,
на суше...
Болят наши глотки, сердца,
Желудки и средние уши.
Ходи по земле — не зевай,
Смотри себе под ноги
в оба...
Как я не попал
под трамвай!
Не сделался жертвой
микроба!
Ни разу не съел белены!
А как меня волки не съели!
Как две мировые войны
Меня погубить не сумели!..
Как странно, что жизнь
так длинна.
А смерть не подставит
подножку!
Лет сто протяну — и хана:
Начну вымирать
понемножку.

Евгений САЗОНОВ

КВИНТЭССЕНЦИИ

Педагогическое

Говорят, что нынче в играх
Дети с самых малых лет
В ход пускают икс и игрек,
А порою даже зет!

Мне особенно приятно,
Что, играя и шутя,
Мыслить учится абстрактно
Шаловливое дитя.

Простое и сложное

Заучить от сих до сих
Стих хотя и можно, —
Это просто для других,
Для меня же сложно.

А создать прекрасный стих
Строк примерно во сто, —
Это сложно для других,
Для меня же просто.

МОНОЛОГИ «КЛУБА «С»

СЧАСТЛИВЧИК

С. АЛЬТОВ

У МЕНЯ хоть однажды что-нибудь заболело?! Руки, ноги, сердце, печень, голова, слепая кишка — даже не знаю, где они у меня! У меня плохая трехкомнатная квартира? Конфетка. Конфетка в центре города. Магазины, театры, туберкулезный диспансер — все рядом. Вы думаете, с потолка сыплется штукатурка и отклеиваются обои? Нет! Лифт работает круглые сутки.

Мне не везет в картах? Наоборот. Тогда, на худой конец, в любви?! Но разве от меня ушла хоть одна любимая женщина?! Или я был несчастлив в браке? Ни разу.

Может быть, у меня плохой сон? Не знаю. Мне ничего, абсолютно ничего не снится. Только голову на подушку — и все! А аппетит?! Даже стыдно.

Разве у меня были неприятности на работе и против меня кто-нибудь затевал интриги? Или мне премию не давали? Хоть раз?! Бывало, я возьмусь за что-нибудь и у меня не получается? Как бы не так!

У меня есть враги? Все они мои друзья.

Меня раздражает то, что я не могу достать что-нибудь этакое?! Что?! А сколько цифр я угадываю в «Спортлото»?! Перед людьми неудобно! Может быть, у меня неправильные черты лица?! Если бы!

Я хоть раз попадал в автомобильную катастрофу? Или в железнодорожную? Горел? Тонул?! Черта с два!

Я хоть один раз почувствовал себя неловко, или мне давали понять, что я лишний?!

Тогда почему же мне так грустно?! ЛЕНИНГРАД

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА РОГА И КОПЫТА

● **НОВЫЕ ПЕСНИ**

Завтра по радио впервые прозвучит лирическая песня «Аюшка». Необычна и увлекательна история создания этой песни. Однажды поэт Лесин написал одноименное стихотворение. Композитор Филимонов написал к этим словам музыку.

● **СКАЗКИ — ДЕТЯМ**

Интересную сказку рассказала малышам завхоз Юлия Петровна: «Машину, дачу и кооперативную квартиру, дорогие детки, я приобрела на свою зарплату».

● **УМЕЛЕЦ**

Поистине золотые руки у слесаря-сантехника ЖКО № 7 Михейкина. За все, к чему он ни прикоснется, жильцам приходится платить.

● **МОЛОДЕЦ, ЖОРЖ БИЗЕ!**

На опытной молочнотоварной ферме сельскохозяйственного института повышают продуктивность животноводства с помощью музыки. Недавно племенной бык Васька при песенке «Тореадор, смелее в бой!» разнес весь коровник.

● **ТАБЛО БОМБАРДИРОВ**

В минувшем сезоне чаще всего товарищи по команде целовали футболиста команды «Агат» Брыкина — 379 раз. На один поцелуй отстал его одноклубник Зотов. На счету форварда «Весны» Гребцова 342 поцелуя.

ЧУДАКИ

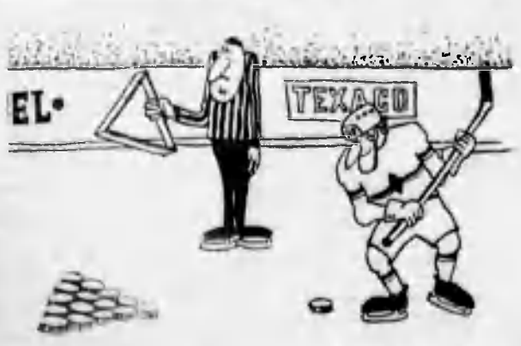

Б. ПЕТРУШАНСКИЙ

СПОРТИВНЫЙ ВЫПУСК

И. КРЕТОВИЧ (ХАРЬКОВ)

Рисунки Василия ДУБОВА

Герман ДРОБИЗ

ИРОНИЧЕСКАЯ ПРОЗА

ДАЛЕКО НЕ ФАУСТ

Из цикла «Любимец публики»

Рассказы о Н. Опрокидневе, старшем технике «Электропара»

ПОСЛЕ знакомства с предыдущими рассказами* у вас могло сложиться впечатление об Опрокидневе как о человеке яростного темперамента и необузданных поступков. Это не совсем так, и вот небольшая история, где он предстает чутким собеседником, спокойным, рассудительным другом.

Однажды после работы Курсовкин затащил Опрокиднева в пивной бар и поведал о своей неудавшейся жизни. Особенную горечь он усматривал в женитьбе на женщине, вот уже десять с лишним лет угнетающей его морально и физически.

— Она имеет надо мной какую-то непонятную власть. Конечно, я тоже могу крикнуть, но тогда она плачет. Поэтому я не кричу. Я ненавижу ее, Опрокидиев, но мне ее жалко. Если я уйду, кем она будет командовать? А на меня ей так удобно кричать... О, если бы я мог начать жить заново! — воскликнул он и слегка пристукнул кружкой по пластиковому прилавку, отчего на рукаве опрокидневского пиджака возник и с нежным шипением растаял пузырек пивной брызги.

— Не хулигань, Курсовкин, ты уже не в том возрасте, — заметил Опрокидиев. — Что касается новой жизни, то мысль хорошая. Ты Гёте читал? «Фауста»?

— Нет, — ответил Курсовкин.

— Я тоже. А оперу знаешь?

— Оперу знаю.

— Тогда представь, что я Мефистофель, а ты Фауст. Ты мне продашь душу, а я даю тебе вторую юность, вторую жизнь.

— Стоит ли мечтать? — вздохнул Курсовкин, но лицо его начало приобретать именно мечтательный оттенок.

— А все-таки?

— Не знаю... Не знаю, с чего и начать.

— Начни прямо с дня рождения, — посоветовал Опрокидиев.

— Разве что с него... — задумался Курсовкин. — Если бы я начал жить заново, то родился бы не третьего января, а какого-нибудь другого числа.

— А чем тебя не устраивает третье января?

— После новогодних праздников у людей нет денег, и мне никогда не дарят ничего приличного. Так, все больше шариковые ручки... Хотя, что я говорю? Это мелочи. Вот что важнее: во второй раз я родился бы у других родителей. У такого папочки, который научил бы меня драться. И у такой мамочки, которая объяснила бы мне, что девушке, решившей стать твоей женой, можно и откавать.

— В новой жизни ты хотел бы встретиться с другой женщиной? — уточнил Опрокидиев.

— А, — вдруг расстроился Курсовкин, — из района расположенной на окраине города скотобойни. Волос принадлежит шимпанзе.

— Прекрасно! Теперь я знаю, кто убил судью!

Наступила гробовая тишина. Долгая и мучительная, лишь изредка нарушаемая жужжанием мух. Наконец, мы не выдержали:

— Кто? Кто убийца?

Инспектор молчал, сверля нас испытующим взглядом, затем вдруг сгорбился и закрыл лицо руками:

— Поражение! Провал! Полный крах! Я думал, нервы преступника не выдержат, он бросится бежать и тем самым выдаст себя... Но нет! Я просчитался!

Действительно, никто никуда не пытался бежать. Инспектор чуть ли не рыдал. Это было его первое самостоятельное расследование. Как он теперь будет смотреть в глаза своим подчиненным?

— Может, еще бросится... — пытался утешить его адвокат.

— Нет, нет, все пропало, все! — безнадежно махнул рукой инспектор.

— Да плюньте вы, право же, плюньте! Подумаешь, на разоблачили одного преступника! Да вы их еще сотни разоблачите! — ободрял его фармацевт. Но отчаяние все больше и больше овладевало инспектором. Он уже бог знает сколько времени не был дома. И ровно столько же не видел жены и детей. И тогда я, после непродолжительной внутренней борьбы, принял единственно правильное решение:

— Судью убил я!

— Вы? — удивился инспектор, не скрывая, однако, своей радости. — Великолепно. Выходит, убийца пойман... — и на моих запястьях щелкнули наручники.

Возможно, не каждый на моем месте поступил бы, как я, но нельзя было позволить инспектору усомниться в самом себе. Это было его первое самостоятельное расследование, и он уже много недель не видел ни жены, ни детей. А настоящего убийцу совесть пусть мучает вдвойне.

Перевел с польского А. КЛАПОУХ

ПЕРЕВОДЫ ДЕБЮТАНТОВ

Януш ОСЕНКА

СПИЦА В СПИНЕ

ИНСПЕКТОР молчал и нервно протирал лупу.

— Ну что ж, восстановим события того вечера, — наконец произнес он.—Итак, вы, пан инженер, подошли к окну и зашторили его.

— Точнее говоря, — инженер от волнения даже привстал со стула, — я подошел к зеркалу, чтобы выдернуть из носа волосок. В зеркале видна была спина судьи.

— Без спицы? Так, так. Повторите все, что вы делали в тот вечер. Сержант исполнит роль судьи. В зеркале вы увидите спину сержанта. Сержант, вы захватили с собой состав для снятия отпечатков пальцев?

— Так точно, пан инспектор.

— Держите наготове. Он нам скоро понадобится. Итак, инженер подходит к зеркалу, и в этот момент адвокат роняет на пол французский гаечный ключ. Кстати, пан адвокат, а почему вы развлекались именно французским ключом?

— Видите ли, — заерзал на диване адвокат, — Франция — моя давнишняя и постоянная любовь. Но в этом году я не смог выбраться на Ривьеру, а быть к ней поближе хотелось. Понимаете? Только поэтому. Клянусь!

— Ладно, проверим. Нагнитесь, пожалуйста, будто хотите поднять ключ.

Адвокат нагнулся. Атмосфера была просто-таки наэлектризована. Инспектор беспрерывно протирал лупу.

— И тогда вы, — неожиданно обратился он ко мне, — подали судье депилятор. Где вы его взяли?

— Я вам уже миллион раз говорил, но скажу в миллион первый. Выиграл в фанты.

— Хорошо, проверим. А что было дальше?

— Судья взял его, но без особого интереса.

— А почему вы решили, что без особого?

— Потому что один глаз у него был искусственный, стеклянный. Так вот, депилятор он рассматривал именно этим глазом.

Тяжело вздохнув, инспектор потер свой лоб. Он чертовски устал. Он уже которую неделю подряд не видел жены и детей.

— Будьте любезны подать депилятор сержанту! Точно так же, как судье!

Атмосфера накалилась до предела.

— Тогда судья еще был жив?

— Думаю, да. Потому что выглядел он абсолютно всем довольным.

— А что в это время делали вы, пан фармацевт? — не отступал инспектор.

— Я подошел к бару, — фармацевт судорожно проглотил слюну, — и налил себе стакан воды. Отпил несколько глотков.

— А потом?

— Потом подержал воду во рту. Она отдавала хлоркой, и мне не хотелось ее глотать. С водой во рту я решал, как мне быть дальше.

— И что же вы решили?

— Выйти из комнаты и выплюнуть воду.

— Прошу выйти и войти.

Фармацевт вышел и вновь вошел. В воздухе что-то висело.

— Когда вы опять оказались в комнате...

— То заметил, что спица от зонтика торчит не на своем месте.

— А где же? — насторожился инспектор.

Развязка была близка. Все затаили дыхание.

— Я не хотел бы... Мне показалось... что она торчит в спине судьи!

Тут я заметил, что инженер нервно закусил губы, адвокат сильно побледнел, а фармацевт до боли сжал ладони на подлокотниках кресла.

— Сержант! — торжествующе взглянул на нас инспектор. — Результаты экспертизы уже получены?

— Так точно. Уличная пыль — из района расположенной на окраине города скотобойни. Волос принадлежит шимпанзе.

— Прекрасно! Теперь я знаю, кто убил судью!

Наступила гробовая тишина. Долгая и мучительная, лишь изредка нарушаемая жужжанием мух. Наконец, мы не выдержали:

— Кто? Кто убийца?

Инспектор молчал, сверля нас испытующим взглядом, затем вдруг сгорбился и закрыл лицо руками:

— Поражение! Провал! Полный крах! Я думал, нервы преступника не выдержат, он бросится бежать и тем самым выдаст себя... Но нет! Я просчитался!

Действительно, никто никуда не пытался бежать. Инспектор чуть ли не рыдал. Это было его первое самостоятельное расследование. Как он теперь будет смотреть в глаза своим подчиненным?

— Может, еще бросится... — пытался утешить его адвокат.

— Нет, нет, все пропало, все! — безнадежно махнул рукой инспектор.

— Да плюньте вы, право же, плюньте! Подумаешь, на разоблачили одного преступника! Да вы их еще сотни разоблачите! — ободрял его фармацевт. Но отчаяние все больше и больше овладевало инспектором. Он уже бог знает сколько времени не был дома. И ровно столько же не видел жены и детей. И тогда я, после непродолжительной внутренней борьбы, принял единственно правильное решение:

— Судью убил я!

— Вы? — удивился инспектор, не скрывая, однако, своей радости. — Великолепно. Выходит, убийца пойман... — и на моих запястьях щелкнули наручники.

Возможно, не каждый на моем месте поступил бы, как я, но нельзя было позволить инспектору усомниться в самом себе. Это было его первое самостоятельное расследование, и он уже много недель не видел ни жены, ни детей. А настоящего убийцу совесть пусть мучает вдвойне.

Перевел с польского А. КЛАПОУХ

ПОДРАЖАНИЯ

Павел ХМАРА

Я. АКИМУ

Мне странно

«Мне странно, что
я еще жив,
Хожу, просыпаюсь
в постели.
Что бомбы и голод и тиф
Меня одолеть
не сумели...»
(Я. АКИМ. «День поэзии 1972», стр. 54).

Кошмары мелькают в очах.
Удастся ли выжить —
не знаю.
Как странно,
что я не зачах.
Не умер. Скриплю.
Ковыляю.
Повсюду опасностей тьма.
На чем только держатся
жизни!
Аппендиксы. Голод. Чума.
Машины. Бои. Аневризмы!
Невзгодам не видно
конца —
В морях, в поднебесье,
на суше...
Болят наши глотки, сердца,
Желудки и средние уши.
Ходи по земле — не зевай,
Смотри себе под ноги
в оба...
Как я не попал
под трамвай!
Не сделался жертвой
микроба!
Ни разу не съел белены!
А как меня волки не съели!
Как две мировые войны
Меня погубить не сумели!..
Как странно, что жизнь
так длинна.
А смерть не подставит
подножку!
Лет сто протяну — и хана:
Начну вымирать
понемножку.

Евгений САЗОНОВ

КВИНТЭССЕНЦИИ

Педагогическое

Говорят, что нынче в играх
Дети с самых малых лет
В ход пускают икс и игрек,
А порою даже зет!

Мне особенно приятно,
Что, играя и шутя,
Мыслить учится абстрактно
Шаловливое дитя.

Простое и сложное

Заучить от сих до сих
Стих хотя и можно, —
Это просто для других,
Для меня же сложно.

А создать прекрасный стих
Строк примерно во сто, —
Это сложно для других,
Для меня же просто.

МОНОЛОГИ «КЛУБА «С»

СЧАСТЛИВЧИК

С. АЛЬТОВ

У МЕНЯ хоть однажды что-нибудь заболело?! Руки, ноги, сердце, печень, голова, слепая кишка — даже не знаю, где они у меня! У меня плохая трехкомнатная квартира? Конфетка. Конфетка в центре города. Магазины, театры, туберкулезный диспансер — все рядом. Вы думаете, с потолка сыплется штукатурка и отклеиваются обои? Нет! Лифт работает круглые сутки.

Мне не везет в картах? Наоборот. Тогда, на худой конец, в любви?! Но разве от меня ушла хоть одна любимая женщина?! Или я был несчастлив в браке? Ни разу.

Может быть, у меня плохой сон? Не знаю. Мне ничего, абсолютно ничего не снится. Только голову на подушку — и все! А аппетит?! Даже стыдно.

Разве у меня были неприятности на работе и против меня кто-нибудь затевал интриги? Или мне премию не давали? Хоть раз?! Бывало, я возьмусь за что-нибудь и у меня не получается? Как бы не так!

У меня есть враги? Все они мои друзья.

Меня раздражает то, что я не могу достать что-нибудь этакое?! Что?! А сколько цифр я угадываю в «Спортлото»?! Перед людьми неудобно! Может быть, у меня неправильные черты лица?! Если бы!

Я хоть раз попадал в автомобильную катастрофу? Или в железнодорожную? Горел? Тонул?! Черта с два!

Я хоть один раз почувствовал себя неловко, или мне давали понять, что я лишний?!

Тогда почему же мне так грустно?! ЛЕНИНГРАД

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА РОГА И КОПЫТА

● **НОВЫЕ ПЕСНИ**

Завтра по радио впервые прозвучит лирическая песня «Аюшка». Необычна и увлекательна история создания этой песни. Однажды поэт Лесин написал одноименное стихотворение. Композитор Филимонов написал к этим словам музыку.

● **СКАЗКИ — ДЕТЯМ**

Интересную сказку рассказала малышам завхоз Юлия Петровна: «Машину, дачу и кооперативную квартиру, дорогие детки, я приобрела на свою зарплату».

● **УМЕЛЕЦ**

Поистине золотые руки у слесаря-сантехника ЖКО № 7 Михейкина. За все, к чему он ни прикоснется, жильцам приходится платить.

● **МОЛОДЕЦ, ЖОРЖ БИЗЕ!**

На опытной молочнотоварной ферме сельскохозяйственного института повышают продуктивность животноводства с помощью музыки. Недавно племенной бык Васька при песенке «Тореадор, смелее в бой!» разнес весь коровник.

● **ТАБЛО БОМБАРДИРОВ**

В минувшем сезоне чаще всего товарищи по команде целовали футболиста команды «Агат» Брыкина — 379 раз. На один поцелуй отстал его одноклубник Зотов. На счету форварда «Весны» Гребцова 342 поцелуя.

ЧУДАКИ

Б. ПЕТРУШАНСКИЙ

СПОРТИВНЫЙ ВЫПУСК

И. КРЕТОВИЧ (ХАРЬКОВ)

Рисунки Василия ДУБОВА

Герман ДРОБИЗ

ИРОНИЧЕСКАЯ ПРОЗА

ДАЛЕКО НЕ ФАУСТ

Из цикла «Любимец публики»

Рассказы о Н. Опрокидневе, старшем технике «Электропара»

ПОСЛЕ знакомства с предыдущими рассказами* у вас могло сложиться впечатление об Опрокидневе как о человеке яростного темперамента и необузданных поступков. Это не совсем так, и вот небольшая история, где он предстает чутким собеседником, спокойным, рассудительным другом.

Однажды после работы Курсовкин затащил Опрокиднева в пивной бар и поведал о своей неудавшейся жизни. Особенную горечь он усматривал в женитьбе на женщине, вот уже десять с лишним лет угнетающей его морально и физически.

— Она имеет надо мной какую-то непонятную власть. Конечно, я тоже могу крикнуть, но тогда она плачет. Поэтому я не кричу. Я ненавижу ее, Опрокидиев, но мне ее жалко. Если я уйду, кем она будет командовать? А на меня ей так удобно кричать... О, если бы я мог начать жить заново! — воскликнул он и слегка пристукнул кружкой по пластиковому прилавку, отчего на рукаве опрокидневского пиджака возник и с нежным шипением растаял пузырек пивной брызги.

— Не хулигань, Курсовкин, ты уже не в том возрасте, — заметил Опрокидиев. — Что касается новой жизни, то мысль хорошая. Ты Гёте читал? «Фауста»?

— Нет, — ответил Курсовкин.

— Я тоже. А оперу знаешь?

— Оперу знаю.

— Тогда представь, что я Мефистофель, а ты Фауст. Ты мне продашь душу, а я даю тебе вторую юность, вторую жизнь.

— Стоит ли мечтать? — вздохнул Курсовкин, но лицо его начало приобретать именно мечтательный оттенок.

— А все-таки?

— Не знаю... Не знаю, с чего и начать.

— Начни прямо с дня рождения, — посоветовал Опрокидиев.

— Разве что с него... — задумался Курсовкин. — Если бы я начал жить заново, то родился бы не третьего января, а какого-нибудь другого числа.

— А чем тебя не устраивает третье января?

— После новогодних праздников у людей нет денег, и мне никогда не дарят ничего приличного. Так, все больше шариковые ручки... Хотя, что я говорю? Это мелочи. Вот что важнее: во второй раз я родился бы у других родителей. У такого папочки, который научил бы меня драться. И у такой мамочки, которая объяснила бы мне, что девушке, решившей стать твоей женой, можно и откавать.

— В новой жизни ты хотел бы встретиться с другой женщиной? — уточнил Опрокидиев.

— А, — вдруг расстроился Курсовкин, — другая может оказаться такой же, если не хуже.

— В таком случае предлагаю застраховаться полностью, — осенило Опрокидиева. — Что, если во второй раз ты родишься девочкой?

— Ты, может быть, шутишь? — ответил Курсовкин. — Но с моим характером действительно лучше родиться девочкой. Когда я был маленьким, я часто играл с девчонками. А через скакалку прыгал лучше их всех.

— Чудесная была бы жизнь, — сказал Опрокидиев. — А если бы судьба и свела тебя с твоей теперешней женой, вы стали бы подружками.

— Не буду я с ней дружить, — закапризничал Курсовкин. — Она жадная.

— Не будешь, и не надо, — сказал Опрокидиев. — Найдешь других.

Но тут к нему пришла ужасная мысль:

— А вдруг твоя жена, получив такую же возможность жить заново, пожелает стать мальчиком?

— Гм... — растерялся Курсовкин. — В таком случае я стану женой своей жены, а она — моим мужем?

— Да. И если теперь она тебя только пилит, то, став твоим мужем, будет еще и колотить.

— Подожди, кажется, есть выход. — сказал Курсовкин. — Я от нее спрячусь. Впервые я родился в Сибири, приехал учиться сюда и здесь встретил ее. Теперь я все перестраиваю: появляюсь на свет здесь, а учиться уеду в Сибирь.

— Ну да. Приедешь, а ей как раз придет в голову родиться в этом сибирском городе.

Курсовкин задумался.

— Я ее обману, — наконец сказал он. — Билет возьму до второго города, а сойду на какой-нибудь промежуточной станции.

— А она возьмет, да и родится как раз на этой станции.

— Тогда я сойду на следующей, — упрямо сказал Курсовкин.

— Что ей мешает жить на любой станции от Бреста до Владивостока, если ее отец — путевой обходчик?

— Но ее отец, мой тесть, — экспедитор обувной фабрики.

— Это сейчас. Дай ему возможность жить заново — где гарантия, что его не занесет в путевые обходчики?

Курсовкин ничего не ответил и заказал еще по кружке. Они молча чокнулись.

— Такой гарантии нет, — неожиданно произнес Курсовкин. — Раз повторной встречи не избежать, значит, так тому и быть. Опрокидиев, пусть будет та же самая жизнь вплоть до сегодняшнего числа. Но сегодня, с этой самой минуты... Дай две копейки! Иду звонить.

Они залпом осушили по кружке, и Курсовкин ушел.

Вскоре он вернулся:

— Понимаешь... В принципе она не возражает, чтобы я начал новую жизнь. Но сначала просит закончить эту... В частности, сейчас я должен срочно вернуться домой и выбить ковер.

— Понимаю, — сказал Опрокидиев. — Ты не Фауст.

— Далеко не Фауст, — согласился Курсовкин. — Но и ты не Мефистофель.

— А если и Мефистофель? — спросил Опрокидиев. — Зачем мне твоя душа? Своя болит. И потом, новая жизнь — это ведь ненадолго.

— Почему? — уныло спросил Курсовкин.

— Только между нами, — прошептал Опрокидиев. — Потому что любая новая жизнь по прошествии некоторого времени становится старой.

СВЕРДЛОВСК

* См. «ЛГ», №№ 15, 17, 31, 33 с. г.

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП. Москва Ц. Цветной бульвар 30. Телефон для справок: 295 00 00 доб. 63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, Р. САМАРИН, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

А-07670 Типография «Литературной газеты» Москва К-51, Цветной бульвар, 30 Зак. 622 ИНДЕКС 50067